

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Е. Р. Добрушина

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО МОРФЕМНОЙ, ГРАММАТИЧЕСКОЙ
И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Москва

Издательство ПСТГУ

2014

УДК 81
ББК 81
Д56

Исследования осуществлены при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 10-04-00256а, № 14-04-00264

Рецензенты:

д-р филол. наук *М. Д. Воейкова*, д-р филол. наук *Г. И. Кустова*,
д-р филол. наук *Е. В. Падучева*, канд. филол. наук *А. П. Вяльсова*

Выпускающая организация

НИУ-ВШЭ, филологический факультет;
рецензент д-р филол. наук *Е. В. Рахилина*

Добрушина Е. Р.

Д56 Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка / Е. Р. Добрушина. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. — 272 с.

ISBN 978-5-7429-0925-5

Монография посвящена описанию результатов корпусных исследований современного русского языка в области морфемной семантики, грамматики, дискурсивной семантики и лексикологии. В словообразовательном разделе представлены исследования семантики глагольных приставок и основ; в грамматическом — работы, выполненные автором в рамках коллективного проекта «Русграм», в частности описание нестандартного формообразования современного деепричастия. Дискурсивная семантика представлена исследованиями слов *да* и *нет*. Лексикологический раздел посвящен проблемам описания семантики лексем, обозначающих специализированные понятия русского христианства. Книга объединена общим методом работы с разноуровневыми единицами русского языка — корпусным микродиахроническим анализом.

Для широкого круга лингвистов.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7429-0925-5

© Добрушина Е. Р., 2014
© Оформление. Издательство Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета, 2014

Оглавление

<i>Летучий А. Б.</i> Предисловие.....	5
От автора	10
Глава 1. Морфемная семантика	
1.1. Единая семантика глагольных приставок, или Душа русского глагола.....	11
1.2. В поисках инвариантного значения приставки <i>из-</i>	36
1.3. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа <i>-каз-</i>)	60
1.4. <i>Крестить</i> или <i>покрестить</i> : в поисках причин победы узуса над нормой.....	78
1.5. Метафорическая приставка, или Периферийное воздей- ствие (к вопросу о семантике приставки <i>о-/об(о)-</i>)	83
1.6. Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах.....	91
Глава 2. Грамматика	
2.1. <i>Видев</i> и <i>увидя</i> : жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям	96
2.2. «Присчетные формы».....	120
Глава 3. Дискурсивные слова	
3.1. О видах поддакивания	128
3.2. Что значит слово <i>нет</i> ?	142

Глава 4. Лексическая семантика и лексикография

4.1. О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях и шкала лабильности)	199
4.2. Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики.....	216
4.3. Абсолютность <i>добра</i> и относительность <i>блага</i> или наоборот?	233
Указатель лексем и морфем	254
Список литературы	258

Предисловие

Книга Е. Р. Добрушиной объединяет темы, которые вошли в сферу интересов автора в разное время, поэтому на первый взгляд монография выглядит разнородной. Здесь и собственно грамматика, глагольное словоизменение — диахроническое исследование форм причастий со значением предшествования типа *видев* и *увидя*; и словообразование — анализ семантических свойств некоторых русских приставок и основ, которые эти приставки модифицируют; и лексикография — описание значения лексических единиц, релевантных для религиозного дискурса и русской культуры, например *акафист*, *альтруизм*, и, наконец, анализ коммуникативных маркеров, например способов подтверждения мнения адресата типа *да-да* или *нет*.

Несмотря на это, книга отнюдь не распадается на отдельные главы, собранные по принципу полного охвата, без единого стержня. То, что объединяет все, представленное в работе, — это, во-первых, внимание к корпусным данным (широко используются механизмы поиска «Национального корпуса русского языка»), во-вторых, внимание к диахронии и, особенно, к микродиахроническим вопросам (например, причастия *видев* и *увидя* невозможно анализировать, не принимая во внимание их развития с XVIII в. и до наших дней) и, в-третьих, тщательный, всесторонний и основанный на понятных теоретических принципах анализ материала.

Особенно важно, что автор не стремится отдать предпочтение какому-либо одному аспекту изучаемых проблем (синтаксическому, семантическому, морфологическому). Ведь современные лингвисты — в том числе исследователи русского языка — всегда явно или неявно задают себе вопрос: «Что важнее — семантика, синтаксис или морфология?» Хотя со строго научных позиций этот вопрос не имеет смысла, всегда оказывается, что для одних исследователей при анализе сложного явления (например, употребления родительного па-

дежа при отрицании) на первом месте стоит семантика исследуемых единиц, а для других — их синтаксические свойства. Такая исходная позиция влияет на ход исследования, а иногда и на его итог.

Книга Е. Р. Добрушиной посвящена именно таким сложным явлениям, которые лежат на стыке морфологии, синтаксиса и семантики. В частности, это глагольная префиксация: описание поведения глагольных приставок невозможно без учета морфологических свойств глагольной основы, синтаксических особенностей исходного и производного глаголов и семантики приставки и глагола.

И сразу же бросается в глаза, что автор возможно полно и беспристрастно описывает поведение приставок (так же как и всех прочих единиц, изучаемых в последующих частях) и не игнорирует ни одну из сторон вопроса. Например, для самых разных приставок описаны не только основные значения, но и влияние на аргументную структуру глагола. Впрочем, понятно, что ключевую роль для автора играет все же семантика, — однако такое глубокое описание может стать основой для будущих чисто синтаксических исследований, посвященных префиксам.

Ясно, что в рамках описания приставок возникают случаи, в которых способ анализа смысла не может быть стопроцентно подтвержден фактами и в какой-то степени от них оторван из-за своей абстрактности. Например, такова часть, посвященная основе *-каз-* и производным от нее приставочным дериватам. Да и в целом абстрактные формальные схемы, предлагаемые для приставок, — это именно теоретические конструкторы. Они вполне сознательно формулируются абстрактно, чтобы покрывать максимальное число употреблений приставки: в такой ситуации автор вынужден пожертвовать непосредственной связью значения с конкретным типом контекстов, чтобы не плодить бесконечных новых значений, не связанных друг с другом. Однако существенно, что в исследованиях Е. Р. Добрушиной отсутствует недостаток, часто присущий абстрактным теоретическим объяснениям. Нередко стоящая за такими объяснениями теория подается как аксиома, и дальнейшие разделы можно читать только при условии, что читатель принимает на веру некоторую теорию и готов повременить с ее конкретными подтверждениями. Напротив, в данной книге формальные схемы немедленно проверяются и привязываются к языковому материалу всеми возможными способами, —

например, с использованием корпусной методики (соотношение употреблений проверяется по корпусу), контрастивного подхода (при описании сходных приставок сравниваются, «сталкиваются» между собой близкие дериваты от одной и той же основы с разными приставками). Это позволяет читателю проверить выводы автора и согласиться с ними или не согласиться. Инвариантный подход, использование формальных схем для описания значения и прочие исследовательские решения становятся не абстрактными лозунгами той или иной школы, а понятным и проверяемым эмпирически выбором автора.

Не менее интересны и части книги, посвященные дискурсивным механизмам (например, видам поддакивания — способам выражения «усиленного согласия» с адресатом). Область коммуникативных средств «опасна» для лингвиста в том смысле, что велик соблазн ограничиться общими утверждениями о структуре диалога, факторе говорящего и факторе адресата, роли говорящего в языке и т. д. Тем приятнее, что автор этого не делает: все описания и решения (например, выделение употреблений *да-да* и *нет*) тщательно аргументируются, причем поясняются не только конкретные описания, но и используемый формализм и теоретическая основа всех описаний.

Например, в главе о слове *нет* очень познавателен и крайне важен экскурс об используемых механизмах описания значений. Понятия контекста, значения, употребления общепотребительны, но именно поэтому каждый лингвист понимает под ними более или менее свое.

Конечно, можно (хотя здесь и неуместно) говорить о спорных решениях (без них, вероятно, не может обойтись ни одна работа, а особенно связанная с описанием значений). Для меня, например, отчасти выглядит спорным выделение значений показателя *нет*: так, не вполне очевидно, что *нет* в ответах на побуждения (*Отдай!* — *Нет, не отдам*) и на вопросы (*Он ушел?* — *Нет, не ушел*) представляет разные значения или типы употреблений. Возможно, если бы я исследовал тот же материал, то сгруппировал бы значения более крупно (впрочем, легко говорить так лингвисту, который в действительности никогда не занимался данной темой). Но важно, что даже эти спорные решения вызывают уважение, потому что с ними действительно

можно спорить, они аргументированны, видно, на какие допущения и теоретические предпосылки они опираются.

Несколько обособленными от остальных частей становятся последние разделы книги, посвященные семантическому описанию русской лексики, преимущественно связанной с религиозной тематикой. Однако эти элементы отнюдь не выглядят чужеродными. Дело в том, что автор и здесь следует своему исследовательскому подходу, — в частности, проверяет все выводы на корпусных данных, эксплицитно формулирует теоретические основы исследования и используемые понятия и т. д.

Надо сказать, что и лексикографическая часть работы посвящена трудной для лингвиста тематике. Слишком уж сильна религиозная и культурная привязка рассматриваемой лексики, легко при ее исследовании выбрать не лингвистический, а культурологический путь и говорить преимущественно не о значениях слов, а о понятиях, которые они обозначают, и о сфере, в которой они функционируют. Однако автору удается хорошо отделить одно от другого, учитывать религиозное употребление лексики, анализируемой в последней главе, но не исчерпываться им.

Мне бы хотелось здесь вернуться к одной черте, присущей всем исследованиям автора, собранным под обложкой книги. Казалось бы, это работы на очень конкретные темы, но благодаря тщательному пояснению понятий, глубокому анализу и вниманию к связям между разными языковыми механизмами, они выходят за рамки своей узкой проблематики и могут быть важны и интересны для специалистов в самых разных областях семантики и синтаксиса.

Именно поэтому важно, что сейчас работы Е. Р. Добрушиной публикуются как единая книга. Вполне можно не заметить, что один из знакомых лингвистов написал статью об одной из русских приставок или о значениях частиц в русском языке (если, конечно, не занимаешься этим сам). Однако когда эти работы собраны вместе, становится понятно, что они крайне полезны для специалистов в самых разных областях.

Наконец, как уже говорилось выше, с самых первых страниц бросается в глаза внимание и любовь автора к диахроническому анализу данных — здесь, конечно, играет немалую роль корпусный подход к данным, без которого и диахроническое рассмотрение было бы край-

не проблематично. Диахронические данные могут играть в исследовании разную роль, и бывает, что для некоторой работы, по преимуществу связанной с синхронным анализом языка, диахроническая часть выполняет функцию своего рода справки, энциклопедической статьи, показывает в общих чертах, что было раньше с исследуемой единицей. Однако с книгой Е. Р. Добрушиной дело обстоит совсем не так. Диахрония здесь неотделима от синхронии — она добавляет выпуклости изучаемым фактам, без нее анализ сегодняшних явлений был бы неполным. Хороший пример — исследование глаголов *крестить* и *покрестить*. Диахронический факт (победа изначально узувального и не закрепленного нормой явления над нормативным) здесь объясняется синхронными закономерностями (семантикой приставки *по-*), и невозможно отделить одно от другого.

Не буду дальше пересказывать работу Е. Р. Добрушиной — как любая интересная книга, она заслуживает, чтобы читали ее саму, а не предисловие. Поэтому просто желаю всем приятного и интересного чтения!

А. Б. Летучий

От автора

Мне посчастливилось быть ученицей Веры Арсеньевны Белошапковой, которая в свою очередь была ученицей Виктора Владимировича Виноградова. С другой стороны, мне повезло работать в нескольких проектах с учеными из разных научных парадигм – французской формальной семантики (в применении к русскому материалу), корпусной лингвистики и типологии. Описывая факты русского языка, я бы хотела совместить в своих работах традиции классической русистики с современными методами.

В этой книге объединены исследования, появившиеся благодаря моему участию в трех интереснейших коллективных проектах: «Проекте описания русских дискурсивных слов, приставок и предлогов» (1993–2002, «Paris-7»), вдохновляемом Д. Пайаром; проекте разработки «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» (работает с 2004 г., Москва, ПСТГУ), созданном свящ. К. О. Польсковым, и проекте «Корпусное описание русской грамматики «Русграм» (с 2009 г., Москва – Питер, ИРЯ РАН), организованном Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяном.

Работа над книгой поддерживалась РГНФ (проекты № 10-04-00256а, № 14-04-00264) и Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Развитие корпусной грамматики русского языка», 2011 и 2012–2014 гг.).

Я хочу поблагодарить всех тех моих учителей, друзей, коллег и учеников, без дискуссий и совместной работы с которыми эти исследования никогда бы не были проведены: это В. А. Белошапкова, В. Г. Чурганова, К. А. Александрова, Е. Э. Виснап, А. И. Грищенко, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Анна А. Зализняк, И. Б. Иткин, Р. Камю, М. А. Кронгауз, Г. И. Кустова, А. Б. Летучий, К. В. Литвинцева, О. Н. Ляшевская, Л. И. Маршева, Е. А. Меллина, С. Н. Новожилов, Е. В. Падучева, Д. Пайар, Н. В. Перцев, В. А. Плунгян, свящ. К. Польсков, Е. В. Рахилина, К. Рей, В. А. Рунова, И. Свещинская, Д. В. Сичинава, А. В. Титов, И. А. Хангиреев.

Господи, благослови!

Глава 1. Морфемная семантика

1.1. Единая семантика глагольных приставок¹, или Душа русского глагола²

1.1.1. «Инвариант» и «формальная схема»

Русские глагольные приставки весьма многозначны, и в то же время хочется считать, что за всем множеством употреблений отдельной приставки скрывается нечто семантически единое. Начиная с 80-х гг. XX в. разные исследователи с различных позиций описывали семантику приставок в поисках таких формулировок, которые позволили бы обосновать это в общем-то интуитивное ощущение³.

¹ На основе материалов данного раздела опубликована статья: Добрушина Е. Р. К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 31–44.

² Данная формулировка представляет собой плагиат названий исследований С. Г. Татевосова: *Татевосов С. Г.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 92–157; *Татевосов С. Г.* Множественная префиксация и физиология русского глагола. Рукопись. Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 2009. Я выражаю свое восхищение неожиданной и точной метафорой и прошу прощения за использование чужой находки в собственном заголовке. «Инвариантное» значение приставок, как и душа человека, неосознано и почти неуловимо, а его существование весьма спорно и не признано очень многими. В то же время отказ исследовать его означает, с моей точки зрения, отказ от попыток понять семантическую суть русского глагола, так же как неверие в бессмертную душу равноценно отказу от поисков смысла жизни.

³ См. краткие сводные списки работ по семантике русских глагольных приставок, например: *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 336; *Татевосов С. Г.* Множественная префиксация и анатомия... С. 104.

Тем не менее за прошедшее тридцатилетие общепринятой позиции выработано не было, более того, применение к приставкам термина «инвариант» в настоящее время скорее не вызывает доверия¹. Так, анализируя толкования, предложенные в работе «Приставочная парадигма...»², Ю. П. Князев делает вывод, что в отношении «простоты перехода от инварианта к реальным употреблениям» и наоборот приставки сильно различаются между собой. Например, связь между инвариантом и употреблениями достаточно прозрачна для *от-*, но не для *при-*. Если «невозможно предсказать, какие конкретные ситуации могут быть подведены под такой инвариант, а какие не могут», «это фактически означает», что у такой приставки «нет семантического инварианта»³.

Трудно спорить с тем, что инвариантного значения приставок не существует. Ясно, что нет такого смыслового компонента, который входил бы в значение каждого (или хотя бы большинства) глаголов с одной и той же приставкой. Так, невозможно говорить об общем семантическом элементе в составе пар *вышить* — *выбежать* или *ушить* — *убежать*, кроме разве что еще более таинственной, нежели приставочная, общей семантики совершенного вида.

И все же, на наш взгляд, поиски единой семантики приставок продуктивны, если не подходить к понятию «инвариант» слишком прямолинейно⁴. Чтобы избежать связанных с этим термином коннотаций, в нашей с Пайаром книге (2001) вместо «инвариант» используется термин «формальная схема». Словосочетание «фор-

¹ К современным работам, посвященным обобщению значений многозначных приставок, относятся статьи J. Viimaranta, в которых рассматривается идея доминанции, реализуемая через метафору или метонимию, как общая для всех значений приставки *pod-*: Viimaranta J. The metaphors and metonymies of domination: explaining the different meanings of the Russian prefix *pod-* // Russian linguistics. 2012. № 36 (2). P. 157–174; Eadem. The meaning and use of *podportit'* on the basis of the Russian National Corpus // Russian Linguistics. № 2014. 38 (1). P. 63–87.

² Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. С. 11–254.

³ Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М., 2007. С. 51.

⁴ Обзор трактовок понятия «инвариантное значение» см.: Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

мальная схема» удачно отражает представление о том, что речь идет о таких абстракциях, которые без конкретного языкового наполнения остаются очень далекими от значений, с которыми лингвист имеет дело, анализируя лексемы. Под формальной схемой приставки понимается такой семантический конструкт, который всегда находится в истоках семантического взаимодействия данной приставки с глагольной основой¹, но никогда не присутствует в непосредственном виде в значении приставочного глагола. И именно этот компонент является причиной того, что сочетание приставки с основой порождает то значение — или несколько значений, если приставочный глагол многозначен, — которое проявляется в реальных текстах. Ниже (раздел 1.1.3) будут приведены формальные схемы для нескольких приставок и, в частности, показано, каким образом на основе единого смысла приставки *вы-* из *шить* и *бежать* получаются *вышить* и *выбежать*, а на основе семантики *у-* из *шить* и *бежать* образуются *ушить* и *убежать*.

Таким образом, значение приставочного глагола является результатом сложного взаимодействия нескольких семантических абстракций: в первую очередь двух, соответствующих данной приставке и данной основе, но часто, кроме того, в дело вступают постфикс и значения слов, заполняющих позиции семантических актантов как основы, так и приставки. При этом абстрактность взаимодействующих элементов относится к гораздо более глубокому уровню, чем принятый в словарях уровень толкования слов. Поэтому последовательной прозрачной связи между семантическим конструктом приставки и значением приставочных глаголов, в которые она входит, ожидать не приходится: по сути, такой связи нет ни для одной приставки. Например, даже для приставки *от-*, одной из самых семантически простых, вряд ли возможно было бы предсказать, что компонентом «потеря связи»² будут порожде-

¹ Подробные определения и описания используемых здесь понятий «формальная схема» и «глагольная основа» см.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 12–15.

² В книге 2001 г., чтобы облегчить восприятие «формальных схем», использован прием обозначения абстрактного смысла приставок при помощи краткого, весьма упрощенного ярлыка. Используемые в данном исследовании ярлыки для некоторых приставок не совпадают с введенными в 2001 г.

ны употребления *отомстить* и *отцвести*¹. С другой стороны, для предсказания того, что при глаголе перемещения для значения «недалеко от» нужна приставка *от-* (*отбежать от дома*), а для «внутри» – *в-* (*вбежать в дом*), достаточно традиционного деления приставочных глаголов на группы по смыслу.

1.1.2. Применимость единого абстрактного толкования приставок

Итак, если семантическая основа, определяющая смысловое единство употреблений приставок, существует, то она не является инвариантом как таковым. Даже удачное описание такой семантики не даст возможности предсказать значения большей части порождаемых приставкой глаголов. И все же вне понимания значения приставки нельзя объяснить те тонкости семантического поведения глаголов, которые существуют на более глубоком уровне абстракции, чем словарное толкование лексического значения. Например, глагол *помыть* в МАС² толкуется через *вымыть*, а толкования *ждать* и *ожидать* полностью повторяют друг друга. Работающее описание семантики приставок *вы-*, *по-* и *о-(об-)* должно объяснять, почему в некоторых ситуациях один из двух синонимичных глаголов предпо-

¹ В работах М. А. Кронгауза и Д. Пайара показано, что говорить о «потери связи» для таких глаголов вполне правомерно. *Отцвести* М. А. Кронгауз описывает как глагол «потери способности», т. е. речь идет о «потере связи» с определенным состоянием из-за «исчерпанности внутренних ресурсов или отведенного срока», а Д. Пайар – как «исчерпание потенциала». *Отомстить* для М. А. Кронгауза – глагол «ответного действия», т. е. имеет место «избавление от чувства долга или обязанности», а для Д. Пайара это «выход из исходного отношения» или «освобождение от зависимости», возникшей у субъекта из-за действий адресата. Но эти объяснения – результат тонкого лингвистического анализа, т. е. прозрачной связи между конструктом «потеря связи» и обсуждаемыми глаголами никак не является (см.: Кронгауз М. А. Опыт словарного описания приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 81–82; Он же. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998. С. 183–184; Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 74).

² МАС здесь и далее – так называемый Малый академический словарь; официальное название: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

чительнее другого, т. е. помочь определить компоненты, различающие значения семантически очень близких лексем.

Данная работа имеет целью подтвердить наличие объясняющей силы у абстрактных толкований приставок, для чего будет сделана попытка проиллюстрировать следующие наиболее яркие проявления работы формальных схем:

- выявление различий между очень близкими синонимами, формально различающимися лишь приставкой (ср. соотношение *помыть* и *вымыть*);
- выявление различий бесприставочного и приставочного синонимов несовершенного вида (ср. соотношение *ждать* – *ожидать*);
- объяснение причин выбора глаголами или группами глаголов с определенной семантикой конкретной приставки как чистовидовой (ср. выбор глаголом *деревенеть* приставки *о-* для образования трактуемого словарями как отличающегося только видом глагола *одеревенеть*);
- объяснение выбора приставки для основ, не имеющих бесприставочных глаголов, но используемых с ровно одной приставкой (ср. выбор *у-* для *уменьшить* и *увеличить*).

1.1.3. Толкования приставок *вы-*, *об-*, *по-*, *у-* и пояснения к ним

В рамках предлагаемой концепции к настоящему моменту с той или иной степенью подробности описано значение следующих приставок: *про-*, *при-*, *до-*, *у-*, *за-*, *из-*, *вы-*, *от-*, *пере-* (см. ниже 1.2¹), *по-* (см. ниже 1.3.4, 1.4²) и описание *по-*, сформированное на основе материалов Р. Камю³, в работах Добрушиной и Пайар (2002)

¹ См. также: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...; Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 121–140.

² См. также: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *каз-*) // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hrsg. Sw. Mengel. Munster-London-Hamburg, 2002. S. 263–280.

³ См.: Camus R. Quelques considérations sur le préverbe *po-* en russe contemporain // Revue d'Etudes Slaves. 1998. 70/1. P. 101–112.

и Добрушиной (2009)¹, и *о-/об(о)-* (см. ниже 1.5²). Кроме того, у автора данного исследования имеются пока неопубликованные гипотезы о значениях приставок *раз-*³ и *с-* и сформированная на основе работы Е. Меллиной⁴ гипотеза о приставке *на-*.

Описанные глагольные приставки можно разделить на семантически более и менее прозрачные. Более прозрачные, т. е. обладающие значениями, легче поддающимися формулировкам на естественном языке и поэтому легче осознаваемыми, это *до-* («финальный этап дистанции»), *от-* («потеря связи»), *про-* («интервал»), *пере-* («два состояния») и *раз-* («множественность»). Непрозрачными являются все остальные, например, *за-*, *из-*, *на-*, *при-* и *с-*. Здесь будут предложены конспективные описания четырех «непрозрачных» приставок, при этом толкования будут менее строгими, чем в книге 2001 г. Меньшая формальность, упрощенность языка сделает толкования, с одной стороны, более понятными и поэтому облегчит дискуссию, с другой стороны, менее точными и менее абстрактными и поэтому приведет к большей уязвимости позиции. Но в конечном счете здесь делается попытка передать словами такие абстракции, которые адекватно раз и навсегда переданы самой приставкой и поэтому точной перефразировке не поддаются. И раз требования полной точности и

¹ Добрушина Е. Р. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: Материалы международной конференции 18–20 июня 2009 г. М.; Ярославль, 2009. С. 147–151.

² См. также: Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *о-/об(о)-*) // Вопросы русского языкознания. Вып. 13: Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2009. С. 264–270.

³ О приставке *раз-* см.: Sakhno S. A propos du preverbe russe RAZ- // Essais sur le discours de l'Europe Ecletée. Grenoble, 1998. (Revue du center d'études slaves contemporaines. Université Stendhal. № 14); Мусинова Т. В. Семантическое описание русской глагольной приставки *раз-* // Труды международной конференции Диалог'2003. М., 2003. С. 455–457; Janda Laura A., Endersen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A, Tore Nasset, Sokolova S. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana), 2013.

⁴ См.: Меллина Е. А. Приставка *на-*: семантическое взаимодействие с четырьмя глагольными основами: *шить*, *бить*, *брать*, *гнуть* // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001. С. 255–270.

адекватности соблюсти все равно невозможно, то не стоит ради них отказываться от большей понятности.

В целях обозримости материала значения приставок будут рассмотрены здесь на примерах лишь нескольких глаголов, для наглядности одних и тех же для каждой приставки, причем многозначные глаголы могут обсуждаться лишь в одном из значений. Анализу трансформации значения приставки на материале всех образуемых ею семантических групп приставочных глаголов посвящены мои отдельные работы¹.

1.1.3.1. Приставка *вы-* («модельный результат»)²

Толкование *вы-*: *развитие процесса специфично и приводит к одному из наиболее сложных для достижения результатов из спектра тех, которые могут быть достигнуты.*

Легче всего увидеть работу приставки на примерах типа *вырабатывать* (*решение*), *вытанцевать* (*сложное коленце*), *выварить* (*соль*; *фрукты в вине*; *сок до густоты* и др.): эти глаголы описывают ситуацию, в которой надо *работать* / *танцевать* / *варить* очень специальным образом, потому что обычный способ не приведет к рассматриваемому результату.

(1) Раз в неделю, обычно по воскресеньям, у Наденьки собирались по шесть-семь последовательниц Штейнера; они переодевались в длинные белые одеяния и самозабвенно, в то же время грациозно

¹ О приставках *про-*, *при-*, *до-*, *у-*, *за-*, *из-*, *вы-*, *от-*, *пере-* см.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...; о приставке *из-* ниже 1.2 и Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного...; о приставке *о-/об(о)-* ниже 1.5 и Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка...

² Из работ последних двух десятилетий приставке *вы-* посвящена работа: Свещинская И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 149–164. Мною эта приставка трактуется иначе, чем у И. Свещинской, см. ниже в разделах 1.2.4.2–1.2.4.5, а также: Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного... С. 133–138; Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 65–70. Кроме того, значение этой приставки косвенно обсуждается в дискуссии о многозначности глагола *выйти*, в частности: Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009. С. 411–415; Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 54–56, 70. Также см. об этой приставке: Janda et al. Op. cit.

и плавно танцевали одну букву штейнеровского языка за другой... Даже не знаю, что его больше в них поразило: красота самого танца или что когда-нибудь люди будут беседовать, вытанцовывая буквы, слова и целые фразы. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002), НКРЯ].

(2) Бриг примет, для этого рейса, вместо балласта, соль, частью из Басры, вывариваемую в трех милях оттуда, в Хамадии, и не отличающуюся достоинством, а частью из Маската, вывариваемую из морской воды и очень хорошую. [Е. И. Чириков. Путевой журнал (1849–1852), НКРЯ].

При сравнении значений *шить* и *вышить* видно, что *вышить* предполагает очень специальный вид шитья с более сложным результатом: при помощи ниток и иголки создают новое изделие не просто скрепляя ткань, но образуя узор на ее поверхности. Поэтому, например, во французском языке этим двум действиям соответствуют разные глаголы. При этом, в отличие от рассматриваемого в следующем разделе глагола *ушить*, описывающего не создание, а изменение уже созданного изделия, приставка лишь акцентирует усложненность процедуры и результата, но не меняет цели действия, в обоих случаях связанной с созданием изделия. Это подтверждается возможностью использования бесприставочного глагола *шить* в значении *вышивать*, несколько не соответствующей интуиции современных носителей языка, но между тем реализующейся в текстах не только XIX, но и XX в., правда, скорее, в сочетании со словами *узор*, *гладью*, *бисером* и др.

(3) На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. [И. Тургенев. Ася].

(4) Таисья обрадовалась, сама она еще шила золотом узоры, брала их с трав и листьев, с еловых лап, покрытых снегом, а то и просто придумывала. [Ю.П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952), НКРЯ].

(5) Она... начинает свою работу, то ли раскатывает тесто, сворачивает рулет, рогалик, пельмени, то ли шьет бисером, нанизывает

¹ Здесь и далее примеры, найденные с помощью Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>), помечены аббревиатурой НКРЯ.

на иголку-нитку... [Анатолий Найман. Все и каждый // «Октябрь», 2003, НКРЯ].

Убедительно демонстрирует значение приставки *нередкий* в современных профессиональных текстах глагол *выготовить*, имеющий два наиболее частых способа употребления — по отношению к собакам, которых готовят к соревнованиям, и по отношению к машинам, которые готовят к покраске. И в том и в другом случае речь идет о специальной, специфической подготовке. Ср.:

(6) И еще — если сам не умеешь приготовить собаку к выставке — найми профессионала. [Из интернета¹].

(7) Возможно ли у Вас приготовить под покраску, подобрать краску и покрасить дверь. [Из интернета].

Что касается значения «*вы-*глаголов перемещения», таких как *выйти*, *выбежать*, *выползти*, *выпрыгнуть*, то в нашей с Пайаром книге (2001)² показано, что традиционно приписываемое им значение «изнутри — наружу» является следствием значения «перемещение в специфическую область, принципиально отличную от области начального местонахождения, что требует специального развития действия (особой траектории движения)». Пользуясь метафорой, можно сказать, что для того чтобы *выйти*, необходимо *идти* именно сквозь дверь, иначе ничего не получится.

Ср. характеристику значения приставки у Апресяна: приставка *вы-* «в составе глаголов перемещения имеет своеобразное значение, в словарях до сих пор не замечавшееся. *А вышел из В в С* значит, помимо прочего, что А переместился из замкнутого пространства В в более открытое пространство С. <...> При этом различия между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами, по-видимому, объективны: в более замкнутых пространствах меньше возможностей для входа и выхода и больше препятствия для перемещения»³. В этом описании также отмечен аспект

¹ Присоединяясь к мнению многих русистов (см., например: *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007. С. 192), считаю современным и правильным орфографическое оформление слова «интернет» как имени нарицательного, а не собственного.

² *Добрушина Е. Р., Пайар Д.* Приставочная парадигма... С. 68–70.

³ *Апресян Ю. Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 491.

«специального движения»: недостаточные возможности для входа и выхода, препятствия для перемещения.

Описывая значение конструкции *выходит, что P*, Анна А. Зализняк предлагает такой образ: «Итак, метафора, лежащая в основе обсуждаемого значения глагола *выходить*, следующая: нечто вроде непрозрачной трубы с отверстием на конце, по которой некий “предмет” (= верифицируемое суждение) движется к “выходу”; что с ним происходит в этой трубе, мы не знаем (отсюда — неполное доверие к этому выводу, о чем шла речь выше)»¹. Можно предположить, что эта смелая метафора описывает в первую очередь именно работу приставки в данном глаголе, так как на долю *идти* в этом употреблении остается только обозначение абстрактного процесса. Основная идея метафоры именно в наличии сложного, «непрозрачного» пути — такова особенность развития всех процессов, описываемых «*вы-*глаголами».

В процитированных описаниях и Ю. Д. Апресяном и Анной А. Зализняк отмечались два аспекта: движение «изнутри — наружу», с одной стороны, и «определенный путь движения» — с другой. Предлагаемое здесь толкование приставки переносит вес с первого, пространственного аспекта, на второй, более абстрактный, который, в отличие от пространственного, работает во всех дериватах с данной приставкой.

Трактовка пространственного значения приставки не как основного², а как лишь одного из набора значений, наряду с другими, вытекающего из гораздо более абстрактного конструкта, несомненно, возможна только при синхронном анализе и противоречит историческому. Действительно, в данной работе использован сугубо синхронный подход, что представляется мне вполне оправданным. Механизмы приставочной деривации языка работают именно на синхронном уровне, и с этой точки зрения не так уж важно, попал ли определенный приставочный глагол в язык в период действия современных механизмов или же вошел в

¹ Зализняк Анна А. Многозначность в языке... С. 70.

² См., например, статью Л. Янды о приставке *за-*, в которой единая абстрактная семантика приставок описывается с помощью пространственных конфигураций: Янда Л. А. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 49–61.

него давно, но вписался в современную модель либо даже оказался переосмыслен на ее основе.

Описывая историю становления значения русских приставок, Л. В. Табаченко показывает, как после вытеснения беспредложных форм существительных предложными роль пространственных маркеров переносится с приставок на предлоги и в результате пространственное значение приставки сменяется предельным и результативным. Затем происходит «формирование новых когнитивных структур, ориентированных на аспекты протекания действия... и на актуализацию анимальных, психологических, ментальных и социальных планов в качестве источника результативности и объектности»¹.

Можно предположить, что, исторически начавшись с пространственного значения «изнутри — наружу», но став постепенно гораздо более абстрактной и начав обозначать «анимальные, психологические, ментальные и социальные планы», приставка *вы-* актуализовала в своем значении второй компонент — «сложный путь развития действия» — и именно на его основе стала образовывать глаголы с непространственными значениями.

1.1.3.2. Приставка *у-* («побочный результат»)²

Толкование *у-*: рассматривается результат, достигнутый за счет накопления количества действия, но это не тот результат, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно³.

¹ Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2010. № 1. С. 28.

² О приставке *у-* см. работы последних лет синхронного плана: Зализняк Анна А. Семантическая деривация в значении приставки *у-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. М., 2001. Т. 5. № 1. С. 69–85; Горелик Е. В. Описание глагольной приставки *у-* // Там же. С. 37–68; Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 50–56; Janda et al. Op. cit.

³ Это толкование не противоречит факту наличия у приставки *у-* «чисто-видового» значения (см. об этом термине ниже, в разделе 1.1.6): оно возможно либо в рамках «*у-*глаголов тщательного действия» (*убаюкать, укомплектовать, «уварить 1»*), либо в рамках реализации значения «результат неконтролируемого процесса» (*увидеть, услышать*) (см.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 51, 53).

Наиболее наглядны глаголы типа *уварить*¹, *ушить* — *варят* / *шьют* для создания *супа* / *платья*, а не для изменения количества *супа* / *размера платья*. Уменьшение как результат этих действий — совсем не тот результат, на который они направлены нормативно.

(8) Подготовленные кабачки нарезают кружочками толщиной 1–1,5 см, укладывают в казанок, нагревают при постоянном помешивании, а затем уваривают до уменьшения первоначального объема в 2 раза. [Т. М. Воробьева, Т. А. Гаврилова. Домашнее консервирование (1999), НКРЯ].

(9) Три девушки из отдела мелкого ремонта ползали вокруг Ольги на коленях, ушивая и подшивая подолы и бока блузок и юбок. [Любовь Стоцкая. Как одеться от «Эр Франс» (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22, НКРЯ].

Иными словами, приставка *у-* означает переход количества действия в некоторое неожиданное, непредусмотренное качество, обнаруживаемое при взгляде на действие с позиции не действующего лица и часто даже не объекта (а если объекта, как в *варить клей* / *уварить клей*, то с неожиданной точки зрения), а от иного задействованного в процессе терма. *Человек сажает цветы*, чтобы они росли, *ставит предметы*, чтобы они стояли, но вот действие накапливается и можно взглянуть на него с позиции не *человека* и не *цветов* / *предметов*, а с позиции *клумбы* / *полки* и сказать, что *клумба усажена цветами*, а *полка уставлена предметами*. *Работают* не для того, чтобы устать, но такой эффект в качестве побочного вполне возможен, ср. *уработаться*.

(10) Нахлебавшись чистого воздуха, уработавшись при долбежке и сверлении льда, едва приволок ноги в избу, где рыбаки, будто бойцы на фронте, спали вповалку, где кто упадет и втиснется меж телами. [Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999, НКРЯ].

При «*у-*глаголах перемещения», таких как *уйти*, *убежать*, *уползти*, приставка акцентирует внимание не на естественном

¹ Здесь рассматривается одно из двух значений *уварить*, а именно «*уварить 2*» по МАС: «кипячением уменьшить объем, количество чего-либо». Что касается устаревающего значения «*уварить 1*» («варкой довести до полной готовности»), то оно используется только для случаев «непростой варки» и значение приставки работает в нем примерно так же, как в группе «*у-*глаголов тщательного действия» (см.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 53).

результате, каковым является само перемещение, т. е. местонахождение в иной точке пространства, нежели начальная, но на побочном эффекте: перемещающийся больше не находится в некоторой релевантной точке пространства, например в точке наблюдения. Ср., как это же значение появляется у приставки при глаголе *утанцевать*, для которого само перемещение является побочным эффектом.

(11) Под летку-енку наши герои выстраиваются в ряд и *утанцуют* на сцену. [Елена Исаева. Убей меня, любимая! (2002), НКРЯ].

1.1.3.3. Приставка *по-*

(«вовлеченность во время и пространство»)¹

Толкование *по-*: акцентируется протекание действия во времени и пространстве безотносительно к итогу.

Для понимания значения этой приставки показательны глаголы типа *почитать* / *попеть* / *поварить*, означающие, что *читать* / *петь* / *варить* имело место, а результат, хоть и возможен — ведь в итоге действия что-то, скорее всего, хотя бы отчасти *прочитано* / *спето* / *сварено*, — но не значим, не обсуждается.

(12) Потом Василь Гаврилыч *попилит*. Софья Петровна *поварит* суп с клецками. Потом Василь Гаврилыч рассыплет по распоряжению жены Дариванны корму для кур. Софья Петровна все еще будет варить суп с клецками. Потом Василь Гаврилыч обязательно сходит на колонку по воду. [Асар Эппель. На траве двора (1992), НКРЯ].

¹ Приставка *по-* с синхронной точки зрения рассматривается ниже в 1.3.4 и 1.4, а также: *Сатус*. Ор. cit.; *Флайер М.* Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 29–47; *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000; *Добрушина Е. Р., Пайар Д.* Семантические механизмы... (основа *каз-*); *Мустайоки А., Пуссенен О.* Об экспансии глагольной приставки *по-* в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 247–275; *Guiraud-Weber M.* О грамматическом значении префикса *по-* // *Slavica Varia* Halensia, B. 7: Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hg. Svetlana Mengel. München; London; Hamburg, 2002. S. 293–303; *Добрушина Е. Р.* *Крестить* или *покрестить...*; *Janda et al.* Ор. cit.

У «*по*-глаголов перемещения» – *пойти, побежать, поползти* – значение «начать перемещение» возникает потому, что пока известен лишь факт реализации определенного типа перемещения во времени и пространстве, но не ясен финальный этап.

(13) Разверзлась пучина океанских вод. Громадная волна прокатилась по суше от края и до края. И треснуло дно. И выполз из трещины океанской громадный змей и *пополз* к берегам. [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004), НКРЯ].

1.1.3.4. Приставка *об-*¹ («периферийное воздействие»)²

Толкование *о-/об-*: действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо.

Так, если *воды моря омывают остров*, то действие *мыть* распространяется не на весь *остров*, но лишь на его берега. Следствием такого значения является то, что действие применяется «не настоящему», ведь подчеркивается, что оно распространяется лишь на периферию. При сравнении с бесприставочным глаголом видно, что значение основы *мыть* в глаголе *омыть* использовано метафорически: сказать **море моет берег острова*³ невозможно.

¹ Вопрос о том, являются ли единицы *о-* и *об-(обо-)* одной приставкой или двумя, весьма проблематичен. См., например: Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998. С. 132 и далее; а также подробный анализ: Байдмирова А. (Baidimirova A.). Русские аспектуальные приставки *о-, об-* и *обо-*: исследование алломорфии (Russian Aspectual Prefixes O, OB and OBO: A Case Study of Allomorphy). Тромсе, 2010 // URL: <http://studium.ruscorgo.ru>. Здесь же вопреки тому, что существуют семантически противопоставленные глаголы типа *омыть – обмыть*, и тому, что, следуя гипотезе М. А. Кронгауза, я предполагаю, что на синхронном уровне имеет место семантическое расхождение этих вариантов как отдельных приставок, они будут в целях упрощения изложения трактоваться как алломорфы одной приставки.

² См. о приставке *об-* следующие синхронного плана работы последних лет: Janda et al. Op. cit.; Кронгауз М. А. Приставки и глаголы... С. 133–148; Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101; Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка... – а также ниже раздел 1.5.

³ Знаком * здесь и далее отмечаю конструкции, невозможные в реальной речи.

Основы, имеющие прямой объект в бесприставочном употреблении, при этой приставке, как правило, используются в непрямом значении. Так, ни в одном из значений *обварить* (*руку / луковицу*) не присутствует прямой смысл *варить*, т. е. значение «производить тепловую обработку при помощи нагревания в кипящей воде», а в *обшить* (*подол каймой / семью*) никогда нет значения «создавать из материала при помощи ниток и иглы».

(14) Он сегодня геройски *обварил* руку кипятком, чтобы получить бюллетень на неделю. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998), НКРЯ].

(15) Лук, фаршированный чесноком. *Обварить* 12 небольших головок лука и чеснок кипятком. [Анатолий Найман, Галина Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов // «Октябрь», 2003, НКРЯ].

(16) Вверху и внизу полотна прострачиваем кулиску – 0,5 см. Полотно *обшиваем* тесьмой. Если кримплен однотонный – тесьма цветная, и наоборот. [Не выбросим, а свяжем и сошьем // «Работница», 1989, НКРЯ].

(17) Портные *обшивали* свои семьи, деревню, часто с машинкой за плечами отпраплялись и за пределы уезда. [Кустари Рязанской губернии (2004) // «Народное творчество», 2004.08.16, НКРЯ].

Итак, приставка в *обварить, обшить* (пример 16) обозначает, что действием, сходным с *варить / шить*, но отличающимся от него по некоторым значимым параметрам, охвачен не сам предмет, а лишь его поверхность / края. В примере (17) глагол *обшить* употреблен в другом значении: одежда метафорически представлена как нечто необходимое человеку, но отличное от него, т. е. как его «периферия», ср. то же значение в *обстирывать*.

Очень любопытна группа глаголов «непроизвольного, ошибочного действия», таких как *обдернуться, оговориться, ослышаться* и др. – *дергать / говорить / слышать* телом, но не по воле и желанию. Здесь из-за действия семантики приставки человек описывается как разделенный на собственно человека – волю, желание, интеллект и периферийную часть – физическую оболочку, тело. Ср.:

(18) Кто с ним сыграл сию шутку? Почему он *обдернулся* и проиграл? Старуха, дьявол – кто? ...А потом карта напомнила о чем-то,

когда он *обдернулся* и вместо туза поставил пиковую даму. [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995), НКРЯ].

Ср. посвященную описанию полиситуативности в семантике приставочных глаголов работу Н. Б. Лебедевой, в которой одушевленность участника рассматривается как важный фактор увеличения полисобытийности, в частности потому, что «одушевленное существительное имеет две “стороны” значения – “первую”, общую с именами неодушевленными (низший – физический слой семантики), и “вторую”, анимальную, т. е. отражающую признаки живого существа (более высокие слои – физиологический и психологический, в последнем можно выделить волевой компонент)»¹.

В глаголах движения – *обойти*, *обежать*, *обползти* – приставка *об-* вводит терм, чья граница, т. е. периферийная область, определяет траекторию движения.

(19) *Обползаем* узкой трещиной шумный водопад, спускаемся лазанием с пятиметрового уступа, и снова тишина высоченного меандра. [Серафимов К. Экспедиция во мрак (1978–1996), НКРЯ].

1.1.4. Синонимы, различающиеся лишь приставками: *помыть* и *вымыть*

Как было отмечено выше, словари толкуют *помыть* и *вымыть* друг через друга, отказываясь формулировать различия в значении. Между тем даже простой лингвистический эксперимент в виде вопроса, какой из глаголов будет скорее выбран хозяйкой, обращающейся к гостям, а какой матерью, отдающей команду ребенку, дает 70-процентный результат в пользу распределения: *Вот здесь вы можете помыть руки* – к гостям и *Сейчас же вымой руки!* – к ребенку². Таким образом, носитель языка четко чувствует различия этих синонимов и употребляет их в разных ситуациях.

Семантическое соотношение *помыть* и *вымыть* в приведенных контекстах легко выводится из приведенных толкований. *Вымыть* на-

¹ Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М., 2010. С. 155.

² За 2005–2013 гг. автором опрошено около 250 студентов и старшеклассников; примерно 70 % дали описанный ответ, 20 % – противоположный описанному, 10 % не смогли ответить.

стаивает на результате, предполагает наличие грязи и требует, чтобы грязь была уничтожена. *Помыть* акцентирует внимание на процессе: грязь может и не быть, гостям предлагается лишь традиционный ритуал безотносительно к его результату. Поскольку контексты, в которых чистота рук значима, возникают чаще, чем контексты «ритуального» мытья рук, глагол *вымыть*, непосредственно за которым следует слово *рука*, встречается в НКРЯ много чаще, чем *помыть* (188 и 58 вхождений).

Еще один характерный пример различия в употребительности описываемых глаголов: по наблюдению И. Свещинской¹, высказывание **дождь помыл город* невозможно, тогда как *дождь вымыл город* нормативно. Первое не употребляется потому, что действие *мыть* по отношению к *городу* не применялось: *дождь* не *мыл город*, он просто *шел над городом*, а приставка *по-* привлекла бы внимание именно к процессу *мыть*. Между тем с приставкой *вы-*, которая не содержит утверждения о процессе, а рассматривает лишь его результат, подобного противоречия не возникает (подробнее см. ниже в разделах 1.2.4.2–1.2.4.5), как и с приставкой *о-* (*дождь омыл город*), автоматически переводящей действие в метафорический план.

Итак, *помыть* и *вымыть* означают один и тот же процесс с одним и тем же результатом, но для *помыть* акцент сделан на процессе, а для *вымыть* – на результате. Для достижения этого результата недостаточно просто действия – нужна особая тщательность или хотя бы удача.

(20) Наконец хозяйка приняла решение: – Ладно, входите, только снимите туфли, вот тапочки, и обязательно *помойте* руки. Я вошла в выскобленную до блеска прихожую, сменила обувь и под конвоем хозяйки была препровождена в ванную комнату. [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004), НКРЯ].

(21) На работу пришел отзыв на какую-то книгу из лепрозория. Внутри на бумаге на обеих страницах штамп: «Продезинфицировано». Вскрикнули, никто не брал в руки. Я взял, повертел, стали от меня отходить. Но – смелость смелостью, а почему-то все же, не сказав никому, сходил *вымыть* руки. [Владимир Крупин. Выбранные ме-

¹ Наблюдение о невозможности подстановки приставки *по-* в *дождь* в словосочетании *вымыл город* было сформулировано И. Свещинской лишь устно и никак не было ею истраковано, но в ее работе о приставке *вы-* рассмотрен близкий пример: *выбеленная солнцем Россия* (Свещинская И. Некоторые аспекты... С. 156).

ста из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.04.15, НКРЯ].

Работа над поиском абстрактной семантики приставки часто начинается с поиска различительных контекстов для приставочных синонимов, поэтому в разделе 1.2.4¹ описано немало таких пар, в том числе: *истратить* — *потратить*, *излечить* — *вылечить*, *изгнать* — *выгнать*, *испугать* — *напугать*.

1.1.5. Бесприставочный и приставочный синонимы: *ждать* и *ожидать*

Интересным случаем приставочной семантики является соотношение бесприставочного и приставочного синонимов с очень близким значением. Такой является пара *ждать* — *ожидать*. (Имеются еще два близких глагола — *подождать* и его разговорный, сниженный синоним *обождать*, но они явно отличаются от *ждать*, *ожидать* смысловым компонентом «небольшая длительность». Что касается глагола несовершенного вида *поджидать* (пример 25), то он еще дальше по значению: в большинстве случаев он может быть истолкован как «ждать встречи с человеком с целями, выгодными для себя, а не для него», ср. *подговорить*, *подменить* и другие глаголы с *под-*, обозначающие выгоду субъекта).

Выявлению семантических различий в паре *ждать* — *ожидать*, толкуемых в классических словарях друг через друга, помогает представление об общем значении приставки *о-*. Соотношение *ждать* — *ожидать* определяется тем, что *ожидать* говорит в первую очередь о внешнем аспекте процесса — интеллектуальном, оставляя за кадром эмоциональную составляющую.

Если в глаголах группы *обдернуться* / *ослышаться* приставка *об-* трактует волю человека как его суть, а тело как периферию (см. разделы 1.1.3.4 и 1.5), то в *ожидать* суть личности, не задействованная в процессе, — это ее эмоциональная часть, а задействованная периферия — интеллектуальная. *Ждут* на свиданиях, *ждут* в разлуке, с нетерпением *ждут* праздников и каникул, со страхом — экзаменов и прочих неприятностей, *ожидают* же в очереди за справкой, *ожид-*

¹ См. также: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...

дают неодушевленные объекты (пример 23), *ожидают* в значении «считать вероятным какое-либо событие» (ср. идиоматизированное сочетание *следует ожидать*). Следствием отстранения приставкой *об-* эмоциональной составляющей значения глагола *ждать* становится то, что *ожидать* естественнее использовать, когда вероятность осуществления ожидаемого велика и поэтому субъект менее эмоционально вовлечен в действие. Так, у Апресяна¹ указано, что *ожидать* предполагает «несколько больший акцент на внутренней готовности субъекта к событию», чем *ждать*.

(22) Но Сергея посадили. На два года... *** Квартиру, не конфискованную судом, он оставил на попечение своей невесты Виктории, с которой так и не успел расписаться. Девушка обещала *ждать* его возвращения, тем более, что ждать надо было не так уж и долго. [Преферанс его жизни (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10, НКРЯ].

(23) Запрос, сформированный пользователем на РС, *ожидает* момента поступления необходимого сегмента в память данной РС. [А. Б. Барский. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // «Информационные технологии», № 7, 2004, НКРЯ].

(24) Провожатый велел *обождать* в коридоре, а сам зашёл в кабинет, да почти сейчас же и вышел. — Вас позовут, — сказал он, — *подождите*. Зыбин посмотрел на дверь. Была она высокая, непроницаемая, обитая чёрной клеёнкой. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978), НКРЯ].

(25) Пройдя через всё здание (а путь этот оказался неблизким), мы подошли к одному из боковых входов, который нам собирался открыть ходивший вместе с нами служитель театра, у которого были ключи от всех дверей. Увы! Было поздно — нас опередили: через матовые стёкла были видны многочисленные тени *поджидавших* меня людей. Перехитрившие нас поклонники предвидели все наши маневры, тем более что они прекрасно знали расположение театра и проделывали свои операции «по отлову» не раз. Хорошо, если они *поджидали* артистов с восторгом,

¹ Апресян Ю. Д. *Ждать 1.1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Вена, 2004. С. 337.

а если с прямо противоположными намерениями? Говорят, что было и такое. [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996), НКРЯ].

1.1.6. Выбор чистовидовой приставки: *каменеть* и *окаменеть*

При совпадении значений приставки и глагола приставка, образовавшая префиксальный глагол от бесприставочного, в полной мере сохраняя собственную семантику, начинает смотреться как не вносящая никакого семантического вклада в значение результативного глагола, т. е. внешне выглядит семантически пустой, хотя такой не является. Этот тезис восходит к 50-м гг. XX в. и традиционно называется «эффект Вея — Схоневельда»¹. К настоящему моменту такая трактовка стала практически общепринятой: «...в современной русской аспектологии, начиная с Ю. С. Маслова, выражение “семантически пустые” приставки обычно ставится в кавычки или сопровождается эпитетом “так называемые”»². Но вопрос о том, каковы же те значения приставки и глагола, которые совпадают столь точно, что это приводит к образованию видовой пары, по-прежнему нуждается в анализе³. Такой анализ, чтобы быть убедительным, должен быть системным, охватывать большой материал. Понимая неубедительность описания на одном примере, все же попробую показать, как формальная семантическая схема приставки помогает объяснить вы-

¹ Так как впервые тезис был независимо введен в работах: *Vey M. Les preverbes vides en tcheque moderne // Revue des etudes slaves. 1952. № 29. P. 82–107; Schooneveld C. H. van. The so-called ‘preverbes vides’ and neutralization // Dutch contributions to the Fourth international congress of slavistics. The Hague, 1958.*

² *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 55.*

³ В 10-х гг. XXI в. тема семантики «чистовидовых» приставок стала особенно актуальной из-за появления гипотезы о глагольных классификаторах Л. Янды и развернувшейся вокруг нее дискуссии (см.: *Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47; Janda et al. Op. cit.; Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах...; Печень А. П. L. A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013 // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 138–146).*

бор «пустой» приставки конкретной глагольной основой. При этом, чтобы избежать сложнейших проблем, связанных с определением понятия «видовая пара», использую несовершенный, но достаточный для данной работы, в которой рассматривается не аспектология, а словообразовательная семантика, простой формальный критерий: буду считать приставочной видовой парой близкие по значению бесприставочный и приставочный глаголы, если для приставочного глагола не существует повторного имперфектива. То есть *каменеть* — *окаменеть* трактуется как пара потому, что не существует **окаменевать*, а например, в соотношении *гнуть* — *погнуть* — *согнуть* парой является только *гнуть* — *погнуть*, потому что существует *сгибать*.

Итак, рассмотрим пару *каменеть* — *окаменеть*. А. Д. Кошелев включает «чистовидовое» использование приставки *о-/об-* в одну из трех свойственных приставке когнитивных схем, названную им «новое качество» и описанную следующим образом: «*У одеревел / обезумел / ожил / оглох / овдовел; X оплодотворил / освятил Y-a* — «мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на качественно новое свойство, состояние или положение дел Y-a»¹. Рассмотрим одну из упомянутых в этом списке групп «чистовидовых *о-*глаголов», а именно глаголы типа *окаменеть*, *одереветь*, *остолбенеть*, *осатанеть*, обозначающие «*У* сделался А или похожим на А, где А обозначено корнем». Примеры:

(26) Славка оба раза *каменел* от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд... [Владислав Крапивин. Трое с площади Карронад (1979), НКРЯ].

(27) Все обступили колыбель и *окаменели* от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя. [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832), НКРЯ].

(28) Ее поразила арабская мебель в завитушках, похожая на *окаменевших* пуделей, и тайные комнаты за дверями, замаскированными яркой мазней местных модернистов... [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002, НКРЯ].

Если опереться на предложенное в разделе 1.1.3.4 общее абстрактное толкование *о-/об-*, то становится видно, что такие глаголы

¹ *Кошелев А. Д. О концептуальных значениях... С. 68.*

выбирают приставку *о-* потому, что суть объекта преобразованию не подвергается: *окаменевшее / одеревеневшее / осатаневшее* не является по своей сути *камнем / деревом / сатаной*¹, а лишь подобно этим объектам по некоторым параметрам, определяемым коннотациями (камень — неживой, неподвижный, сатана — злобный и др.). Не важно, в прямом (пример 28) или переносном (пример 27) смысле живое существо становится камнем, все равно это не тот камень, который создан природой, все равно по своей сути (происхождению, форме, возможности обратного превращения и др.) это живое существо, а не камень. Таким образом, именно для этого типа глаголов значение приставки очень близко к значению основы, ведь в основе уже содержится метафора — нельзя стать деревом или камнем, им можно лишь уподобиться, а быть ими по своей сути можно только от природы.

Ниже в разделе 1.2² проанализированы причины выбора приставки для нескольких «чистовидовых» случаев, в первую очередь для приставки *из-*, в том числе для: *истратить, потратить, испугать, напугать, испортить, испачкать*.

1.1.7. Основы, используемые только с одной из приставок: *уменьшить*

Гипотеза о едином значении приставки помогает объяснить выбор приставки для основ, не имеющих бесприставочных глаголов, но выбирающих ровно одну приставку.

Так, выбор *у-* для *уменьшить(ся)*, *увеличить(ся)* определяется тем, что для *у-* неважен способ действия: результат все равно побочный, т. е. отличный от основного целеполагания. Уменьшение и увеличение происходит за счет каких-то не описанных основой действий или процессов, цель которых иная, не направленная на количество, а изменение количества — эффект, обнаруживаемый при наблюдении со стороны, с позиции объекта, который меняет количество.

¹ Выбор приставки *о-/об-* другими глаголами из списка «новое качество», такими как *ожить, оглохнуть, овдоветь* и др., также опирается на предложенное толкование, но требует несколько иных пояснений и станет предметом другой работы.

² См. также: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...

(29) При нагревании сахар растворится, количество яблок *уменьшится*. [Т. М. Воробьева, Т. А. Гаврилова. Домашнее консервирование (1999), НКРЯ].

Для *количество яблок уменьшилось* неважно, что и зачем происходило (*сварились, съедены, сгнили*), главное, что их стало меньше, и, чтобы увидеть это, надо взглянуть не на то, как они *варят(ся)*, *съедаются*, *гниют*, а на сами яблоки.

Благодаря содержащейся в значении идее незначимости способа действия, *у-* оказывается очень подходящей приставкой для «глаголов результата» в терминологии Г. И. Кустовой: «Глаголы результата, в первую очередь, сообщают о том, что происходит с объектом: неизвестно, что сделал человек, но известно, как изменился Объект, его признак»¹. Ср. перечисляемые Г. И. Кустовой другие «у-глаголы результата», образованные от «названия конечного состояния или признака объекта»: *увеличивать, удлинять, украшать, укрупнять, улучшать, уплотнять, упрощать*.

Именно наличие абстрактного значения приставки делает возможным возникновение в языке одиночных глаголов, не соотносящихся с бесприставочными основами. Например, характерным является случай, в котором приставка *вы-* создает абсолютно понятное новообразование *вытрезвиться*, имеющее основу *трезвить*, ни в бесприставочном варианте, ни с другими приставками не зафиксированную. Ср.:

(30) Если хочешь, можно ведь и *вытрезвиться*, — неожиданно предложил он. ...Нашатыря в воде развести, выпьешь залпом — и в бассейн. [А. Берсенева. Ловец мелкого жемчуга. М., 2006].

Значение глагола полностью определяется абстрактным значением приставки *вы-*: «определенной последовательностью действий достичь сложного результата, обозначенного корнем». Основа *трезвить* здесь, по всей видимости, за счет «активного» суффикса *-и-* системно противопоставленного «пассивному» *-е-*, означает «делать трезвым», в отличие от *трезветь* — «становиться трезвым без каузации, просто от течения времени, “сам собой”». Таким образом, глагол *вытрезвить* противопоставлен *протрезветь*

¹ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 48.

не только через обозначенное суффиксами противопоставление «другого» — «самого себя», но и через спрятанное в приставках противопоставление «за счет целенаправленной последовательности действий» — «за счет течения времени, само собой» (ср. трактовку *про-* как обозначающую интервал, в данном случае временной¹).

* * *

Л. Янда выделяет три подхода к описанию многозначности глагольных приставок: списочный², признаковый³ и представленный в ее работах⁴ радиальный. Предлагаемый здесь метод формальных схем, в отличие от списочного, предполагает наличие связи между всеми значениями приставки. В отличие от признаковой модели, недостаток которой, по краткой характеристике Л. Янды, состоит в отсутствии внимания к конкретным значениям и к обоснованию пересечений значений разных приставок, постулирует индивидуальность каждого значения и предлагает механизм нахождения семантических различий там, где значения кажутся очень близкими — пересекающимися (см., например, анализ синонимии *помыть* и *вымыть* в разделах 1.1.4 и 1.2.4). Наконец, в отличие от радиального⁵ обосновывает семантическую целостность

¹ См.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 40–44.

² Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. № 1; Bogusławski A. Prefiksacja czasownika we współczesnym języku gósyjkim. Wrocław, 1963; Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1982. Далее: РГ.

³ Schooneveld C. H. van. Semantik transmutations: prolegomena to a calculus of meaning. V. 1. The cardinal semantic structure of prepositions, cfses, and peretactic conjunctions in contemporary standart Russian. Bloomington, 1978; Gallant J. Russian verbal prefixation and semantic features: An analysis of the prefix *vz-*. Munchen, 1979.

⁴ См.: Янда Л. А. Русские приставки как...; Janda et al. Op. cit. и др.

⁵ Радиальный метод Л. Янды описывает одно из значений как центральное, прототипическое, а остальные — как его трансформации, иногда не объединенные никакой общей семантикой. Так, значения приставки в *разгрузить* (семантический тип обозначен ярлыком UN-) и *раскатать* (SPREAD) описываются как представляющие собой трансформацию прототипического *распилить* (APART) и никак иначе друг с другом не связанные (см.: Янда Л. А. Русские приставки как... С. 15). Впрочем, безусловное преимущество метода Л. Янды перед всеми другими состоит в обработке всего лексического материала префиксальных глаголов и в статистическом анализе, в «целостном подходе к сбору и количественному анализу данных» (Там же. С. 10).

приставки, так как описывает все значения как равноправные, порожденные взаимодействием одной и той же абстрактной семантики приставки с семантикой глагольной основы, чей вклад в результирующую семантику оказывается очень велик, а не как возникшие в рамках системы семантических переходов из прототипического значения, т. е. без учета сложного взаимодействия с глагольной основой.

Итак, здесь, на основе введенных гипотез о значении четырех приставок с непрозрачной семантикой (*вы-*, *у-*, *по-*, *о-/об-*), были проанализированы несколько проблем семантики приставочных глаголов, связанных с различием синонимии и выбором приставки. Была сделана попытка показать, что гипотезы о едином значении глагольных приставок, хотя и кажутся чрезмерно абстрактными, поскольку существуют на более глубоком семантическом уровне, нежели уровень словарных толкований, во многих случаях имеют объясняющую силу.

1.2. В поисках инвариантного значения приставки *из-*¹

В основе предлагаемых здесь исследований по словообразовательной семантике находится гипотеза о том, что для каждой глагольной приставки современного русского языка существует некоторая общая, очень абстрактная «семантическая идея», объединяющая все (или почти все) употребления этой приставки, но отличная от подобной же «идеи» любой другой приставки. Вычленив эту идею, можно показать как то, какой смысловой элемент объединяет глаголы, имеющие разные основы, но одну и ту же приставку (например, *избездить* и *испугать*), так и то, какой смысловой элемент различает пару очень схожих по значению глаголов с одной и той же основой, но с разными приставками (например, *испугать* и *напугать*).

Данный раздел посвящен в основном приставке *из-* и будет построен следующим образом: сначала будут выделены и рассмотрены некоторые самые общие семантические свойства приставки *из-*; затем, обобщая характерные свойства *из-*, выделенные ранее, будет предложена формулировка, объединяющая значение приставки *из-* во всех ее употреблениях; затем будет сделана попытка показать, как трансформируется предлагаемое абстрактное толкование приставки *из-* в *из-* глаголах с различными типами значений; наконец, на основе сравнения *из-* с другими приставками, в частности с приставкой *вы-*, будет показано, что обсуждаемые свойства специфичны именно для *из-* и их выделение помогает вычленивать те компоненты значения *из-* глаголов, которые отличают их от очень близких по смыслу однокоренных глаголов с другими приставками.

1.2.1. Некоторые самые общие свойства приставки *из-*

Здесь мы рассмотрим самые общие свойства приставки *из-*, для того чтобы затем показать, как все они могут быть пояснены предлагаемой здесь формулировкой инвариантного значения этой приставки.

¹ На основе материалов данного раздела опубликована статья: Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 121–140.

1.2.1.1. Изменяющийся актанта

Приставка *из-* почти всегда предполагает наличие какого-то актанта X (это либо объект, выраженный прямым дополнением (*изъездить землю, исписать ручку, излечить больного, испугать кого-либо*), либо субъект возвратного глагола, одновременно являющийся как бы объектом процесса (*истосковаться*)).

При этом приставка *из-* указывает, что актанта X, в результате реализации описываемого глаголом действия, подвержен какому-то «изменению» (то, что для глаголов типа *истосковаться* или *изъездить* такое «изменение» тоже существует, будет показано ниже). Подобный «изменяющийся актанта» появляется при *из-* глаголах и тогда, когда у бесприставочного глагола с той же основой его нет (*танцевать* — *истанцевать тупфли*).

Данное свойство, конечно, не является специфичным только для *из-*: многим приставкам свойственна непосредственная связь с актанта глагола (ср. «*затанцевать* кого-либо», «*утанцевать* кого-либо», «*обтанцевать* что-нибудь» — пусть даже не совсем ясно, что могли бы значить эти глаголы, но очевидно, что без актанта, выраженного прямым дополнением, они существовать не могут, тогда как бесприставочный глагол *танцевать* может управлять существительным, только если оно называет танец: *танцевать вальс*). Но все же есть приставки, для которых такая связь необязательна, в частности такова приставка *по-*: она сохраняет актанта, если он уже был в бесприставочном глаголе, но не создает его, если его не было (*танцевать* — *потанцевать, рвать бумагу* — *порвать бумагу*).

1.2.1.2. Нецеленаправленность изменения

Характерное свойство приставки *из-* заключается в том, что обозначаемое ею «изменение» необязательно является тем результатом, на который направлено действие, описанное глагольной основой, в ситуации, когда это действие является контролируемым.

Так, рассмотрим предложение *Я избездил всю Москву в поисках дефицитного лекарства*. Здесь действие, введенное глагольной основой *ездить* (по Москве), является контролируемым и имеет определенную цель: *найти лекарство*. Тот факт, что в результате

Москва (X) оказывается «изъезженной», случаен по отношению к этой цели.

Ср. также: *Он [альбом] был исписан, изрисован Рукой Онегина кругом* (пример из МАСа)¹: альбом был сплошь покрыт рисунками и надписями, но не это было целью действий *писать, рисовать*.

Для некоторых других приставок совпадение продуцируемого «изменения» с общим направлением действия, если оно контролируемое, обязательно, в частности таковы, по-видимому, приставки *вы-* и *с-*. Так, если человек нечто *выписывает / списывает* или *вырисовывает / срисовывает*, то он *пишет* или *рисует* именно с целью *выписать / списать* или *вырисовать / срисовать*.

1.2.1.3. Предельная степень изменения

Определяющим же свойством приставки *из-* является то, что она рассматривает достигнутое «изменение» X как нечто качественно противоположное состоянию X до того, как произошло изменение.

Это противопоставление может быть двух типов:

Во-первых, это могут быть два взаимоисключающих состояния (больной и абсолютно здоровый — *излечить*; не испытывающий чувства страха и испытывающий это чувство — *испугать*; чистый и грязный — *испачкать*). Характерная черта такой противопоставленности — абсолютная невозможность каких-либо промежуточных состояний: чуть-чуть нечистый — уже *испачканный* (но необязательно уже *выпачканный*), чуть-чуть начавший бояться — уже *испуганный* (но еще не *напуганный*), еще совсем чуть-чуть больной — уже отнюдь не *излеченный* (хотя, может быть, *вылеченный*). Здесь дело не в степени проявления признака (*испачканный* — необязательно в высокой степени), а в том, что первое и второе состояния обязательно рассматриваются как несовместимые, не имеющие никакого пересечения: между ними четкая граница.

¹ Поскольку данный раздел посвящен рассмотрению самых общих свойств приставок, а не детальному анализу трансформации их значения при употреблении в конкретных контекстах, то, чтобы не отвлекать внимание читателя на трактовку сложных примеров из художественной литературы, здесь преимущественно будут использованы либо простые примеры из вышеназванного словаря, либо примеры, смоделированные автором.

Второй тип противопоставления, вводимого приставкой *из-*, появляется тогда, когда имеется такое «изменение» X, у которого в истории появления явно есть стадии развития. Тогда *из-* схватывает самый крайний момент этого развития, такой, далее которого изменение X уже несущественно. Если доска *изрисована мелом*, то, конечно, помимо момента, когда она была чистой, были моменты, когда на ней было нарисовано что-то, а *изрисованной* она еще не была. Но если она *изрисована*, то более *изрисована* она уже не будет. Рисовать на ней можно и далее, но максимальная, с точки зрения говорящего, стадия изменения X уже достигнута, и дальнейшее изменение, даже если оно и будет, говорящий рассматривать не собирается.

Итак, в ситуации, когда изменение возникает постепенно, приставка *из-* обозначает крайнюю степень проявления изменения.

Таким образом, *из-* всегда сравнивает два абсолютно взаимоисключающих состояния X: либо две точки, не соединенные ничем, либо две самые крайние точки шкалы.

1.2.2. Абстрактное значение приставки *из-*

1.2.2.1. Описание значения приставок через **Sit.1** к **Sit.2**

Для описания абстрактных приставочных значений удобно использовать способ описания через соотношение двух ситуаций, обозначаемых **Sit.1** и **Sit.2**.

Sit.1 и **Sit.2** — два положения вещей, из которых второе представляет собой трансформацию первого, при этом они необязательно связаны как последовательно расположенные во времени.

При описании через **Sit.1** и **Sit.2** значение приставки понимается как сообщение о том, что вводимое приставочным глаголом положение вещей **Sit.2** рассматривается как видоизменение другого, исходного, но необязательно предшествующего по времени положения вещей **Sit.1**.

При этом глагольная основа часто, но необязательно выражает способ, за счет которого происходит этот переход.

Такое описание может быть равным образом применено и к глаголам совершенного, и к глаголам несовершенного вида: если в глаголах совершенного вида приставка показывает, что «рассматривается свершившийся переход от **Sit.1** к **Sit.2**», то в глаголах несовершенного вида – что «рассматривается процесс перехода от **Sit.1** к **Sit.2**» (и неизвестно, произойдет этот переход или нет).

Поясню все это на примере глагола с приставкой *у-*, так как на примере более актуальных для данной работы приставок *из-* и *вы-* труднее продемонстрировать важное для предлагаемой трактовки понятий **Sit.1** и **Sit.2** утверждение, что **Sit.1** и **Sit.2** связаны не как положения вещей в их временной последовательности, а как некоторая трансформация ментального плана.

Значение, вносимое приставкой *у-* в глаголы *удержать* – *удерживать* в предложениях (1) *Маша с трудом удержала/удерживала в руках тяжелую книгу* или (2) *Петя удержал/удерживал друга от необдуманного поступка*, можно описать как передающее соотношение:

Sit.1. Велика вероятность, что в момент времени Т будет иметь место ситуация А;

Sit.2. В момент времени Т не имеет места ситуация А,

где А в (1) – «Книга упала», а А в (2) – «Друг совершил необдуманный поступок».

При этом для (1) можно сказать, что способом перехода от **Sit.1** к **Sit.2** явился процесс «держать», выраженный глагольной основой, а для (2) это более сомнительно.

1.2.2.2. Значение приставки *из-*

Можно предложить такое образное (и поэтому неточное) описание центрального значения приставки *из-*: нечто изменено так, что дальнейшее изменение невозможно, даже если действие, которое продуцировало это изменение, продолжается на том же материале.

В терминах соотношения двух ситуаций для общего значения *из-* предлагается следующее толкование.

Приставка *из-* сопоставляет два следующих положения вещей в отношении некоторого Х (выраженного подлежащим, прямым

дополнением или иначе) и некоторого процесса Р (выраженного глагольной основой¹), показывая, что имела место трансформация (имеет место процесс трансформации) первого во второе:

Sit.1. Х может приобретать некоторое свойство А, продуцируемое на Х процессом Р, если станет участником этого процесса;

Sit.2. Х не может приобретать свойство А, продуцируемое на Х процессом Р, даже если станет участником этого процесса, потому что:

(1) Х уже находится в крайней точке изменения, продуцированного процессом Р (*исписать альбом, исписать ручку*); либо

(2) Х уже подвергся изменению, подобному тому, которое продуцируется на Х процессом Р, а состояния «Х подвергся Р» и «Х не подвергся Р» не имеют (рассматриваются как не имеющие) никакого промежуточного, переходного состояния (*испугать, искупать* и т. д.)

В надежде достичь большей ясности сформулирую то же самое немного другими словами: приставка *из-* показывает, что некоторый Х уже не рассматривается как подвергающийся воздействию некоторого процесса Р (потому что либо уже достигнута степень воздействия, воспринимаемая как крайняя (пройдена вся шкала изменения, и мы находимся в крайней точке), либо у Х по отношению к Р выделяются только два состояния – воздействие состоялось и воздействие не состоялось – и уже достигнуто второе).

1.2.3. Реализация абстрактного значения приставки *из-*

в глаголах с различными типами значений

Теперь посмотрим, как можно применять предлагаемое толкование к конкретным *из-*глаголам. В современном русском языке выделяются четыре большие группы глаголов, сходных по значению, вносимому в них приставкой *из-*. Остальные типы значений *из-*глаголов распространяются либо на изолированные глаголы, либо на очень небольшие группы и не входят в продуктивные словообразовательные модели; например, таково не рассматривающееся здесь

¹ На данном этапе обсуждения можно не рассматривать такие приставочные глаголы, с членностью которых на приставку и глагольную основу связаны какие-либо проблемы.

значение «изнутри-наружу», к которому, часто с натяжкой, может быть отнесено около 13 глаголов (*испарять, источать, испускать, исторгать, извергать, излучать, изгонять, избирать, извлекать, избавлять, истекать, исходить, испражняться*).

1.2.3.1. Группа 1: «Качественным изменением затронуты все участки объекта»

Примеры глаголов, входящих в эту группу: *ископать что-либо (весь огород); исклевать что/кого-либо (весь хлеб); изломать что/кого-либо (весь забор); измочить что/кого-либо (всю скатерть); изесть что-либо (пальто изедено молью); исследить что-либо (исследить весь пол); исчертить что/кого-либо (весь стол); изрисовать что-либо, исписать что-либо (всю тетрадь); исстрелять что-либо (всю мишень); исколесить, извездить, исходить что-либо (всю страну); исплавать что-либо (все моря) и т. д.*

Это открытый список, группа продуктивная, особенно для разговорной речи.

Такое же значение имеют аналогичные возвратные глаголы: *изломаться – забор весь изломался* и т. д.

В «Русской грамматике» эти глаголы охарактеризованы как имеющие значение «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта»¹.

С моей точки зрения, *из-* в этих глаголах показывает, что X, обозначенный прямым дополнением, который ранее качественно менялся, приобретая некоторое свойство A, постепенно распространяющееся на его участки в результате приложения к X процесса P, обозначенного глагольной основой, теперь будет неизменным по отношению к свойству A, потому что этим свойством уже охвачены все участки X и в результате X находится в крайней точке изменения A, продуцируемого процессом P.

То есть *пальто изедено молью* обозначает, что моль настолько испортила пальто (испортила пальто в стольких местах), что для качества пальто уже несущественно, будет ли моль портить его дальше – оно уже испорчено в такой степени, в какой только может быть

испорчено этим способом (X – «пальто», P – «есть», A – «портиться, терять качество»).

Петя извездил всю Москву в поисках лекарства обозначает, что Петя искал лекарство в стольких местах Москвы, что в ней больше не найдется мест, в которых он не искал лекарства, даже если он будет продолжать ездить по Москве с той же целью (X – «Москва», P – «ездить», A – «появление у Пети информации о том, что здесь нельзя найти лекарство»).

Альбом изрисован обозначает, что в нем содержится столько изображений, что больше не найдется такого участка, на котором не было бы изображений (X – «альбом», P – «рисовать», A – «появление изображения»).

Таким образом, специфика каждого отдельного употребления *из-* глагола этой группы состоит в том, что же такое A, т. е. в чем заключается то свойство, которое доведено до предельной стадии изменения. В каждом случае A определяется контекстом и может быть разным даже при использовании одного и того же глагола в разных контекстах. Так, для *Он извездил всю тайгу от Нагаево до Кольмы* (MAC) A совсем иное, чем в предыдущем примере с *извездить* («появление нового места в тайге, где «он» побывал»).

Общим для этой группы, отличающим ее от других групп *из-* глаголов, действительно является значение «много мест»: предельная стадия A всегда достигнута потому, что действие распространилось на все участки X. При этом то, на какое количество участков X должен быть разбит, в каждом контексте переопределяется заново, так как зависит от прагматических обстоятельств. Так, если нужна чистая альбомная страница, чтобы, например, использовать ее для написания официального заявления, то альбом окажется *изрисованным*, если на каждой странице есть хотя бы небольшое изображение; если же нужен кусочек бумаги, чтобы ребенок мог нарисовать человечка, то альбом будет *изрисован*, если в нем есть изображение, скажем, на каждом квадратном дециметре.

Итак, приставка *из-* в глаголах этой группы сопоставляет два положения вещей в отношении некоторого X (выраженного прямым дополнением) и процесса P (обозначенного глагольной основой), показывая, что имела место трансформация (имеет место процесс трансформации) первого во второе:

¹РГ. Т. 1. С. 361.

Sit.1. Изменение X при распространении на него процесса P существенно;

Sit.2. Процесс P распространен на все или почти все участки X (при такой разбивке X на участки, какие релевантны для данного контекста); при дальнейшем распространении на X процесса P X не будет меняться так, чтобы это можно было считать существенным, потому что X, в результате процесса P, уже достиг той стадии изменения, которая рассматривается как максимальная.

Например, для глагола *изрисовать*:

Sit.1. Существенно, будут ли на X появляться новые изображения;

Sit.2. Все или почти все участки X (при релевантной для данной ситуации разбивке) имеют изображения, поэтому несущественно, будет ли процесс «рисовать» продолжен, так как пройдена максимальная из имеющих значение для говорящего ступень изменения X.

1.2.3.2. Группа 2: «Израсходовано все вещество»

Примеры глаголов, входящих во вторую группу: *исписать что-либо* (*исписать все чернила, испписать ручку*); *истрелять что-либо* (*все пули*); *извязать что-либо* (*всю шерсть*); *измылить что-либо* (*все мыло*) и т. д.

Список открытый, группа продуктивная.

Такое же значение имеют аналогичные возвратные глаголы: *ручка исписалась*.

В «Русской грамматике» такие глаголы описаны как имеющие значение «уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом»¹.

Для всех таких глаголов меняющееся свойство А — «расходование X в качестве инструмента/материала для процесса P». Сравнивается ситуация, когда X может расходоваться, с ситуацией, когда уже не может, потому что достигнута крайняя стадия расходования — X кончилось. Предельная стадия А достигнута потому, что X больше не существует по отношению к данному процессу — *исписать ручку* (*ручка существует, но не по отношению к писать*); часто X перестает существовать не только по отношению к процессу, но и вообще — *исписать чернила*.

¹РГ. Т. 1. С. 361.

Приставка *из-* в глаголах этой группы сопоставляет два положения вещей в отношении некоторого X (выраженного прямым дополнением) и процесса P (обозначенного глагольной основой), показывая, что имела место трансформация (имеет место процесс трансформации) первого во второе:

Sit.1. X может расходоваться, будучи использован как инструмент/материал процесса P;

Sit.2. X был использован в процессе P в таком объеме, что более не может расходоваться, используясь в этом процессе, потому что уже достиг крайней стадии расходования — а именно более не существует.

Например, для глагола *измылить*:

Sit.1. X можно использовать как расходуемый инструмент процесса «мыть» (т. е.: X может меняться, будучи включенным в процесс «мыть» в качестве расходуемого инструмента);

Sit.2. X нельзя использовать как расходуемый инструмент процесса «мыть» (т. е. X не может меняться, будучи включенным в процесс «мыть» в качестве расходуемого инструмента); потому что X уже находится в крайней точке изменения, продуцированного на него процессом «мыть», а именно: X больше не существует.

1.2.3.3. Группа 3: «Действие производилось очень долго или очень активно»

В эту группу входят только возвратные глаголы: невозвратных аналогов с этим же значением не существует.

Примеры глаголов, входящих в эту группу: *исписаться* (*Он написал несколько интересных книг, но уже лет пять не может написать ничего нового, наверное, исписался*; толкование из МАС: Утратить способность к свежему и оригинальному творчеству (о писателе, художнике, композиторе); *изголодаться* (*Изголодался, отоштал*; толкование из МАС: Натерпеться голода, от долгого недоедания дойти до истощения); *исстрадаться* (*Наконец-то ты пришла, ребенок без тебя испстрадался*; толкование из МАС: Измучиться от страдания, горя, тоски); *изолгаться* (*Дядя Вася изолгался до такой степени, что если бы и вздумал рассказать когда-нибудь о настоящем, не вымышленном происшествии, ему не поверил бы ни один малыш* (МАС); тол-

кование из МАС: Привыкнуть лгать, стать неисправимым лгуном); *истерзаться* (За это время он *истерзался* от угрызений совести и уже готов был во всем признаться; толкование из МАС: Измучиться от нравственных страданий); *изработаться* (толкование из МАС: Разг. Потерять силу и здоровье в долгой и напряженной работе); *извертеться* (обращение к девочке: *Посиди хоть минутку спокойно, а то извертелась* вся).

Группа очень продуктивна, особенно в разговорной речи. См. использование с не существующей без приставки глагольной основой:

(1) Среди бела дня это произошло. Много глаз это видело. Были во дворе люди. Но никто не кинулся за бандитами. *Иструсилвился* народ, расслабило нас благополучие [Л. Карелин. Змеелов (1980–1981)].

Производителем действия у подобных глаголов практически всегда является человек (возможно, животное или нечто иное, но при антропоморфном описании, ср.: *щенок прямо излялся*).

По-видимому, основа этого значения – образ, связанный со значением групп 1 и 2. Ср.: *Хлеб (весь) искрошился* и *Ребенок (весь) извертелся*. Человек как бы производил действие в таком объеме, что больше уже не может, не в состоянии его производить. Действие рассматривается как влияющее на производящее его лицо таким образом, что оно меняется и в конце концов уже не может производить это действие. Для *писатель исписался* – это почти прямое значение («когда писал, расходовал свои способности; писал столько, что исчерпал способности и уже не может писать»), для *извертелся, истрадался* – это образ («вертеться или страдая, расходовал силы, необходимые, чтобы вертеться или страдать, и дошел до предельной стадии такого изменения»).

Для таких глаголов меняющееся свойство А – «расходование внутренних ресурсов человека (X), необходимых для этого действия».

Эти глаголы можно рассматривать как аналогичные и глаголам первой, и глаголам второй группы. В первом случае акцент делается на каких-то изменениях внешнего вида или состояния X, – например, для глаголов *изголодаться, истерзаться*, видимо, естественнее такая трактовка. Во втором случае акцент сделан на исчерпанности внутренних ресурсов, необходимых для действия или состояния, – только так можно понимать глаголы *извертеть-*

ся, исписаться. Многие глаголы, по-видимому, можно понимать двояко.

Вот толкование для глагола *исстрадаться* как аналогичного глаголам группы 1 («максимально изменился от страдания»):

Sit.1. X будет меняться, если будет находиться в состоянии «страдать»;

Sit.2. Состояние «страдать» так долго или так сильно воздействовало на X, что далее X не будет меняться, если будет находиться в этом состоянии, потому что в результате этого состояния в X уже изменилось все то, что может меняться в подобном случае, т. е. X уже находится в крайней точке изменения, продуцированного состоянием «страдать».

Можно понимать этот же глагол и аналогично глаголам второй группы («столько страдал, что больше страдать не может»):

Sit.1. X может расходовать свои внутренние ресурсы, необходимые для нахождения в состоянии «страдать»;

Sit.2. X не может расходовать свои внутренние силы, необходимые для нахождения в состоянии «страдать», потому что в результате длительного нахождения в этом состоянии их уже не осталось.

1.2.3.4. Группа 4: «Произошел переход в противоположное состояние»

Примеры глаголов, входящих в последнюю группу: *Испачкать что/кого-либо* (*Я испачкала* юбку мелом); *испечь что-либо* (*Бабушка испекла* замечательный пирог); *испортить что/кого-либо* (*Она испортила* мне всю поездку своими капризами); *исправить что/кого-либо*; *испугать кого-либо*; *излечить кого-либо*; *изменить что/кого-либо*; *измерить что-либо*; *изнасиловать кого-либо*; *измучить кого-либо* и др.

Группа большая, но, видимо, закрытая, малопродуктивная.

Такое же значение имеют аналогичные возвратные глаголы: *излечиться, испечься* и др.

В «Русской грамматике» эти глаголы описаны как имеющие значение «совершить, довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом»¹. Во многих глаголах этого списка приставка *из-* имеет то зна-

¹ РГ. Т. 1. С. 361.

чение, которое можно было бы назвать «чистовидовым», если, конечно, исходить из того, что приставка может не иметь никакой семантики и нести только грамматическую нагрузку, не добавляя к бесприставочному глаголу ничего, кроме видовой характеристики (например, пары глаголов *пугать* — *испугать* или *насиловать* — *изнасиловать* с такой точки зрения можно считать видовыми). Здесь же разделяется многими принятая сейчас точка зрения, согласно которой «чистовидового» значения приставки не существует, но существует такое значение приставки, которое из-за максимального совпадения с какими-то сторонами значения глагольной основы на первый взгляд может показаться «пустым» (см. об «эффекте Вея — Схоневельда» выше, 1.1.6).

Мы считаем, что все эти глаголы рассматривают два противопоставленных состояния X, два таких состояния, которые воспринимаются как ничем не связанные, не соединенные никаким последовательным преобразованием.

Тогда, в результате введения положения:

«два состояния “X подвергся P” и “X не подвергся P” не имеют (рассматриваются как не имеющие) никакого промежуточного» — формула, обобщающая все употребления *из-*:

Sit.1. X может приобретать некоторое свойство A, продуцируемое на X процессом P, если станет участником этого процесса;

Sit.2. X не может приобретать свойство A, продуцируемое на X процессом P, даже если станет участником этого процесса,

для данного случая приобретает более конкретный вид:

Sit.1. X имеет свойство «не A» (которое бывает у X, если он не подвергался изменению, продуцируемому на него процессом P);

Sit.2. X имеет свойство A (которое бывает у X, если он подвергался изменению, продуцируемому на него процессом P).

В самом деле, если считать, что у некоторого X есть два пересекающихся, не имеющих переходной ступени состояния «не A» и «A», то получается, что X может приобретать состояние «A» только тогда, когда он находится в состоянии «не A».

Так, если рассматривать состояния «черный», «темно-серый», «серый», «светло-серый» и «белый», то из того факта, что X меняется от процесса «становиться светлее», следует, что X «не белый», но не следует, что X — «черный», может быть, он, скажем, «светло-серый».

Но если рассматривать только два состояния X — «черный» и «белый», считая, что промежуточного, «серого», не существует, то X может меняться в результате процесса «становиться светлее», только если он «черный»; если же он «белый», то при процессе «становиться светлее» X меняться не будет.

Поэтому соотношение:

Sit.1. X может меняться от процесса «становиться светлее»;

Sit.2. X не может меняться от процесса «становиться светлее» становится равным соотношению:

Sit.1. X черный;

Sit.2. X белый.

Итак, если считать, что есть только два состояния «X не испытывает страха» и «X испытывает страх» и процесс «пугать» продуцирует второе, то соотношение:

Sit.1. X может меняться от процесса «пугать»;

Sit.2. X не может меняться от процесса «пугать» становится равным соотношению:

Sit.1. X не испытывает страха;

Sit.2. X испытывает страх.

Таким образом, в глаголах этой группы *из-* показывает:

по отношению к изменению, продуцируемому на X процессом P, выделяются только два противопоставленных, непересекающихся состояния X; произошел переход от одного из них ко второму.

Например, для глагола *испугать*:

для X по отношению к процессу «пугать» выделяются только два состояния («X не испытывает страха» и «X испытывает страх»), между которыми нет ничего общего и нет никакой промежуточной стадии;

Sit.1. X находится в таком состоянии, в котором он бывает, если не подвергся воздействию процесса «пугать»;

Sit.2. X находится в таком состоянии, в котором он бывает, если подвергся воздействию процесса «пугать».

Для глагола *испачкать*:

для X по отношению к процессу «пачкать» выделяются только два состояния («X чистый» и «X грязный»), между которыми нет ничего общего и нет никакой промежуточной стадии (чуть-чуть «запачканный» X уже «грязный» и поэтому не отличается от сильно «запачканного»);

Sit.1. X находится в таком состоянии, в котором он бывает, если не подвергся воздействию процесса «пачкать»;

Sit.2. X находится в таком состоянии, в котором он бывает, если подвергся воздействию процесса «пачкать».

Такому пониманию *из*-глаголов этой группы не противоречит тот факт, что они легко сочетаются с наречиями меры и степени (*абсолютно испорчен, очень испуган, сильно испачкан*): идея отсутствия стадий «изменения» относится только к моменту перехода от необладания свойством («годный»; «спокойный»; «чистый») к обладанию («негодный»; «боящийся»; «грязный»), но не к дальнейшему изменению («негодный», потом «совсем негодный»; «боящийся», «очень боящийся»; «грязный», потом «очень грязный», потом «сверхгрязный»...).

Важно, что для этого значения приставки *из*- действие, обозначенное глагольной основой, не имеет существенного значения: приставочный глагол совершенного вида вообще не содержит информации о том, что процесс имел место, а говорит лишь то, что произошло изменение, подобное тому, которое бывает при аналогичном процессе.

1.2.4. Приставка *из*- и другие

1.2.4.1. Сопоставление приставок

Конечно, многие вышеприведенные формулировки настолько абстрактны, что легко может возникнуть подозрение: ровно то же самое можно сказать о любой другой приставке. Но помимо *из*- автором и другими членами русско-французского проекта описания дискурсивных слов и приставок современного русского языка (1993–2002) были рассмотрены различные приставки¹, и для каждой из них сформулирована гипотеза, отличная от той, которая предложена здесь для приставки *из*-.

Для того чтобы подтвердить это, будет приведено предлагаемое мною описание приставки *вы*-. Ведь она является самой «близкой»

¹ А именно: *вы*- (И. Свещинская, Е. Добрушина), *с*- (Е. Добрушина), *у*- (К. Рей, Д. Пайар, Е. Добрушина), *об*- (Е. Добрушина), *на*- (Е. Меллина), *от*- (М. Кронгауз, Д. Пайар), *при*- (Е. Де Пенанрос), *про*- (А. Андриевская, М. Кронгауз, Ж. Мартиновский), *пере*- (Д. Пайар, А. Андриевская).

к приставке *из*- по двум причинам: во-первых, существует много пар приставочных глаголов с одной и той же основой, отличающихся только приставками *из*- и *вы*-, которые имеют очень близкие, часто трудноразличимые значения, например *изгнать/выгнать* или *излечить/вылечить*. Во-вторых, если для большинства других глагольных приставок, имеющих соотносящиеся с ними предлоги, существует множество глаголов, у которых предлог как бы «дублирует» приставку («наехать **на** кого-либо», «съехать **с** чего-либо», «въехать **во** что-либо», «доехать **до** чего-либо»), то *из*-глаголы очень редко сочетаются с предлогом *из* («изгнать *из* чего-либо», но «изъехать/изъездить» + *из* – невозможно), зато *вы*-глаголы кажутся созданными для сочетания с этим предлогом («выехать *из* чего-либо» и «выгнать *из* чего-либо»).

1.2.4.2. Абстрактное значение приставки *вы*-

Приставка *вы*- сопоставляет два положения вещей в отношении некоторого X (выраженного прямым дополнением) и процесса P (обозначенного глагольной основой), показывая, что на основе процесса P имела место трансформация (имеет место процесс трансформации) первого во второе:

Sit.1. Имеет место положение вещей А, отличное от положения вещей В, но рассматриваемое как потенциально содержащее в себе возможность реализации положения вещей В в случае, если к нему будет приложен процесс P, протекающий особым способом; при этом В не является единственно возможным следствием приложения P к А, т. е. не задано фактом применения P к А, а имеет самостоятельный статус;

Sit.2. В результате приложения P к А имеет место ситуация В.

То же самое иными словами:

приставка *вы*-, сопоставляя две ситуации, отличные друг от друга, рассматривает первую из них как уже содержащую в себе какой-то начальный этап реализации второй ситуации и указывает, что на основе некоторого процесса, протекавшего в нужном направлении, произошел переход от первой ситуации ко второй.

Из этих формулировок ясно, что для приставки *вы*-, в отличие от приставки *из*-, необязательно наличие какого-либо «изменения» определенного X. *Вы*- может:

(1) сравнивать два состояния X: *вычистить лошадь* – «лошадь чистая» (B) и «грязная»/ «нечистая» (A);

(2) сравнивать две ситуации: *машина выехала из гаража* – «машина находится в гараже» (A) и «машина находится вне гаража» (B);

(3) просто описывать изменение в протекании действия: *Мы выжидали, пока топот стихнет, и двинулись дальше* (MAC) – «ждали» (A) и «перестали ждать, потому что дождались» (B).

Определяющим свойством приставки **вы-** является то, что действие рассматривается как изначально направленное на реализацию именно того эффекта, который достигнут, притом что этот эффект не был единственно возможным для данного процесса.

1.2.4.3. Соотношение предлагаемого описания значения приставки **вы-** с описанием И. Свещинской

И. Свещинской, в рамках того же проекта, что и данное исследование, был проделан тщательный и точный анализ приставки **вы-**. Полностью принимая очень многое в ее описании конкретных групп **вы-** глаголов, я все же считаю заслуживающей дискуссии предложенную ею формулировку, обобщающую значение этой приставки, а именно:

«...приставка **вы-** устанавливает отношения между элементами структуры, где участвуют:

X (подлежащее для непереходных глаголов; прямое дополнение для переходных глаголов),

У (пространство для глаголов в ситуациях, связанных с перемещением X; состояние для глаголов в ситуациях, связанных с изменением X).

Мы рассматриваем приставочные глаголы как сложные предикаты, и во всех рассмотренных нами случаях приставка **вы-** выражает основную предикацию, когда X оказывается в У2, внешнем и вторичном по отношению к У1, а глагольная основа играет роль обстоятельства образа действия.

При этом У2 может быть не только вторичным по отношению к У1, но одновременно иметь еще и самостоятельный характер. В этом заключается двойной статус У2»¹.

¹ Свещинская И. Некоторые аспекты... С. 149.

Из этого определения ясно, что для И. Свещинской ключевым моментом значения **вы-** является переход из некоторого У1 в У2, являющееся чем-то внешним и вторичным по отношению к У1, но обладающее еще и самостоятельным статусом.

Используя слова «внешний и вторичный», И. Свещинская, по-видимому, стремится сохранить идею «изнутри-наружу», присутствующую во многих **вы-** глаголах. С моей точки зрения, эта идея, а вместе с ней и понятие У1 являются вторичными для наиболее абстрактного определения приставки **вы-**. Они, несомненно, удобны для использования, но только в описании некоторых конкретных значений приставки, например при глаголах движения (*выехать, вылететь*), но не нужны как при описании других, более абстрактных ее значений, – например, значений таких глаголов, как *выделять, выстроить, выпечь*, – так и при формулировании ее наиболее общего значения.

Самое важное в значении **вы-** – это, используя терминологию И. Свещинской, самостоятельный статус У2, или, используя терминологию данной работы, специфический (неочевидный, не единственно возможный, не зависящий непосредственно от факта приложения процесса к начальному состоянию X) эффект процесса.

1.2.4.4. Реализации абстрактного значения **вы-**

Этот эффект в конкретных глаголах проявляется по-разному, и здесь мы рассмотрим лишь несколько случаев:

1. Наиболее выразительно демонстрирующими абстрактное значение, объединяющее все употребления **вы-**, представляются употребления типа *выпевать, вытанцовывать, выделять* («Да, Зинаида очень потешалась надо мной. В течение трех недель я ее видел каждый день – и чего-чего она со мной не **выделявала!**» – MAC), *вычерчивать* («На карте, разостланной на столе, полковник аккуратно вычертил направление предстоящего танкового удара» – MAC), *вырисовывать* и т. п. Все подобные употребления можно трактовать как «делать (*петь, танцевать, чертить*) специальным способом, так что получается специфический, неординарный для данного действия результат (*вытанцовывать* – «специфические фигуры тан-

ца», *выпевать* — «очень искусное пение», *выделывать* — «необычная выходка», *вычерчивать* — «чертеж, требующий большой аккуратности, тщательности»).

Sit.1. Имеет место процесс P, протекающий так, что в итоге в некоторый момент будет достигнуто положение вещей W, не имеющее место в настоящий момент и не являющееся обязательным следствием протекания процесса P;

Sit.2. Достигнуто положение вещей W.

Иными словами, *вы-* в подобных случаях имеет примерно такое значение: некоторый процесс протекает определенным способом, и поэтому в итоге достигается определенный результат.

2. Весьма частотными являются употребления приставки *вы-* со значением «изнутри-наружу». В традиционных работах о приставках это значение обычно считается основным значением *вы-* и приписывается как глаголам движения, для которых оно очевидно (*выехать* — *машина выехала из гаража*), так и глаголам типа *выписать*, *вылить* или *выгнать*, для которых является скорее образом, возможно лежащим в основе их значения, но сильно трансформированным.

Это значение легко сводится к предлагаемому абстрактному толкованию. Ведь, чтобы нечто переместилось «изнутри-наружу», необходимо, чтобы еще тогда, когда оно находится «внутри», существовало понятие «снаружи», существовало сообщение между «внутри» и «снаружи» и движение было направлено в конкретную сторону (т. е. нужно, чтобы существовала «открытая дверь» и движение было направлено к ней).

Sit.1. X находится внутри некоторого S, но уже существует возможность того, что при определенных условиях протекания процесса P X будет находиться снаружи S; то, что X будет находиться снаружи, не единственно возможный результат P;

Sit.2. X находится снаружи S.

Иными словами, *вы-* в подобных случаях имеет примерно такое значение: некоторый процесс протекает таким способом, что в итоге некоторый X оказывается перемещенным изнутри наружу.

3. Наконец, взглянем на те глаголы, для которых *вы-* может показаться «чистовидовой» приставкой, т. е. не вводящей значения, отличного от значения совершенного вида. Например: *чистить* — *вычистить* (*вычистить лошадь*), *мыть* — *вымыть* (*вымыть руки*), *красить* — *выкрасить* (*выкрасить стены*).

Такие глаголы с *вы-* часто кажутся синонимичными глаголам, образованным от той же основы приставкой *по-* (*почистить*, *помыть*, *покрасить*).

Ср. в МАС: «Почистить — вычистить до некоторой степени» (плюс второе значение, не соотносящееся с *вы-*: «чистить некоторое время»: «[чайка] почистила клювом в перьях»); «Вычистить — сделать чистым, очистить от чего-либо» («Очистить — сделать чистым, удалив с чего-либо пыль, грязь и т. п.»).

Также в МАС: «Помыть — то же, что “вымыть” (в знач. 1)», «Вымыть — 1. Сделать чистым посредством мытья».

И наконец: «Покрасить — то же, что выкрасить»; «Выкрасить — покрыть, пропитать краской, окрасить» («Окрасить — покрыть или пропитать краской, покрасить»).

В таких глаголах роль приставки *вы-* заключается в подчеркивании достижения определенного результата, что видно при сравнении их с *по-* глаголами. Глаголы с *по-* указывают, что в течение ограниченного промежутка времени совершалось некоторое действие, но не настаивают на определенном результате, тогда как глаголы с *вы-* указывают, что был достигнут определенный результат.

Поэтому, например, возможно предложение *Дождь вымыл город* и странно предложение **Дождь помыл город* (наблюдение И. Свещинской, см. выше). Дело в том, что дождь не «мыл» город, а просто достиг результата, такого, который был бы достигнут, если бы город «мыли». Поэтому же вежливо предложить гостям перед едой «помыть руки», а предложить им «вымыть руки» довольно странно: гостям можно предложить произвести некоторое действие, но невежливо настаивать на том, что они должны добиться результата. А вот ребенку вполне можно велеть «хорошенько вымыть руки», и это звучит удачнее, чем «хорошенько помой руки», потому что здесь как раз есть основания настаивать на результате. Естественнее употребить глагол с *по-* в контексте *как только я почистил зубы, зазвонил телефон*, потому что здесь важно только само действие, а *вычистить зубы* хорошо использовать, если речь идет о враче, *вычищающем зубной камень*.

Sit.1. Имеет место процесс P, изначально направленный на достижение результата R (или: имеет место процесс P, и предполагается, что будет достигнут результат R); R не является единственно возможным результатом P;

Sit.2. Достигнут результат R.

Иными словами, **вы-** в подобных случаях имеет примерно такое значение: некоторый процесс направлен на достижение определенного результата, и в итоге достигается этот определенный результат.

Можно предложить следующее «образное» описание значения этой приставки: из всего множества возможных способов протекания данного действия (процесса) сразу же начал реализовываться некоторый определенный способ, такой, который приводит к определенному (из нескольких возможных) итогу или к достижению результата (когда достижение результата при произвольном способе протекания данного действия неочевидно).

1.2.4.5. «Синонимичные» глаголы с **из-** и **вы-**

Теперь, опираясь на предлагаемые толкования **из-** и **вы-**, можно показать, чем же различаются кажущиеся очень близкими по смыслу пары **из-** и **вы-** глаголов.

Рассмотрим, например, пары «*изгнать* и *выгнать*», «*излечить* и *вылечить*». Толкования из МАС:

«Изгнать — насильственно удалить откуда-либо; выгнать»; «Выгнать — гоня, удалить, заставить уйти откуда-либо; прогнать, изгнать».

«Излечить — сделать здоровым; вылечить»; «вылечить — лечением восстановить здоровье, излечить».

В соответствии с предлагаемым здесь пониманием *изгнать* и *излечить* — это просто сопоставление двух положений вещей: «X находится внутри некоторого O (и не имеет намерений оказаться вне O)» с «X не находится внутри O» и «X болен» с «X здоров», воспринимаемых как совершенно непересекающиеся ситуации. То есть в этих глаголах подчеркнута крайняя стадия второй ситуации: *изгнать* — это обязательно навсегда, без возможности возврата, *излечить* — это обязательно полностью, абсолютно. При этом в этих словах не содержится настоятельных указаний на тот процесс, который привел к перемене: конечно, он был, но в центре внимания слова с приставкой **из-** лишь крайняя степень изменения, а не процесс, к нему приведший (например, *излечить* можно и без лечения, скажем, с помощью магии, а для *вылечить* лечение предполагается).

Поэтому слова *изгнать* и *излечить* становятся принадлежностью как бы «более высокого стиля речи», т. е. используются тогда, когда речь идет о глобальных ситуациях, а не о мелких, бытовых: *изгнать преступника из страны*, *излечить от проказы*, при этом они плохо сочетаются с указаниями на способ достижения результата.

А *выгнать* и *вылечить* — это описание перехода из одной ситуации в другую без акцента на крайнюю степень их отличия, но зато с указанием на то, что, для того чтобы переход произошел, понадобилось специальное развитие начальной ситуации, специальное течение процесса, нужно было *гнать* так, чтобы *выгнать* и *лечить* так, чтобы *вылечить*. Поэтому даже в толкованиях МАС при словах с **вы-** содержатся какие-то указания на «способ действия»: «гоня» и «лечением», а при словах с **из-** их нет. Поэтому глаголы с **вы-** описывают бытовые ситуации и легко сочетаются с описанием способа действия: *метлой выгнать кошку из комнаты*, *выгнать мужа*, *вылечить насморк импортным лекарством*. Глаголы *изгнать* и *излечить* в этих контекстах употребить невозможно.

1.2.4.6. **Из-** и **на-**

По-видимому, одним из определяющих свойств приставки **на-** является то, что «изменение» достигается за счет количественного накопления действия. (Возможно, что, в отличие от **из-**, **на-** не во всех своих употреблениях предполагает «изменение» — но во всех тех случаях, когда она образует глагол, синонимичный **из-** глаголу, это «изменение» присутствует, а другие случаи нас здесь не интересуют.)

Рассмотрим пару «*испугать* и *напугать*». Толкования из МАС:

«Испугать — 1. Вызвать испуг, заставить бояться; 2. Ослабить чью-либо решимость, вызвать какие-либо опасения, боязнь. Их не испугали бы ни нужда, ни лишения».

«Испугаться — 1. Почувствовать испуг, боязнь. 2. Отступить, отказаться от чего-либо из-за боязни чего-либо».

«Напугать — внушить испуг, страх, испугать».

«Напугаться — почувствовать испуг, страх, испугаться».

С излагаемой здесь точки зрения *испугать* — это просто сопоставление двух состояний X: «X не боится» и «X боится» и указание на переход от первого ко второму, без специального рассмотрения

того воздействия на X, которое повлекло данный переход. Особенно хорошо это видно при анализе возвратного *из-*глагола: ведь в «X испугался» X является субъектом двух состояний и одновременно рассматривается и как субъект перехода от одного состояния к другому (X как бы сам поменял свое эмоциональное состояние). Понятно, что при этом X не производил над собой процесса *пугать*: процесса, производимого X, как бы вообще не было.

Например, можно сказать: *Петя увидел большую собаку и испугался* (первое значение из двух, предлагаемых в МАС) или *Было очень холодно — Петя испугался идти гулять* (второе значение из двух, предлагаемых в МАС). Ни в первом, ни во втором примере процесса *пугать* не было, Петя просто поменял свое эмоциональное состояние от «не испытывать страх» к «испытывать страх» и от «иметь намерение» к «не иметь намерения».

Напугать, напротив, обязательно подразумевает процесс *пугать*, который после некоторого накопления переходит в результат (сам результат полностью совпадает с результатом *испугать* — как следствие этого, глаголы *напугать* и *испугать* почти всегда взаимозаменяемы в контекстах). Поэтому возвратный глагол с *на-* *напугаться* почти не используется в литературном языке: ведь он подразумевает, что субъект сам *пугал* себя до тех пор, пока не достиг результата, что не соответствует тем ситуациям, которые обычно описываются.

В литературном языке нельзя сказать: **Петя увидел большую собаку и напугался*. Ведь поскольку глагол возвратный, Петя (подлежащее) сам должен быть субъектом всех действий, описанных сказуемым, а (1) *на-*глагол (в отличие от *из-*глагола) подразумевает наличие накапливающегося процесса, и при этом очевидно, что (2) не Петя является субъектом процесса *пугать*. Внутри значения возвратного глагола возникает противоречие между (1) и (2). Для *испугаться* (1) неверно — нигде в толковании *из-* не сказано, что изменение происходит именно в результате процесса, сказано только, что это такое изменение, которое происходит, если процесс имеет место.

Итак, глаголы *испугать* (X) и *напугать* (X) описывают одно и то же состояние X, но при этом *испугать* просто сопоставляет две ситуации: (1) «X находится в таком эмоциональном состоянии, что оно изменится, если к нему применить процесс *пугать*» и (2) «X находится в таком эмоциональном состоянии, что оно не изменится, если к

нему применить процесс *пугать* (потому что он уже находится в том состоянии, которое достигается в результате процесса *пугать*); а *напугать* включает в свое значение указание на то, что имел место процесс *пугать* и X находится в эмоциональном состоянии, явившемся результатом накопления этого процесса.

* * *

Итак, рассмотрев основные классы глаголов, используемых с *из-*, мы попытались доказать, что все употребления этой приставки объединены ее единым абстрактным значением, которое можно кратко обозначить ярлыком «предельное изменение». Затем, сравнивая *из-*глаголы с синонимичными им глаголами с приставками *вы-* и *на-*, было показано, что предложенное толкование хорошо объясняет тонкие семантические различия.

1.3. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *-каз-*)

Этот раздел создан на основе работы, проведенной совместно с Д. Пайаром¹, и представляет собой описание значений трех приставочных глаголов с основой *-каз-*, сделанное в духе французской формальной семантики. Гипотеза, которой посвящен этот раздел, состоит в том, что семантические вклады в формирование значения приставочного глагола бесприставочной глагольной основы, с одной стороны, и глагольной приставки — с другой, можно разделить и идентифицировать.

В книге «Русские приставки: многозначность и семантическое единство»² были описаны приставочные глаголы, сформированные основами *би(ть)*, *бра(ть)* и *ши(ть)* и следующими приставками: *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *пере-*, *при-*, *про-* и *у-*. В данном разделе будет представлено описание трех приставочных глаголов с корнем *-каз-*: *показать(ся)*, *доказать*, *отказать(ся)*. Целью является демонстрация того, что все значения этих глаголов являются результатом взаимодействия глагольной основы *-каз-(ать)* и приставок *по-*, *до-* и *от-*.

1.3.1. Основные гипотезы

Используемые представления о приставочных глаголах базируются на ряде гипотез и понятий, подробно описанных в моей с Пайаром книге (2001). Здесь рассмотрим кратко наиболее необходимые.

1.3.1.1. Формальная семантическая схема языковой единицы (*forme schematique*)

Семантическое представление языковых единиц (и это касается не только бесприставочных глагольных основ и приставок) тесно связано со сложнейшей проблемой полисемии. Центральный вопрос состоит

¹ На основе этой работы была опубликована статья: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *каз-*) // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* / Hrsg Sw. Mengel. Munster; London; Hamburg, 2002. С. 263–280.

² Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...

в том, можно ли говорить о семантическом единстве многозначной языковой единицы, одновременно учитывая все своеобразие ее многочисленных значений. И если исходить из того, что семантическое единство любой значимой единицы существует (а именно такова принятая здесь позиция), то приходится решать другой вопрос: в какой форме должно быть представлено это единство в исследовании?

В вышеупомянутой книге предложено отражать семантическое единство значимой единицы в виде формальной семантической схемы (далее ФСС). Под ФСС подразумевается такая семантическая характеристика единицы, которая, с одной стороны, (1) полностью отражает семантическую самобытность данной единицы и позволяет отличить ее от любой другой, в том числе близкой по значению, а с другой стороны, (2) позволяет описывать семантическое взаимодействие данной единицы с другими, составляющими ее ближайший контекст. Второе свойство ФСС (2) будет рассмотрено в разделе 1.3.1.3 при обсуждении семантического взаимодействия «приставка — бесприставочная глагольная основа». Что же касается первого требования (1), подчеркну, что ФСС — это такое семантическое представление единицы, которое не является толкованием ни для одного ее конкретного употребления, но присутствует в любом употреблении этой единицы и является основой формирования каждого конкретного ее значения.

Ниже будут приведены и прокомментированы формальные схемы для основы *-каз-* и приставок *по-*, *до-* и *от-*. Предлагаемые формальные схемы глагольных основ служат как для описания бесприставочных глаголов во всем многообразии их употреблений, так и для демонстрации семантического вклада бесприставочного глагола в формирование образованного от него приставочного (см. определения понятий «приставочная парадигма» и «глагольная основа»¹).

1.3.1.2. Приставки как реляторы

Мы предлагаем описывать приставки как реляторы **R**, задающие отношение между двумя элементами **X** и **Y**, притом что **Y** является источником детерминации для **X**. Эта гипотеза о приставках имеет очень важное следствие (мы вернемся к нему в разделе 1.3.1.3): изуче-

¹ Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 12–14.

ние приставки не может быть сведено к описанию ее взаимодействия с глагольной основой в рамках приставочного глагола, но требует рассмотрения более широкого контекста, в первую очередь анализа взаимодействия приставки со связанными с приставочным глаголом существительными, такими как подлежащее и прямые и косвенные, предложные и беспредложные дополнения.

Описание приставок как реляторов вида **X R Y** ставит в центр вопрос об идентификации элементов **X** и **Y**. **Y** всегда представляет собой элемент, внешний по отношению к глагольной основе. Что же касается **X**, то иногда он может представлять собой глагольную основу, а иногда связан с внешним по отношению к ней элементом. Подобное различие в статусе **X** находится в центре классификации приставок: мы считаем, что все описанные в рамках проекта приставки разбиваются на два класса.

Первый класс объединяет «приставки-события», для которых **X** никогда не представлен глагольной основой, что имеет следствием заметную семантическую автономию приставки по отношению к основе. Так, приставка *от-* является «приставкой-событием» и обозначает нарушение связи элемента **X** с элементом **Y**; например, в сочетании «отбить нос у статуи» глагол *отбить* обозначает событие потери связи между «носом» и «статуей»; при этом роль *от-* как релятора состоит во введении соответствующего событию отношения между элементами **X** («нос») и **Y** («статуя»). К классу «приставок-событий» мы относим приставки *в-*, *вы-*, *на-*, *пере-*, *под-*, *о-/об-* и *от-*.

Второй класс объединяет «приставки-определители», отличительной чертой которых является то, что определяемым элементом всегда является бесприставочная глагольная основа. «Приставки-определители» — это *до-*, *за-*, *из-*, *по-*, *при-*, *про-* и *у-*. Приставки этого класса обозначают переосмысление процесса, обозначенного глаголом. Так, приставка *про-* обозначает, что глагольная основа **X** рассматривается по отношению к некоторому интервалу **Y**; в сочетании «прошить всю ночь» глагол *прошить* обозначает, что процесс «шить» переосмысливается по отношению к «ночь» как к интервалу для процесса.

Как было сказано выше, мы исходим из того, что существует семантическое единство любой значимой единицы, в том числе приставки и глагольной основы. Семантическое единство приставки мы

описываем через формальную схему приставки, формулирующую то отношение, которое приставка, будучи релятором, задает между определяемым элементом **X** и определяющим элементом **Y**.

1.3.1.3. Комбинаторные отношения

«приставка — бесприставочная глагольная основа»

Мы описываем приставочный глагол как результат взаимодействия между глагольной основой и приставкой, при этом приставка является источником семантического переосмысления основы. Взаимодействие «приставка — бесприставочная глагольная основа» происходит на двух планах: с одной стороны, на плане абстрактных формальных семантических схем приставки и основы, на котором значение приставочного глагола тем или иным образом включает все семантические элементы как основы, так и приставки, и с другой стороны — на плане лексикализации или нелексикализации в виде конкретных лексем различных элементов ФСС приставки и основы. Многозначность приставочного глагола во многом объясняется именно разнообразием типов лексических единиц, лексикализующих одни и те же элементы (ср. ниже описание глагола *показать*).

Синтаксические конструкции приставочных глаголов являются результатом рассматриваемых взаимодействий: они отражают разную иерархию, устанавливаемую для лексических единиц, лексикализующих разные элементы двух ФСС. Для описания синтаксических конструкций мы в дальнейшем будем использовать следующие обозначения: **S0** — подлежащее, **S1** — прямое дополнение, **S_i** — не-прямое, предложное или беспредложное дополнение.

1.3.2. О значении основы *-каз-* как глагольной основы

Предлагаемая ниже формальная схема для *-каз-* как глагольной основы описывает семантическую специфику *-каз-* не только как основы бесприставочного глагола (который в современном литературном русском существует в основном только в возвратной форме), но и как основы для всех образованных ею приставочных глаголов.

Формальная семантическая схема основы *-каз-*:

Основа *-каз-* означает, что некоторое представление (R) определенного носителя представления (N) о чем-либо стало актуальным из-за некоторого элемента (I); данное представление (R) рассматривается как имеющее источником данный элемент (I).

Формальная схема *-каз-* содержит три абстрактных элемента: «представление (о чем-либо) R», «носитель этого представления N» и «источник этого представления I». При этом, хотя любое представление является представлением о чем-либо, понятие «объект представления» в рамках формальной схемы *-каз-*, с нашей точки зрения, значимым не является и лишь подразумевается самим термином «представление». С другой стороны, понятие «объект представления» будет весьма существенным при анализе структуры значения приставочных *каз-* глаголов.

Разумеется, предложенная здесь терминология, в частности термины «представление», «носитель представления» и «источник представления», является условной. Ниже мы покажем, что за этими терминами, в зависимости от того, какими лексическими единицами лексикализируются соответствующие элементы схемы в реальных употреблениях, могут скрываться довольно разнообразные явления.

Термин «представление» соотносится со словом «мысль», используемым Ю. Д. Апресяном в статье о *казаться*: содержанием глагола *казаться* «может быть л ю б а я мысль, начиная с простейших соображений и впечатлений, которые могут возникать у человека по самым пустяковым поводам, и кончая серьезными мнениями относительно серьезных предметов»¹. Термин «представление» кажется нам предпочтительнее, так как понятие «мысль» очень тесно связано с субъектом мысли и никак не предполагает наличие внешнего источника. Между тем для нас понятие внешнего источника представления очень существенно: суть семантики основы *-каз-*, с нашей точки зрения, именно в наличии у представления определенного источника, отличного от носителя представления.

¹ Апресян Ю. Д. *Казаться 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 457.

1.3.3. Бесприставочный глагол *казаться*

В словарях выделяются три значения *казаться*, тесно связанные с используемыми синтаксическими конструкциями:

(а) *Он кажется (мне) умным.*

(б) *Мне кажется, что он умный.*

(с) *(Мне) Кажется странным, что он потратил больше года на чтение одной книги.*

При анализе этих употреблений с точки зрения ФСС *-каз-* на первый план значения выходит отстранение источника представления, обозначенное постфиксом *-ся*. В соответствии с гипотезой, изложенной в нашей с Пайаром книге (2001)¹, постфикс *-ся* обозначает отстранение значимого элемента формальной схемы глагольной основы. Таким образом, суть значения *казаться*, порожденная взаимодействием *каз-* и *-ся*, в том, что речь идет о представлении, не имеющем определенного источника (имеющем отстраненный источник), в то время как это представление трактуется как предполагающее наличие источника. В результате возникает значение «недостовренности», центральное для *казаться* во всех трех конструкциях. Ср. у Ю. Д. Апресяна: «*Казаться* описывает разные степени ощущения истинности мысли — от относительной уверенности субъекта (или говорящего) в ее д о с т о в е р н о с т и до полной уверенности в ее л о ж н о с т и»².

В (а) элементы ФСС *каз-* лексикализованы следующим образом: R — «он умный», N — не лексикализовано, и тогда подразумевает «всем», либо лексикализовано дательным падежом (*мне*), I — отстранено за счет работы постфикса. В (б) лексикализация происходит так: R — «он умный», N — лексикализовано дательным падежом (*мне*), I — отстранено. Разумеется, значение конструкций (а) и (б) различно, но разъяснение этого различия требует углубленного анализа работы постфикса. Здесь скажем лишь, что отстранение источника представления I имеет в этих двух синтаксических конструкциях разный статус: в безличной конструкции (б) отстранение источника интерпретируется как абсолютное отсутствие такового, а в случае личной

¹ См.: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма... С. 21–25.

² Апресян Ю. Д. *Казаться 1*. С. 457.

конструкции (а) подлежащее *С0* (*он*), представляющее собою часть лексикализации элемента **R**, одновременно осмысляется как отстраненный источник представления. Таким образом, суть различия между конструкциями (а) и (б) заключается в том, что в (а) подлежащее *С0* является источником представления, но — из-за работы постфикса — лишь отчасти, так сказать, является дефектным источником, а в (б) необходимый для подобного представления источник отсутствует полностью. Разъясним это через условное перефразирование: «Он кажется мне умным» — «я» является носителем представления «он умный», но это представление не является полностью достоверным, так как его источником является «он» (его внешний вид, или его слова, или его поведение и т. д.) и этот источник дефектен; «Мне кажется, что он умный» — «я» является носителем представления «он умный», но это представление не полностью достоверно, так как должно иметь источник, но этот источник не обозначен.

1.3.4. Глаголы *показать* и *показаться*

Формальная семантическая схема приставки *по-*¹:

Приставка *по-* означает, что процесс, выраженный основой (**X**), осмыляется по отношению к его актуализации во времени и пространстве через соотнесение с термом **Y**, определяющим пространственно-временные рамки процесса.

Приставка *по-* входит в класс «приставок-определителей» (см. раздел 1.3.1.2), поэтому позиция определяемого элемента **X** всегда заполнена действием, обозначенным глагольной основой. Определитель **Y** иногда лексикализован, иногда нет, но никогда не сводится к обозначению временных точек локализации процесса.

1.3.4.1. Глагол *показать*

Глагол, образованный корнем *-каз-* и приставкой *по-*, в словарях описывается как использующийся во множестве значений. Вот их список:

(а) *показать дом / показать горло* (существительное в позиции *С1* — предмет или лицо, но не абстрактное понятие);

¹ Более подробно о приставке *по-* см. выше в разделе 1.1.3.3.

- (б) *показать на дом*;
- (с) *часы показали полночь; термометр показывал минус 20 градусов*;
- (д) *показать свою стойкость*;
- (е) *показать глубокое понимание*;
- (ф) *показать, куда идти / как писать буквы*;
- (г) *показать, что р¹ (война показала, что мы непобедимы)*;
- (х) *показать себя; показать себя хорошим работником*;
- (и) *он показал жестом, что доволен*;
- (j) *показать, что р* (на суде);
- (к) *показать на своего мужа* (на суде);
- (l) *я тебе покажу!*

Для *показать Y* всегда связан с представлением **R**, но через понятие «объект представления». Введем здесь специальное обозначение **O** для этого понятия и подчеркнем еще раз, что оно не является элементом ФСС *каз-*: объект представления **O** возникает только как реализующий позицию **Y** из ФСС приставки. Вступая во взаимодействие с *-каз-*, приставка *по-* приводит к появлению следующего значения: представление **R** имеет статус только в рамках, придаваемых ему элементом **Y** как актуализованным во времени и пространстве объектом представления **O**. Иными словами, *показать* означает: доступ к представлению **R** задан только через **O** — объект этого представления и представление **R** существует только в рамках, заданных его объектом **O**. Как будет видно в дальнейшем, объектом представления может быть лицо, предмет, событие, ситуация и т. д. Заполняя позицию объекта представления при глаголе *показать*, все эти термины перестают рассматриваться как таковые, но рассматриваются лишь как объекты представления.

Различные употребления *показать*, проиллюстрированные вышеприведенным списком, как, впрочем, и различные употребления любых приставочных глаголов, являются следствием соотношения двух факторов:

- 1) лексикализации (или нелексикализации) элементов ФСС основы и элемента **Y** ФСС приставки;
- 2) семантических свойств лексических единиц, лексикализующих позиции формальных схем основы и приставки.

¹ **R** обозначает любой синтаксический акт.

Рассмотрим употребления из вышеприведенного списка с точки зрения этих факторов. Во всех употреблениях терм в позиции подлежащего С0 лексикализует носителя представления **I** из ФСС *каз-*; практически всегда это человек или обозначающее такового местоимение.

(а) *показать (кому-то) дом / горло*

Здесь терм в позиции прямого дополнения С1 (*дом, горло*) соответствует элементу **Y** из ФСС приставки и осмысливается как объект **O** представления **R**. Подчеркнем, что С1 здесь не само представление **R**, а только его объект **O**. Терм в позиции С1 всегда обозначает не просто предмет (или лицо), а предмет, актуализованный во времени и пространстве, т. е. снабженный определенными характеристиками в соответствии с его статусом объекта **R**. Так, в *покажи мне горло* в стандартном контексте речь идет не просто о *горле*, а о *горле* с точки зрения его физического состояния в ситуации медицинского осмотра: «покажи мне горло так, чтобы я составил представление о том, большое оно или здоровое».

Представление **R** из ФСС глагольной основы не лексикализовано, но восстанавливается как «те свойства **Y**, которые важны в данной ситуации». Так, **R** для *покажи мне горло* — это, в весьма условной формулировке, представление о «в той или иной степени болезненном или здоровом состоянии горла в данный момент».

Что касается носителя представления **N**, то он может быть лексикализован через дательный падеж (*покажи мне / врачу горло*).

Итак, в этом употреблении *показать* речь идет о формировании такого представления **R**, которое определяется актуальным в данный момент состоянием объекта представления **O = Y = C1**.

(б) *показать (кому-то) на дом*

Существительное, вводимое предлогом *на*, имеет статус **Y** из ФСС приставки и обозначает объект представления **O**. В этом типе употребления **I** становится для **N** источником представления о конкретном объекте как реализующем какое-то уже существующее, но не конкретизированное представление. Здесь существенна работа предлога *на*, семантическая функция которого состоит в придании изначально «бесформенному» представлению пространственно-временного статуса. Само представление **R** в этом употреблении, как и в предыдущем, не лексикализовано и имеет примерно такую структуру: представление **R** — это «представление об **O** как о конкретизирующем какое-то уже существующее понятие». Ср. следующий

пример, иллюстрирующий переход от неформленного представления (член команды **Ка**, член команды **Ки**) к его актуализации в виде конкретного объекта (**Ка** — это вот этот ящер, **Ки** — это вот эта морская звезда):

(1) Моя команда! — провозгласил Двуглавый Юл. — Самые отчаянные и хитроумные ребята во всей обозримой Вселенной. Это **Ка**, — *показал* он на ящера. — Может принимать любой облик и прикидываться любым предметом. Это **Ки**. — Он *показал* на морскую звезду. — Обладает замечательным даром мимикрии [С. Ярославцев. Экспедиция в преисподнюю (1974)].

Таким образом, конструкции «показать С1» и «показать на С1» сходны тем, что за счет работы приставки *по-* в обеих конструкциях дополнение обозначает актуализованный объект представления. Различие базируется на том, что в (а) доступ к представлению **R** есть только на основе его объекта, тогда как в (б) **R** имеет двойной статус: как неформленное представление и через актуализованный объект представления. Ср.: (а) *Он показал мне мою жену на фотографии их первого курса* и (б) *Он показал мне на мою жену на фотографии их первого курса и сказал, что это была самая талантливая из его однокурсников*.

В подавляющем большинстве примеров и в толкованиях из словарей употребление *показать* (б) связано с жестом или движением источника представления **I**: за счет этого жеста **I** придает абстрактному представлению **R** статус конкретизируемого через объект **O**.

(с) *часы показали полночь; термометр показывал минус 20 градусов*

К этому типу относятся употребления, в которых источник представления **I**, лексикализованный подлежащим С0, представляет собой прибор, механизм или нечто сходное, имеющий функцию демонстрации определенной информации: *лот показал такую-то глубину, прибор показал наличие металла*. Существительное в позиции С1 (*полночь, минус 20 градусов, глубина 5 метров, наличие металла*) всегда имеет статус **Y = O** и соответствует определенному изображению на экране прибора (для часов: положению стрелок), на основе которого любой глядящий на прибор человек (нелексикализованный **N**) получает представление **R**, соответствующее определенному положению вещей в данный момент. Поясним это через перефразирование примера *часы показывали полночь*: за счет определенного положения стрелок на часах (**Y = O = C1 = полночь) *часы* (**I = C0**) для любого человека (нелексикализованный**

ное **N**) становятся источником представления «сейчас полночь» (не-лексикализованное **R**).

(d) *показать свою стойкость* и (e) *показать глубокое понимание*

В обоих употреблениях существительное в позиции **C1** (*стойкость, понимание*) обозначает абстрактное понятие, которое описывает в виде своеобразной оценки ряд действий лица, обозначенного подлежащим **C0** и заполняющим позицию **I** из ФСС *каз-*. Это понятие (*стойкость, понимание*) является объектом представления **O**, на основе которого формируется представление **R**: представление о свойствах обсуждаемого лица **C0**. Это представление оформляется не как незыблемое и изначально существующее, а как сформированное на основе поступков (поведения, слов и т. д.) источника представления **C0**. Различия в употреблениях (d) и (e) очень невелики и порождены свойствами понятий, обозначенных **C1**. Если понятия типа *стойкость* обозначают постоянные качества личности, то понятия типа *понимание* обозначают свойства личности, связанные с конкретной ситуацией. Соотношение между представлением **R** и проявлениями личности через поведение (**Y = O = C1**) немного разное в этих двух случаях: для случаев типа *понимание* представление **R**, по сути, совпадает с объектом представления **O**, тогда как в случаях типа *стойкость* это те поступки, на основе которых стало заметным данное свойство личности.

(f) *показать (кому-то), куда идти / как писать буквы*

Y = O, выраженный изъяснительным придаточным, описывает здесь наглядные действия источника представления (**I = C1**), на основе которых формируется представление **N** о том, что ему следует делать в имеющейся ситуации.

(g) *показать (кому-то), что р (война показала (всему миру), что мы непобедимы)*

Y = O, выраженный изъяснительным придаточным (*мы непобедимы*), является здесь общим итогом, выводом из целого ряда свойств источника представления (**I = C0 = война**). На основе множества событий, приведших к победе СССР над фашизмом, формируется представление об объекте представления — *мы непобедимы*.

(h) *показать себя хорошим работником; показать себя*

Для этого употребления наша гипотеза такова: **R** соответствует *хорошим работником*, а *себя* является **Y**, т. е. объектом представления. Поясним это через перефразировку: **C0** стал источником представ-

ления о *хорошем работнике*, актуализованном через его объект *себя*. Источник представления здесь делает так, что сам становится объектом представления. Поскольку **R** представлено здесь и само по себе, и через свой объект (в этом данный случай сходен с (b) *показать на*), возникает своеобразная поляризация **N** и **I**: **R** находится в пространстве **N**, а **Y** в пространстве **I**.

Показать себя описано в словарях как идиоматическая конструкция, означающая «проявить вполне свои качества». **R** здесь не лексикализовано и поэтому не обладает никакой автономией по отношению к своему объекту: представление **R** интерпретируется здесь как соответствующее сути личности, сделавшей себя его объектом.

(i) *он показал жестом, что доволен*

Как и в случае (g) *показать, что р*, **R** лексикализовано здесь придаточным, а **Y** (*жестом*) соответствует объекту представления. В самом деле, представление, формирующееся у **N**, полностью базируется на жесте, произведенном источником представления **I = C0**: именно жест интерпретируется как «он доволен».

(j) *показать, что р (на суде)* и (k) *показать на своего мужа (на суде)*

Для этих случаев очень значима в лингвистической ситуации, к которой они отсылают и которая предопределяет интерпретацию элементов ФСС *каз-*. Упрощая, можно описать эту ситуацию как юридическую, такую, в которой слова или жесты приобретают кодифицированное значение. Источник представления **I** здесь свидетель, носитель представления **N** — представитель или представители юридической инстанции, перед которой **I** свидетельствует, а представление **R** здесь не лексикализовано, представлено через свой объект и является тем представлением, формирование которого — цель рассматриваемого юридического акта (расследования или суда).

Синтаксические конструкции совпадают со случаями (д) — изъяснительное придаточное и (b) — дополнение с предлогом *на*. Механизм формирования смысла действительно такой же, а изменения связаны со специфической лексикализацией элементов *-каз-* за счет отсылки к юридической ситуации. В (j) придаточное соответствует объекту представления **Y = O**, как и в (h), и является пересказом свидетельства, на основе которого и формируется само представление **R** — представле-

ние о том, как происходило преступление. В (к), как и в (б), имеется неоформленное представление («человек, совершивший преступление»), которое оформляется через актуализацию его объекта $Y = O$ – в качестве той личности, о которой говорит свидетель.

(л) *я тебе покажу!*

Это употребление *показать* описывается в словарях как просторечное. В отличие от всех остальных употреблений, в нем не лексикализован ни **R**, ни $Y = O$, а **N**, напротив, лексикализован всегда – как правило, в форме местоимения второго или третьего лица. Это выражение всегда соответствует конфликтной ситуации между двумя субъектами (**I** и **N**) и является обещанием (угрозой) от **I** к **N**, произвести такие действия, которые продемонстрируют, что **N** не должен был вести себя так, как ведет. Таким образом, объект представления $Y = O$ – это нелицеприятные для **N** действия **I**, а представление **R**, доступ к которому дан через этот объект, это неверная позиция **N**.

Из приведенного анализа употреблений *показать* от (а) до (л) можно сделать вывод, что Y в качестве актуализованного элемента всегда является объектом **O** представления **R**, формируемого у носителя **N** за счет действий источника **I**.

1.3.4.2. Глагол *показаться*

Продолжая анализ глагола *показать*, рассмотрим кратко употребления глагола *показаться*. В словаре Ожегова выделено два случая:

(а) *из-за гор показалась луна;*

(б) *сегодня он показался впервые после болезни.*

Остальные употребления Ожегов трактует как перфективы от глагола *казаться*.

И в (а) и в (б) *показаться* означает появление. Различие этих двух употреблений в свойствах S_0 . Семантика появления является следствием работы постфикса *-ся*. В соответствии с нашей гипотезой *-ся* означает отстранение (т. е. не полное отсутствие, но отсутствие в виде стандартной реализации) одного из элементов ФСС глагольной основы. Здесь имеет место отстранение источника представления **I**. В отличие от *показать*, в котором терм в позиции S_0 регулярно соответствует источнику представления **I**, в *показаться*, из-за отстране-

ния **I**, в позиции S_0 находится объект представления **O**. Это можно описать так: нечто (S_0) формируется в качестве объекта **O** представления **R** носителя представления **N**. На основе свойств единицы, лексикализующей позицию **O**, объект представления может интерпретироваться как источник представления **I** – это касается в первую очередь S_0 , означающих людей, как в примере (б).

1.3.5. Глагол *доказать*

Формальная семантическая схема приставки *до-*:

Приставка *до-* означает, что выраженный основной процесс (**X**) осмысливается по отношению к дистанции между актуальным положением дел и результативным положением дел (**Y**).

Эта приставка входит в класс «приставок-определителей» (см. раздел 1.3.1.2), поэтому позиция определяемого элемента **X** в отношении **X до-** **Y** всегда заполнена действием, обозначенным глагольной основой.

Семантическое варьирование глагола *доказать* минимально и зависит только от свойств понятия, обозначенного дополнением S_1 , ср. список регулярно используемых S_1 : *доказать свою правоту, свои права, теорему, выгоду / необходимость чего-либо, связь с мятеежниками, свою преданность, жизнь не по средствам, скандальные вещи* и т. п.

В рамках взаимодействия *каз-* и *до-* источник представления **I** лексикализован существительным, выраженным подлежащим S_0 , носитель представления **N** лексикализован через косвенное дополнение в дательном падеже (*доказал мне свою правоту*) или не лексикализован и понимается обобщенно (*доказать теорему*). Что касается представления **R** из ФСС глагольной основы, то оно не лексикализовано. Существительное, находящееся в положении S_1 (*теорема, правота, преданность*), соответствует объекту **O** представления **R**, но не самому представлению **R**.

Y , означая объект **O** представления **R**, рассматривается по отношению к дистанции между актуальным положением дел, в котором представление **R** с объектом $Y = O$ понимается как «сомнительное», «подлежащее обсуждению», «спорное» и т. д., и референтным положением дел, в котором представление **R** с объектом $Y = O$ стабилизировано (для конкретного или обобщенного носителя

представления N). Преодоление этой дистанции происходит за счет энергии (аргументов, действий и т. д.), вкладываемой источником представления I = C0, для которого представление с объектом Y = O уже стабилизировано.

Здесь мы не будем обсуждать различия в значении *доказать* при взаимодействии с разными типами C1. Очевидно, что *доказать теорему* означает не совсем то же самое, что *доказать свою преданность*, но различие в значении *доказать* полностью задано несовпадением свойств разных термов в позиции C1.

1.3.6. Глаголы *отказать* и *отказаться*

Приставка *от-*, в отличие от приставок *по-* и *до-*, входит в класс «приставок-событий». Как обсуждалось выше, этот тип приставок характеризуется большей степенью семантической автономии по отношению к основе. Это значит, что позиция X в отношении X *от-* Y никогда не заполнена глагольной основой.

Формальная семантическая схема приставки *от-*:

Приставка *от-* означает, что имеет место разрушение ранее существовавшей между элементами X и Y связи; это разрушение происходит в рамках процесса, обозначенного основой.

Глаголы *отказать* и *отказаться* входят в совсем разные синтаксические конструкции. *Отказать* употребляется в трех конструкциях с очень разными значениями: в конструкции с предлогом *в*, в переходной конструкции и в конструкции, не допускающей дополнения и требующей подлежащее определенного семантического типа:

- (a) *отказать кому-то в N (помощи)*;
- (b) *отказать кому-то свое именование*;
- (c) *ноги отказали*.

Глагол *отказаться* также формирует три конструкции: с предлогом *от*, с инфинитивом и конструкцию с инфинитивом и подлежащим из того же списка, что возможен для типа (c) невозвратного глагола:

- (a) *отказаться от своих слов*;
- (b) *отказаться сделать что-то*;
- (c) *ноги отказались работать*.

Событие, обозначенное приставкой *от-* можно описать как переход от ситуации Sit.1 «существует связь между термами X и Y» к

ситуации Sit.2 «связь между термами X и Y нарушена». Покажем, как подобное событие соотносится с ФСС *-каз-* в значениях приставочного глагола.

1.3.6.1. Глагол *отказать*

Как и для *показать* и *доказать*, существительное в позиции C0 лексикализует источник представления I. И для *показать*, и для *доказать* функция приставки заключается во введении в качестве определителя Y объекта представления O, на основе которого формируется представление R. *От-*, как мы предполагаем, также вводит объект представления O, но не как совпадающий с Y. То есть все три рассматриваемые приставки описывают представление R через его объект O, но *от-*, будучи, в отличие от «приставок-определителей» *по-* и *до-*, «приставкой-событием», связывает объект O представления R с переходом от Sit.1 к Sit.2.

Рассмотрим употребление (a) на следующем примере: *Петя отказал Маше в помощи*. *От-* означает переход от Sit.1 — «помощь Пети желательна / ожидаема / запрошена (т. е. постулируется связь между «помощь» и «Петя»)» к референтной Sit.2 — «помощи от Пети не будет» (т. е. более нет связи между «помощь» (X) и «Петя» (Y)). Таким образом, элементы ФСС *-каз-* представлены здесь так: источник представления I — Петя, носитель представления N — Маша; что касается представления R, оно предстает через свой объект, т. е. через понятие о потере связи между «помощь Маше» и «Петя». Поясним это через перефразировку: «Петя» стал для «Маши» источником представления с объектом «потеря связи между «помощь Маше» и «Петя»».

Употребление (c) очень близко к (a) и отличается от него только значением, появляющимся за счет свойств понятия, заполняющего позицию C0: здесь источник представления I — это либо часть тела, либо механизм, т. е. понятия, для которых задана их основная функция. Объектом представления O является переход от Sit.1 — «I выполняет свою функцию (есть связь между I и его функцией)» — к Sit.2 — «I более не выполняет свою функцию, т. е. более нет связи между I (X) и его функцией (Y)». Нелексикализованный носитель представления N — это либо тот, чей орган пере-

стал работать, либо тот, кто использовал переставший работать механизм.

Семантика употребления (b) организована совсем иначе, чем в двух рассмотренных случаях: событие прерывания связи здесь относится не к деятельности, а к отношениям юридического характера между некоторым субъектом и его имуществом. В примере князь *отказал свое имение любовнице* объектом представления **O** является переход от **Sit.1** – «князь (**I**) юридически является владельцем» – к **Sit.2** – «**I** более не является владельцем имения, т. е. более нет связи между **I** (**X**) и его имением (**Y**)». Поскольку объектом представления является изменение отношения собственности, то представление **R** осмысляется здесь как юридический (нотариальный) акт, источником свершения которого является бывший собственник. Что касается существительного в дательном падеже (*любовница*), то оно не имеет отношения к ФСС глагольной основы, а выполняет роль адресата нотариального акта, соответствующего представлению **R**.

1.3.6.2. Глагол *отказаться*

В соответствии с нашей гипотезой о постфиксе *-ся* как обозначающем отстранение, отстраняемый элемент ФСС – это носитель представления **N**, который, будучи отстраненным, восстанавливается как совпадающий с источником представления **I**, но при этом смысловой центр переносится с носителя представления на его источник. То есть в отношении значения *-ся* здесь работает тот же механизм, что и в случае с *показаться*. Перефразировка для *Петя отказался помочь Маше*: «Петя» стал для отстраненного носителя представления (восстанавливаемого как он сам – т. е. «стал сам для себя») источником представления, объект которого – «потеря связи между «помощь Маше» и «Петя»».

Процесс, обозначенный инфинитивом, соответствует здесь **Y** в отношении **X от- Y** (так же как в *Петя отказал Маше в помощи*, где **Y** соответствовало понятие, введенное через существительное с предлогом *в*). Что касается **X**, то ему, как и для *отказать*, соответствует терм, обозначенный подлежащим **S0**, но здесь он совпадает не только с источником представления, как для *отказать*, но и с отстранен-

ным носителем представления. Как и для *отказать в помощи*, можно говорить о раздвоении терма, находящегося в позиции **S0**: он соотносится и с **I** из ФСС *-каз-*, и с **X** из ФСС *от-*.

Что касается соотношения между употреблениями типа *ноги отказали* и *ноги отказались работать*, то мы считаем, что в *ноги отказались работать* также имеет место перенос центра тяжести на источник представления **I** (*ноги*). В результате точка зрения «владельца ног» более не находится в центре: ситуация подана по отношению к *ноги* («ноги стали источником разрыва связи между собой и работой»).

1.4. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой¹

В настоящий момент в речи носителей языка, хотя бы отчасти связанных с христианской религией, глаголы *покрестить* и *покреститься* вытесняют соответствующие бесприставочные двувидовые глаголы, см. очень естественные для современной речи примеры из НКРЯ:

(1) Возник вопрос: интересно, если я мусульманка, а муж – православный, обязательно ли менять веру чтобы повенчаться. Сына я *покрестила*, а сама к смене вероисповедания не готова [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004), НКРЯ].

(2) Невозможно, окончив филфак, *покреститься* и стать богословом, потому что Богословие – это не наука, а мистический опыт [Монах Афанасий. Слово святогорца (2004) // Наш современник, 2004.01.15, НКРЯ].

По-видимому, регулярное использование *покрестить(ся)* в значении «совершить таинство Крещения» начало входить в русскую речь из «церковной профессиональной разговорной речи» в начале 1990-х гг., а массовым стало в последние десятилетия. Так, в Основном корпусе НКРЯ для периода 1992–2004 гг. обнаруживается 16 примеров на *покрестить(ся)* со значением «таинство» и только шесть со значением «крестное знамение», тогда как во всех 30 более ранних употреблениях (1849–1952) представлено значение «крестное знамение». Конечно, на периферии языка значение «совершить таинство Крещения» у *покрестить* существовало давно: оно упомянуто, правда, без примеров, в словарях Даля и Ушакова. Но до начала XXI в. литературный язык этого значения не признавал: так, в ориентированном на норму советского периода четырехтомном МАС глагол *покрестить* представлен лишь в одном значении: «несколько раз перекрестить». В словаре Т. Ф. Ефремовой², созданном

¹ На основе материалов этого раздела написана статья: Добрушина Е. Р. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: Материалы международной конференции 18–20 июня 2009 г. М.; Ярославль, 2009. С. 147–151.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.

в 2000 г., значение «таинство» описано (к сожалению, также без примеров).

Интересно, что современные филологи, судя по данным проведенного опроса, воспринимают форму *покрестить(ся)* очень по-разному. Мнения варьируются от «никогда не используется в таком контексте» или «просто безграмотно, и все тут – типичный образчик просторечия» до «правильная современная форма: избавился язык от двувидового глагола, и ладно». Первым способом оценивают ситуацию только совсем далекие от религии люди, которые не сталкиваются с речью прихожан, а все многочисленные телепередачи на христианские темы пропускают мимо ушей. Второе и третье мнения характерны для соприкасающихся с церковной речью филологов, в том числе для воцерковленных. Кстати, отглагольное прилагательное *воцерковленный* вошло в язык одновременно с *покрестить*: первое его использование в НКРЯ также датируется 1992 г.

Напротив, многие воцерковленные нефилологи использование в бытовых контекстах глагола *крестить* однозначно воспринимают как неправильное, ненормативное: они считают, что необходимо добавить приставку. Хотя, конечно, и «устаревшие» бесприставочные употребления в разговорной речи сохраняются:

(3) Всю жизнь ходила в церковь, молитву на ночь всегда говорю (про себя), всех детей и внуков *крестила*, в общем к вере в Бога привыкла, верю, да как-то не совсем [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005), НКРЯ].

Крестить – не единственный двувидовой глагол, обозначающий христианское таинство. Есть еще три глагола, также используемые в разговорной речи с перфективирующей приставкой *по-*: *повенчать(ся)*, *поисповедать(ся)*, *пособоровать(ся)*, ср., например:

(4) Она *поисповедалась*, и напоследок я её спросил: «А скажите, Наташа, вы всем и всё простили или у вас какая-то заноза еще есть в душе?» [Митрополит Антоний (Блум). О смерти (1995), НКРЯ].

Но только вариант *покрестить* может восприниматься как нормативный при ненормативном бесприставочном. По отношению к остальным трем глаголам ясно, что перфектив с *по-* стилистически выделен как демонстрирующий принадлежность к определенному микросоциуму, как знак «приходского сленга», тогда как единствен-

но нормативными остаются двувидовые варианты — (плюс вариант с *об-* для *венчать(ся)*).

Итак, вопрос о нормативности *покрестить* еще предстоит решать авторам будущих справочников, но совершенно ясно, что место в разговорной речи и языковом сознании носителей языка этот глагол себе уже отвоевал.

Рассматривая приставочную перфективацию двувидовых глаголов, Е. Н. Ремчукова пишет: «...предоставленная русской аспектуальной системой возможность **выбора** иного способа образования перфектива может быть “использована” говорящим с целью актуализации именно тех оттенков значения, которые привносит в глагол каждый префикс»¹. Не потому ли вариант *покрестить* так популярен, что приставка *по-* описывает именно такой характер протекания действия, который более соответствует коммуникативным намерениям говорящих?

Выше² вводится гипотеза об абстрактном значении русских приставок, т. е. о возможности такого семантического представления любой приставки, «которое само по себе не является толкованием ни для какого конкретного употребления... но присутствует в любом ее употреблении и является основой формирования каждого конкретного ее значения»³, и предлагаются описания абстрактного значения десяти русских приставок. *По-* — это приставка, у которой по сравнению с другими глагольными приставками значение наименее выразительное, поскольку в наибольшей степени совпадает с общим значением процессуальности. Именно поэтому *по-* гораздо чаще остальных приставок становится «чистовидовой» и, следовательно, образует перфективы, не допускающие образования повторных имперфективов (ср. невозможность образования **покрещивать*).

Выше в разделах 1.1.3.3. и 1.2.4.4. обсуждалась гипотеза о семантике приставки *по-*, выработанная мною совместно с Д. Пайаром с опорой как на собственные исследования, так и на исследования

¹ Ремчукова Е. Н. Вариативность аспектуальной префиксации в современной русской речи: закономерность и право выбора // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2004 (URL: <http://www.philol.msu.ru>).

² См. также: Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...

³ Там же. С. 15.

Р. Камю¹. В соответствии с этой гипотезой абстрактное значение приставки *по-* состоит в актуализации процесса, выраженного глагольной основой, во времени и пространстве через соотнесение с каким-либо термом, определяющим пространственно-временные рамки процесса (о *по-* см. также выше 1.2.4.4).

Глаголы с *по-* указывают, что в течение некоторого промежутка времени совершалось некоторое действие, но, в отличие от глаголов со всеми остальными приставками, не настаивают на определенном результате, никак не характеризуют его. Высказывание *дождь помыл город* невозможно потому, что действие *мыть* по отношению к *городу* не применялось: *дождь* не *мыл город*, он просто *шел над городом*, а приставка *по-* привлекла бы внимание именно к процессу *мыть*. Ср. с приставкой *вы-*, которая не содержит утверждения о процессе, но рассматривает лишь его результат, и поэтому *дождь вымыл город* нормативно (подробнее см. выше 1.2.4.4.).

Присоединяясь к глаголу *крестить*, приставка *по-* перемещает действие в пространственно-временные рамки, создавая смысл: в пространстве и во времени имел место процесс *крестить*.

Между тем без приставки *по-* глагол *крестить* обозначает вневременное таинство — сакральный акт, единый для всех времен, для всей Церкви.

При описании грамматической семантики двувидовых глаголов возможна трактовка, в соответствии с которой двувидовой глагол не является омонимичным совмещением значений обоих видов, но представляет некое новое, специфическое по отношению к совершенному и несовершенному видам значение. Именно это вневидовое значение в наибольшей степени соответствует вневременному, сакральному действию. Ведь неслучайно из всего лишь нескольких десятков двувидовых глаголов, не включающих «двувидовые суффиксы», т. е., возможно становящихся двувидовыми на основе собственной семантики, четыре обозначают христианские таинства.

При переходе от бесприставочного двувидового глагола *крестить* к глаголу с приставкой *по-* внимание переносится с вне-

¹ См.: Camus R. Quelques considérations sur le préverbe *po-* en russe contemporain // Revue d'Etudes Slaves. 1998. 70/1. P. 101–112.

временного таинства как такового на внешнюю пространственно-временную сторону этого таинства, т. е. на обряд. *Крестить* — это о том, что совершается на Небесах, *покрестить* — о том, что происходит на земле. Таким образом, семантика *покрестить* противопоставлена семантике *крестить* так, что приставочный глагол оказывается ближе, понятнее современному говорящему: нам естественнее обсуждать обряд, внешнюю сторону, а не сакральную суть явления.

За рамками данного описания осталось обсуждение глагола *окрестить(ся)*, хотя анализ роли приставки *о-* в его семантике очень интересен. Употребления этого глагола в значении «совершить таинство» были возможны в прошлом веке и, безусловно, встречаются и сейчас, но не являются частыми. По-видимому, в какой-то период приставка *о-* представляла альтернативу приставке *по-* в качестве способа избавления от видовой неопределенности *крестить*, но по семантическим причинам не выдержала конкуренции. В настоящее время нормативным глагол *окрестить(ся)* является лишь в значении «присвоить имя».

* * *

В современном узусе близок к завершению процесс вытеснения нормативного двувидового глагола *крестить*, обозначающего таинство, глаголом *покрестить*, ранее не считавшимся нормативным в подобном значении. В основе такого вытеснения не только очевидная, грамматическая причина (процесс избавления от двувидового глагола путем развития приставочного перфектива), но и семантическая. Сравнивая абстрактную семантику двувидовых глаголов и приставки *по-*, можно предположить, что лексемы *крестить* и *покрестить* различаются не только видом, но и тонкой семантикой глагольного действия: приставка *по-* подчеркивает процессуальность действия, его протекание во времени и пространстве. Тем самым предпочтение приставочного глагола с именно этой приставкой является следствием преобладания в мировосприятии современных носителей языка отношения к описываемому глаголами действию не как к вневременному таинству, происходящему на Небесах, а как к проводимому во времени земному обряду.

1.5. Метафорическая приставка, или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *о-/об(о)-*)¹

В нашей с Д. Пайаром книге 2001 г.² подробно рассматривались приставки *вы-, до-, за-, из-, от-, пере-, при-, про-, у-*; приставка *по-* рассматривалась выше в разделе 1.1.3.3. Здесь будет сформулирована предварительная гипотеза об абстрактном общем значении приставки *о-/об(о)-*³.

1.5.1. Общее значение приставки — понятие и терминология

Выше выдвигался тезис о наличии у русской глагольной приставки, как, впрочем, и у других языковых единиц, например у глагольной основы, такого единственного значения, которое, часто не входя непосредственно в значение приставочных лексем, все же всегда, наряду с другими семантическими объектами, является основой их значения. Это значение, более абстрактное, нежели значения лексем, авторы назвали *формальной схемой*. От понятия *инвариант* понятие *формальная схема* отличается тем, что не предполагает вхождение описываемого абстрактного элемента в значение лексем, содержащих приставку. Сутью понятия в книге 2001 г. авторы считали то, что в каждой конкретной лексеме выделяемый элемент вступает в закономерное взаимодействие с контекстом так, что значение лексемы оказывается результатом такого взаимодействия.

¹ Материалы данного раздела положены в основу статьи: Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка, или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *о-/об(о)-*) // Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2009. С. 264–270.

² Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма...

³ О том, являются ли единицы *о-* и *об-* одной приставкой или двумя, см.: Кронгауз М. А. Приставки и глаголы... Здесь же, несмотря на то что существуют семантически противопоставленные глаголы типа *омыть* — *обмыть*, они пока будут трактоваться как алломорфы одной приставки.

За прошедшие с периода создания работы годы подход, основанный на поиске абстрактного обобщающего значения очень многозначных единиц, обеспечивающего их семантическое единство, стал более традиционным. В частности, появились работы Н. В. Перцова¹, широко использующего термин *инвариант* в книге о грамматической семантике, А. Д. Кошелева, вводящего понятия *функциональная схема (модель)* и *элементарная лексема* в работе о лексеме *брать*² и понятия *когнитивная схема* и *когнитивное значение* в работе о приставке *об-*³, и Анны А. Зализняк, назвавшей близкое понятие *концептуальной схемой*⁴. Как видим, слово *схема* прижилось в современных описаниях того, что когда-то называлось *инвариантом*. Продолжим использовать термин *формальная схема*, чтобы пока не делать утверждений ни о когнитивном, ни о концептуальном статусе искомых абстракций. Кроме того, слово *формальный* наилучшим образом отражает представление о том, что речь идет о таких абстракциях, которые без конкретного языкового наполнения остаются очень далекими от значений, с которыми лингвист имеет дело, анализируя лексемы.

1.5.2. Схема и частные значения

Одним из аргументов, выдвигавшихся десять лет назад против слишком абстрактных и не слишком понятных толкований, был следующий: в сознании носителей языка нет ничего подобного, носитель языка и понять-то такую формулировку не может, поэтому трудно допустить, что эти формулировки имеют отношение к реальному языку и как-то в нем работают. В качестве контрдовода воспользуюсь формулировками А. Д. Кошелева о различении концептуальных и частных значений приставок: «Концептуальное значение недоступно непосредственной языковой интуиции

¹Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

²См.: Кошелев А. Д. К проблеме лексической многозначности: Описание общего значения глагола *брать / взять* // Язык. Личность. Текст: К 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 315–365.

³См.: Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.

⁴См.: Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 39–45.

носителя языка (будем говорить, что оно находится в языковом подсознании), и поэтому его экспликация требует определенной аналитической работы. Частные значения, напротив, описывают те же референтные ситуации вполне конкретно и очевидно: «направить движение вокруг предмета», «направить действие на всю поверхность предмета», «нанести ущерб кому-либо»... Каждое такое значение непосредственно отражает свойства своего подкласса референтов и никаких интерпретаций не требует. Оно доступно интуиции носителя языка (находится в языковом сознании). Отвечая без всякой подготовки на вопрос о значении, скажем, приставки *о-*, носитель языка описывает именно частные значения. В отличие от концептуального, частное значение задает узкий класс однотипных, прототипически схожих референтных ситуаций. Итак, с приставкой связаны два типа значения: концептуальное и частные. Концептуальное значение дает общее описание всего класса референтов, а частные значения дают конкретные описания отдельных подклассов типичных референтов этого класса»¹.

1.5.3. Три когнитивные схемы А. Д. Кошелева

Семантика приставки *о-/об(о)-* подробно описана у Кошелева², где выдвигается тезис, что все или почти все частные значения и употребления этой приставки охватываются тремя общими значениями (три когнитивными схемами): «внешнее действие» (*обойти*), «тотальное действие» (*обстучать*), «новое качество» (*одеревенеть*):

«...*о-/об-* 1 – “внешнее действие”: *Х обошел Y (дом кругом) / обмазал лицо / оправил алмаз* – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, происходит на поверхности или во внешнем пространстве *Y*-а и связано с *Y*-ом’;

о-/об- 2 – “тотальное действие”: *Х обстучал Y (всю стену) / обзвонил друзей / одарил детей* – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, захватывает весь протяженный или распределенный в пространстве объект *Y*, распространяется на весь *Y*’;

¹Кошелев А. Д. О концептуальных значениях... С. 93.

²См.: Там же.

о-/об- 3 – “новое качество”: *Уодеревенел / обезумел / ожил / оглох / овдовел; Х оплодотворил / освятил* *Y-a* – ‘мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на качественно новое свойство, состояние или положение дел *Y-a*’¹.

Здесь будет предложено еще более абстрактное описание этой приставки, объединяющее все ее употребления, т. е. все три когнитивные схемы из работы А. Д. Кошелева. Проиллюстрирована гипотеза будет только на трех глаголах – по одному для каждого когнитивного типа. Несомненно, что механизмы возникновения соответствующих одной и той же когнитивной схеме значений могут быть очень разными у разных глаголов и анализ лишь одного глагола каждой группы мало показателен. Рассмотрение глаголов всех типов должно стать предметом гораздо более обширного исследования, чем данное.

1.5.4. Формальная схема

Приставка *о-/об(о)-* означает, что:

- 1) терм Т, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, вовлечен в процесс Р;
- 2) по отношению к процессу Р терм Т оказывается разделен на две области Т-і и Т-е, так что Р охватывает только Т-е, но не область Т-і;
- 3) область Т-і является основной частью Т, тогда как Т-е – это периферийная область Т.

1.5.5. «Внешнее действие»

Поясню это толкование на глаголе *омывать* из примера *Остров омывают воды Средиземного моря*. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка:

- (1) Античное теплое море ласково *омывало* тогда еще общий блаженный полуостров, и узкую береговую кромку, гальку и песок, устлала своими телами граждане полусонной, но грозной временами Империи, уставшие от долгих зим и получившие, наконец, свои небогатые отпускные. [Александр Каменецкий. Спасатель (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.05, НКРЯ].

¹ Кошелев А. Д. О концептуальных значениях... С. 68.

- (2) Курбатов осознал себя – у Камня, но – с южной, теплой стороны, там, где *омывает* Камень река Чусовая. [Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева», 2003, НКРЯ].

Допустим, что глагольная основа *мыть* означает действие, направленное на достижение чистоты объекта. Тогда *о-* в данном примере означает, что:

- 1) терм *остров*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, становится объектом процесса *мыть*;
- 2) по отношению к процессу *мыть* терм *остров* оказывается разделен на две области *внешняя (по отношению к морю) часть острова* и *внутренняя (по отношению к морю) часть острова*, так что Р охватывает только *внешняя часть острова*, но не область *внутренняя часть острова*;
- 3) область *внутренняя часть острова* является основной частью *острова*, тогда как *внешняя часть острова* – это периферийная область *острова*.

Следствием такого значения является невозможность сказать, что действие по-настоящему применено к обрабатываемому терму, ведь подчеркивается, что оно воздействует лишь на периферию. Поэтому глагол *омыть* используется метафорически, сказать **море моет берег* невозможно.

1.5.6. «Тотальное действие»

Глагол *мыть* по классификации А. Д. Кошелева относится к глаголам «внешнего действия». Рассмотрим теперь глагол «тотального действия» *обстучать* на примере *В поисках тайника он обстучал стену*.

- (3) Все-таки так много было потрачено сил и даже *обстучана* стена легким молоточком на предмет проверки пролегания в ней электрических проводов. [Галина Щербакова. Армия любовников (1997), НКРЯ].
- (4) Пронзительно крича, двинулся маневровый паровозик; около вагонов, *обстучивая* молоточками колеса и хлопая крышками букс, проворно суетились перепачканные потные смазчики; слышалось мощное дыхание и гудки паровозов. [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973), НКРЯ].

Допустим, что основа *стучать* связана со звуком, который возникает при нанесении ударов по поверхности, поэтому *стучать* требует предлога: *стучать* можно *по стене* (например, в ситуации обыска, чтобы на слух найти тайник, пример 5) или *в стену* (чтобы было слышно за стеной, пример 6).

(5) В гостиной *стучали* по стенам поверхностно, как бы нехотя.

Гигант сдернул ковер и потопал ногами в пол, отчего на паркете остались замысловатые, словно выжженные следы. [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924), НКРЯ].

(6) Тот отвечал тем же, кроме того, кажется, куда-то писал на ювелира, что он не дает соседям покоя: всем *стучит* в стены щеткой. [Василий Шукшин. Как Андрей Куринков, ювелир, получил 15 суток (1970–1974), НКРЯ].

В этом случае:

1) терм *стена*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, становится объектом (не поверхностью — ведь предлога нет) для процесса *стучать* (так как надо исследовать всю стену);

2) по отношению к процессу *стучать* терм *стена* оказывается разделен на две области *часть, объединяющая точки, в которые попали удары* и *часть, объединяющая точки, в которые не попали удары*, так что *нанесение ударов* охватывает только первую, но не вторую области;

3) область *часть, объединяющая точки, в которые не попали удары* является основной частью *стены*, тогда как *часть, объединяющая точки, в которые попали удары* — это периферийная область *стены*.

Как это ни парадоксально, но в таких глаголах значение «тотальности охвата объекта» является следствием идеи о том, что действию подчинена только часть объекта, тогда как важен весь объект. Именно поэтому к сочетанию *обстучать стену* естественно добавить слово *всю* — подобные слова свидетельствуют как раз о том, что обратное актуально, что в реальности подвергнуть действию всю стену невозможно. Так, слово *настоящий* или слово *буквально* при определенном типе лексем является надежным маркером использования слова в метафорическом (т. е. ненастоящем!) значении, ср. *он настоящий осел; я буквально посидел от страха; обстучать буквально всю стену*.

1.5.7. «Новое качество»

Рассмотрим глагол *окаменеть* на примере *парень окаменел от страха*:

(7) Все обступили колыбель и *окаменели* от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя. [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832), НКРЯ].

(8) Ничего особенного не было в желтых американских ботинках с толстой подошвой и шишками на носках, но Арий Петрович ясно видел, как в одну из этих ботинок грациозно упиралась французским каблуком стройная ножка в лакированной модной туфельке. ...Все ножки под столом стояли неподвижно, точно *окаменели* от страха, увидав Ария Петровича. [Б. А. Садовской. Наполеониды (1924), НКРЯ].

Глагол *каменеть* вполне частотен:

(9) Славка оба раза *каменел* от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд... [Владислав Крапивин. Трое с площади Карронад (1979), НКРЯ].

Допустим, что глагольная основа *каменеть* означает *становиться камнем*. Найти пример, в которых глагол *(о)каменеть* заведомо был бы использован в прямом значении, не удалось, но ср. близкое к прямому употребление в примере 10:

(10) Ее поразила арабская мебель в завитушках, похожая на *окаменевших* пуделей, и тайные комнаты за дверями, замаскированными яркой мазней местных модернистов... [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002, НКРЯ].

По-видимому, прямое употребление возможно в сказочном контексте, кроме того, контексты типа *буквально / как будто / точно окаменел* и *как окаменевший* свидетельствуют о наличии в языковой системе прямого значения («становиться камнем»), из которого выводится переносное («становиться похожим (по коннотациям) на каменный»). Поэтому правильнее все же трактовать прямое значение:

1) терм *парень*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, подвергается процессу *становиться камнем*;

2) по отношению к процессу *становиться камнем* терм *парень* оказывается разделен на две области: *набор свойств, совпавших со свойствами камня*, и *набор свойств, не совпавших со свойствами кам-*

ня, — так что *становиться камнем* охватывает только первую, но не вторую области;

3) область *набор свойств, не совпавших со свойствами камня* является основной частью термина *парень*, тогда как *набор свойств, совпавших со свойствами камня* — это его периферийная область.

Неважно, в прямом или переносном смысле человек становится камнем, все равно это ненастоящий камень, не тот, который создан природой, все равно по своей сути (происхождению, форме, возможности обратного превращения и др.) это человек, а не камень. Таким образом, именно при этой когнитивной схеме значение приставки очень близко к значению основы, ведь в основе уже содержится метафора — нельзя стать деревом или камнем, ими можно только быть от природы. Поэтому соответствующие этой схеме глаголы являются чистовидовыми¹, не имеют вторичных имперфективов.

* * *

А. Д. Кошелев, описывая семантику приставки *о-/об(о)-*, включает оговорку *метафорически* в толкование третьей когнитивной схемы, но элементы метафоричности во всех значениях рассматриваемой приставки очень регулярны. Здесь была сделана попытка показать, что приставка *о-/об(о)-* метафорична уже по своему абстрактному значению: действие охватывает терм не по-настоящему, распространяется «вроде бы» на терм, но на самом деле не на ту часть, которая соответствует его сути.

¹ Десять лет назад термин *чистовидовая приставка* приходилось писать в кавычках, чтобы подчеркнуть идею о том, что чистовидовых, т. е. лишенных семантической нагрузки, приставок не существует, а существует только точное совпадение значения приставки со значением глагольной основы. Теперь же этот тезис кажется настолько очевидным и общепринятым, что можно обойтись без кавычек и просто считать термин *чистовидовой* метафорическим, ведь лексемы, для которых метафорическое значение основное, не требуют кавычек. Более подробно о понятии *чистовидовая приставка* см. выше в разделе 1.1.6.

1.6. Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах¹

1.6.1. Семантическая специфичность религиозной лексики

Смысл привычного слова, когда оно используется в религиозном контексте, часто заметно отличается от всех светских прочтений. В словарной статье богословское использование такого слова должно бы было описываться как отдельное значение. Но русская христианская лексика с позиций лексикологии и семантики практически не изучалась, и даже в самых точных словарях религиозные и богословские контексты не учитываются.

В случаях подобной многозначности нередко оказывается, что неискушенный слушатель воспринимает звучащее в проповеди слово в бытовом значении, не замечая, что в него вложен иной смысл. Так, глагол *оправдать* в нерелигиозном языке выступает в значениях, связанных с компонентом «доказать правоту», см., например, толкования шести его значений в МАС. Между тем в синодальном переводе Библии, как и в других христианских текстах, *оправдать* используется в не описанном в словарях значении «сделать соответствующим правде (Божией)», ср.: *На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет* (Ис 53. 11).

1.6.2. Введение нового значения через оживление внутренней формы

Митрополит Сурожский Антоний (Блум), обладая точным, выразительным языком и даром доводить свое понимание сути до слушателей, часто разъясняет значения употребляемых им слов, давая

¹ Материалы данного раздела положены в основу статьи: *Добрушина Е. Р.* Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность» / Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. М., 20–23 марта 2010 г.

им своеобразные, смелые толкования. При этом, предлагая отличное от стандартного прочтение, проповедник часто опирается на внутреннюю форму слова (см. обзор связи внутренней формы с семантикой лексемы у Анны Зализняк¹). Трудноразличимая, полустертая в привычном слове внутренняя форма оказывается ярко проявленной в тексте проповеди.

(1) ...недостаточно молиться, а надо... еще жить такой жизнью, которая была бы выражением нашей молитвы, которая бы эту молитву *оправдывала*... И тогда, если мы будем молиться на фоне такой жизни, наша молитва будет звучать *правдой*; иначе она будет сплошной ложью, иначе она будет выражением не существующих в нас чувств и мыслей, которые мы у кого-то взяли... А Богу нужна *правда*: *правда* нашего ума, *правда* нашего сердца, и непременно *правда* нашей жизни. [Митрополит Антоний (Блум). Попробуем молиться Богу истиной... (1980–1981), НКРЯ].

1.6.3. Нормативное значение глагола *заступаться*

Далее будет сделана попытка разобраться в религиозном значении слова *заступаться* и однокоренных, трактуемых в текстах митрополита Антония как обладающие семантически вычленимой приставкой.

Нормативное значение глагола *заступаться* проанализировано Т. В. Крыловой². Вот разделенное на пять семантических компонентов толкование, составленное на основе этого описания: *заступаться* обычно означает, что субъект, (1) как правило движимый состраданием или чувством справедливости, (2) предприняв активные действия, часто в словесной форме, (3) делает попытку (успешную или неуспешную) воспрепятствовать тому, чтобы (4) антагонист нанес или продолжал наносить обиду или ущерб объекту, (5) при этом субъект сильнее объекта и выше по статусу, а статус антагониста самый высокий. Ср. пример из этой же статьи Т. В. Крыловой: «Ему просто жалко стало Митяя, вспомнив, как жалел его и заступался

¹ См.: Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

² См.: Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380–383.

за него перед мамой и бабушкой папа» (*В. Распутин. Век живи – век люби*). Конструкция *папа заступался за Митяя перед мамой и бабушкой* означает, что «субъект *папа*, движимый состраданием или чувством справедливости, в словесной форме совершал попытки воспрепятствовать тому, чтобы антагонисты *мама* и *бабушка* причиняли ущерб объекту *Митяй*, при этом *папа* сильнее и выше по статусу *Митяя*, а *мама* и *бабушка* имеют еще более высокий статус».

1.6.4. Религиозное употребление глагола *заступаться* и его производных

Для православных текстов слово *заступник* привычно как эпитет к имени Богородицы или определенных святых. Слова *заступничество* и *заступнический* в первую очередь описывают определенный тип молитвы, ср. сочетания *заступническая молитва* и *молитвенное заступничество*. Слово *заступление* как производное от *заступиться* используется только в христианских контекстах, ср. устойчивое словосочетание *помощь и заступление*. В светских текстах слово образовано от *заступить*: *заступление на дежурство*.

(2) Мы чтим этот чудотворный благословенный образ, от которого изливались на верных помощь и *заступление* Божией Матери в труднейшие времена. ...Эта икона, являвшая многочисленными случаи исцеления от болезней, *заступления* в бедах, была предметом благоговейного чествования и поклонения... [Возрождение Крестного хода с чудотворной Вышенской иконой Божией Матери (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.06.28, НКРЯ].

(3) Особый след в ней оставил благочестивый царь Алексей Михайлович, чудесно избавленный от верной смерти *заступлением* преподобного Саввы. [Юбилей Преподобного Саввы Сторожевского (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.01.26, НКРЯ].

1.6.5. Митрополит Антоний о значении слова *заступаться*

Попробуем применить к христианским контекстам вышеприведенное толкование. При *заступаться* и *заступление* субъект – это обычно Богородица или святые, а при *заступнический* и *заступниче-*

ство – любой молящийся; антагонист – всегда Бог (после предлога *перед* не могут быть использованы иные слова, чем это или его замещающие), а «форма защиты» – всегда молитва. Таким образом, компоненты (1) «движущая сила» (сострадание), (2) «форма действий» (молитва) и (5) «иерархия статусов» с некоторыми уточнениями могут быть использованы. Но далее бросается в глаза недопустимость применения компонентов (3) «попытка воспрепятствовать» и (4) «вред». Христианскому мировосприятию глубоко чужда мысль препятствовать Промыслу Божию или предполагать его вредность для кого-либо.

Чтобы выйти из этих противоречий, обратимся к рассуждению о *заступничестве* в проповеди митрополита Антония: «*И теперь я скажу немного на тему заступничества – что оно подразумевает*». Сначала митрополит показывает абсурдность обыденного понимания слова *заступничество* и одновременно признает, что именно так, абсурдно, понимают и творят свои молитвы о бедах других многие христиане: «*Если выразиться более жестко, сняв с нашей молитвы налет благочестия, мы просто сказали: “Господи, я заметил много неладного в том мире, который Ты создал, а Ты как будто не обращаешь на это никакого внимания”... Разве не так мы часто поступаем, когда ходатайствуем за кого-то? Разве наше заступничество не сводится часто просто к тому, что мы призываем Бога и напоминаем Ему о том, что Он должен был бы сделать? ... Заступничество не состоит в том, чтобы напоминать Богу, что Он забыл Свои обязанности*»¹.

Отвергнув обыденное понимание, митрополит Антоний, чтобы связать слово с его новым значением, обращается к его внутренней форме, оживляет связь с корнем *ступать* (а для французского *intercession* – с латинским корнем, переводимым «сделать шаг»). Далее он толкует *заступничество* как шаг в центр ситуации, в сердцевину трагической Истории человека или народа, как молитвенное усилие, делание, позволяющее взять на себя грех или беду другого, понести их и принести к Богу.

¹ Митрополит Антоний (Сурожский). Может ли молиться и верить современный человек. М., 2009. С. 30–40.

1.6.6. Религиозное значение глагола *заступаться*

Итак, глагол *заступаться* в религиозном языке обозначает, что субъект, (1) движимый состраданием, (2) посредством молитвенного делания, (3) стремится принять на себя, частично или полностью, усилие по несению греха или страдания объекта, чтобы (4) соработать Богу в спасении объекта.

Значение это возникает из-за того, что семантическая позиция «антагониста» заполняется специальным образом. Если же не изменить значения компонентов (3) и (4) и тем не менее заполнить позицию антагониста так, что компонент «воспрепятствовать» станет невозможным, глагол *заступаться* теряет существенную часть значения, сближается с банальным *ходатайствовать*, которое и использовано выше в качестве замены неработающего *заступаться*. *Ходатайствовать* означает, что субъект просит высшего в иерархии о благе (или невреде) для объекта (как правило, обладая более высоким статусом, чем объект).

Несовпадение нормативного и христианского значения обсуждаемых слов и важность для христианства необыденного, глубокого их понимания особенно заметны при анализе употребления этих слов в мусульманских контекстах. В переводах и обсуждениях Корана они используются с обыденным, отнюдь не христианским значением. В таких контекстах не учтен элемент «молитвенная причастность, сотворчество Богу в его спасающем делании» и поэтому *заступиться* вновь сближается с *ходатайствовать*, ср.:

(4) Ходатайство за кого-либо в Судный День невозможно, кроме как с позволения Всевышнего: «Кто *заступится* пред Ним, иначе как по воле Его?» (Св. Коран, 2 255) [Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997–1999), НКРЯ].

Таким образом, дискуссия о значимости (с православной точки зрения) и невозможности (с мусульманской и иных точек зрения) *заступничества* за кого-либо перед Богом возникает не только из-за непонимания богословской сути *заступнической* молитвы, но и из-за непонимания того, что слово *заступиться* функционирует в православных текстах в ином значении.

Глава 2. Грамматика

2.1. *Видев* и *увидя*: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям¹

2.1.1. Грамматика деепричастий

Грамматические особенности русских деепричастий, по-видимому, не так уж часто попадают в поле зрения современной русистики: грамматики последних лет сообщают о них примерно те же краткие сведения, что и грамматики классические — академические (АГ 1970 и РГ 1982) и грамматика Исаченко² (1960). Так, например, обстоит дело даже в очень подробной и представительной «Морфологии» Санкт-Петербургского университета³, авторы которой стремятся учесть результаты всех современных исследований, касающихся грамматики, кратко обрисовать все точки зрения.

Сведения эти довольно разнородны: определенные нестандартные типы деепричастий — в первую очередь с несогласованными характеристиками вида и времени основы — упоминаются в одних грамматиках и игнорируются в других. Нестабильность и сино-

¹ Материалы данного раздела положены в основу статьи: Добрушина Е. Р. *Видев* и *увидя*: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 15–33.

² Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954–1965.

³ Богданов С. И., Воейкова М. Д., Евтюхин В. Б. и др. Современный русский язык. Морфология. Препринт. СПб., 2007.

нимичность деепричастных форм современного русского языка объясняется тем, что категория деепричастия сформировалась достаточно недавно или, скорее, находится в стадии формирования: на наших глазах завершается утрата у деепричастий признака «время». История становления и развития деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории наиболее полно исследована в различных работах Л. Р. Абдулхаковой¹. Но современное состояние слов этой категории исследовано мало.

Национальный корпус русского языка дает интересную возможность проверить на большом количестве контекстов, в том числе самых современных, стандартно помещаемую в грамматики информацию об образовании и употреблении деепричастий.

2.1.2. Соотношение вида образующего деепричастие глагола с временной характеристикой основы деепричастия

Деепричастие — форма, употребление которой активно менялось на протяжении последних трех веков. Деепричастия оформились из двух категорий кратких причастий — действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Поэтому первоначально они образовывались от глаголов обоих видов: от основы настоящего-будущего времени при помощи суффикса *-а* (орфографически «*-а / -я*»), а от основы прошедшего времени при помощи вариативных суффиксов *-в* и *-вши* (при основе на согласный — только *-ши*). Таким образом, существовали все четыре варианта: *видя, видев(ши), увидя, увидев(ши)*. Позже суффикс *-а* стал тяготеть исключительно к глаголам несовершенного вида, *-в, -вши* — совершенного, а остальные деепричастия (*видев(ши), увидя*) начали постепенно выходить из употребления. Происходит это с разной скоростью для разных глаголов, но общая тенденция настолько очевидна, что большинство грамматик и учебников, в том числе школьные учебники, говорят только о деепричастиях двух видов: «... в соответствии с ви-

¹ См.: Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007; Она же. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007.

довым значением глагола различаются деепричастия сов. и несов. вида»¹. Таким же образом рассмотрены деепричастия и у других авторов². Лишь те авторы, которые описывают формообразование глагола отдельно для каждой из двух основ, предпочитают говорить о деепричастиях двух времен, — например, такова трактовка в «Грамматическом словаре...» А. А. Зализняка³ и в разделе учебника, написанном И. Г. Милославским⁴.

А. В. Исаченко четко сформулировал, что «с морфологической точки зрения», т. е. «с точки зрения использования глагольных основ и связанных с ними окончаний», естественно различать деепричастия настоящего (на **-а**) и прошедшего времени (**-в** / **-вши**) обоих видов каждое. «Однако с точки зрения грамматического значения этих форм решающим фактором является в данном случае не столько та или иная исходная основа формы и ее окончание, сколько видовое значение, поэтому целесообразно будет ввести другую классификацию деепричастий:

1. Деепричастия несовершенного вида:

А) на **-я (а)** и **-ючи (-ючи)**;

Б) на **-в, -вши**;

2. Деепричастия совершенного вида:

А) на **-в, -вши, -ши**;

Б) на **-я (а)**⁵.

Если А. В. Исаченко описывал формы двух типов для каждого вида, то современные учебники часто вовсе не говорят о формах типа **видев(ши), увидя** — особенно редко упоминаются формы типа **видев(ши)**. То есть не так давно вымерли или, возможно, до сих пор вымирают «настоящие» деепричастия совершенного вида (вроде

¹ РГ. Т. 1. С. 672.

² См.: Косторомина Н. В., Николаева К. А., Ставская Г. М., Ширяев Е. Н. Русский язык / Под ред. Л. Ю. Максимова. М., 1989. С. 150; Лекант П. А. Современный русский литературный язык. М., 2004; Багрянцева В. А., Большечева Е. М., Галактионова И. В. Русский язык. М., 2006. С. 340; Богданов С. М. и др. Современный русский язык... С. 537; Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2006. С. 422.

³ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

⁴ Милославский И. Г. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой, М., 1981.

⁵ Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка... С. 519–520.

увезя — образовано от глагольной основы настоящего времени, но совершенного вида) и «прошедшие» деепричастия несовершенного вида (вроде **читав** — образовано от глагольной основы прошедшего времени, но несовершенного вида).

Таким образом, первое, в чем хочется разобраться, исследуя современное функционирование деепричастий, это жизнь слов типа **увидя, положи** и **остановясь**, с одной стороны, и **видев** и **читав** — с другой.

Опираясь на классификацию А. В. Исаченко, проверим по данным НКРЯ, что произошло с вымирающими деепричастиями за прошедшие со времен написания «Грамматического строя русского языка» полвека. Поскольку посмотреть статистику по всем глаголам в рамках данной работы невозможно, рассматриваться будут в основном те из «нестандартных» деепричастий, которые упомянуты в каких-либо грамматиках.

2.1.3. Быв, евши и читав: деепричастия несовершенного вида на **-в, -вши**

Считается, что деепричастия с суффиксами **-в, -вши** от глаголов несовершенного вида почти вышли из употребления в утвердительной форме и несколько свободнее используются с отрицанием, тогда как в первой половине XIX в. эти формы представляли собой живую категорию книжной речи¹.

Уже для Исаченко «это очень редкая форма, постепенно вовсе выходящая из употребления»², которую попытался оживить, часто используя в своем творчестве, но не сумел В. Маяковский.

А. А. Зализняк говорит, что деепричастие прошедшего времени имеется у глаголов обоих видов, однако «достаточно употребительны только деепричастия от глаголов совершенного вида; деепричастия от глаголов несовершенного вида в современном языке употребляются очень редко... почти всегда с отрицанием, например: **никогда не видевши, ни разу не говоривши, не спавши всю ночь...** (обычно они заменяются деепричастиями наст. времени)»³.

¹ См.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 133.

² Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка... С. 527.

³ Зализняк А. А. Русское именное... С. 85.

«Морфология» Санкт-Петербургского университета признаёт наличие устаревших деепричастий на **-в** несовершенного вида (**болев, встречав, слыхав**), «относительно менее архаично» звучащих только с отрицанием. «Именно в отрицательных предложениях эти деепричастия изредка употребляются и сейчас в качестве более или менее нейтральной формы»¹.

В таблице 1 представлена статистика по НКРЯ, отслеживающая отдельно данные двух последних 50-летий и включающая деление последнего 50-летия на три периода. В таблицу включены не все изученные деепричастия, а только встречающиеся в НКРЯ хотя бы в одной позиции не менее 10 раз и пары к ним с вариативным суффиксом, если встречаются не менее пяти раз в сумме.

Судя по данным НКРЯ, начиная со второй четверти XX в. такие деепричастия на **-в**, **-вши** от глаголов несовершенного вида встречаются и правда очень редко, даже и с отрицанием. Так, бесповоротно ушли в прошлое формы **ехав, имев, ждав, знав, писав, слыхав и слышав** (и аналогичные на **-вши**).

Евши, жравши, пивши, спавши вполне живы, особенно с отрицанием, но представляют собой своеобразные устойчивые сочетания и почти всегда сопровождают друг друга («**не евши, не пивши**»). Видимо, эти формы стилистически выделены как нелитературные или часто как игра в нелитературную речь; это подтверждается тем, что не так уж редко в современных текстах встречаются сочетания **не емши, не жрамши** и несколько реже **не пимши**.

(1) Я Алеша как певица как Анна Иванова заслуженная русско-народная буранно-простудная ничейная ниоткудова **не евши не пивши не спаши не живши** пришла я выплыла аж из метро [Нина Садур. Сад (1994), НКРЯ].

На удивление живой и необходимой остается распространенная форма **читав**, даже необязательно требующая отрицания. Видимо, для нее не нашлось альтернативной формы совершенного вида: **прочитав** не подходит, ведь важно обычно, что даже и ни кусочка **не читав**.

(2) Будучи малограмотным и никогда **не читав** Платонова, он тем не менее не обижал его: как-никак свой брат-писатель. [Вацлав Михальский. Рассказы // «Дружба народов», 1999, НКРЯ].

¹ Богданов С. И. и др. Современный русский язык... С. 537.

Таблица 1. Деепричастия нсв. на **-а**, **-вши** в НКРЯ

Период	Деепричастия	-1909		1910-1959		1960-1974		1975-1989		1990-2014	
		Без не	С не	Без не	С не	Без не	С не	Без не	С не	Без не	С не
	Быв	400	70	13	2	0	0	2	0	4	2
	Бывши	137	8	4	0	0	0	0	0	6	0
	Видев	20	10	3	2	0	0	0	0	2	2
	Видевши	16	2	4	1	0	0	0	1	1	1
	Евши	0	31	1	21	0	5	0	1	0	9
	Ехав	21	0	1	0	0	0	1	0	0	0
	Ехавши	30	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Имев	82	58	6	1	0	0	0	0	1	1
	Имевши	7	5	0	0	0	0	0	0	0	0
	Живши	34	4	0	0	0	0	0	0	0	1
	Знав	17	22	1	1	0	1	0	0	0	0
	Знавши	21	7	0	0	0	0	0	0	0	0
	Писав	15	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Писавши	8	1	0	0	0	0	0	0	0	1
	Пив	0	4	0	1	0	0	0	0	0	0
	Пивши	5	13	0	6	0	1	0	1	0	4
	Слыхав	1	27	0	3	0	0	0	0	0	0
	Слышав	38	4	1	0	0	0	1	0	0	0
	Читав	1	10	2	0	0	2	0	0	2	3
	Читавши	4	8	0	1	0	1	0	0	0	0

(3) ...Панова решила сама сделать пьесу и не дала согласие на мою инсценировку (*не читав* ее). [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998), НКРЯ].

(4) Для меня это было очень важно – я передумал все философские вопросы, и на Ванин иронический вопрос – считаю ли я себя марксистом, ничего *не читав* из Маркса – я смущенно, но твердо отвечал: да, считаю. [Игорь Дьяконов. Книга воспоминаний (1995), НКРЯ].

(5) При всем том, давно зная многие его беллетристические опусы, *читав* «Русскую красавицу» еще в рукописи, я был приятно удивлен, как хорошо написан его очерк о путешествии по Гангу, который попался мне в конце 90-х в какой-то газете. [Николай Климонтович. Далее – везде (2001), НКРЯ].

Видимо, неслучайными являются 12 случаев использования в современных текстах (с 1990 г.) форм *быв* и *бывши*: похоже, они оказались так же нужны языку, как и *читав*. Смотрятся они весьма «стилизрованными», явно свойственны только разговорной речи, возможно, приобретают наречный оттенок и этим предпочтительней слишком литературного и слишком событийного «правильного» синонима *побывав*:

(6) – Может ли женщина, *быв* три раза замужем, остаться девственной? [Владимир Шахиджян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1–500) (1999), НКРЯ].

(7) Как она могла жить до сих пор, ни разу не *быв* в Венеции! [Дина Рубина. Высокая вода венецианцев (1999), НКРЯ].

По статистической таблице создается впечатление, что в последние годы описанные деепричастия стали использоваться чаще, чем в предыдущие 80 лет; думаю, что это не так. По-видимому, это разговорные формы, а НКРЯ содержит больше текстов разговорного характера именно за этот период, – в частности, публицистика и определенные жанры художественной литературы к настоящему моменту стали включать гораздо больше элементов разговорной речи, чем в советский период.

Любопытно, что кочующий по различным грамматикам и учебникам, наверное происходящий из «Русской грамматики» тезис о том, что деепричастия на *-в*, *-вши* от глаголов несовершенного вида гораздо чаще используются с отрицанием, корпусными данными не подтверждается: это верно только для *евши*, *пивши* и *спавши*, являющихся фразеологизованными. Так, приведенные в подтверждение

этому тезису в цитированном выше отрывке из «Грамматического словаря» А. А. Зализняка формы *не видевши*, *не говоривши*, судя по данным НКРЯ, в текстах последнего столетия отсутствуют.

В статистическую таблицу не включены формы из синодального перевода Библии и религиозных текстов. В синодальном переводе таких форм немало (в частности, *видев* и *слышав*), и следом за ним склонная к архаическим и церковнославянским формам религиозная речь содержит больше таких деепричастий, чем остальные речевые стили:

(8) Товарищи его, *видев* происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. [Евангелие от Матфея: синодальный перевод (1816–1862), НКРЯ].

(9) И *слышав* притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка. [Евангелие от Матфея: синодальный перевод (1816–1862), НКРЯ].

(10) И кто из нас может сказать, что, *слышав* столько раз этот рассказ о самарянине, мы что-то сделали в этом направлении? [Антоний (Блум), митрополит Сурожский. О Священном Писании. Притча о милосердном самарянине (1976), НКРЯ].

2.1.4. *Войдя* и *положа*: деепричастия совершенного вида на *-а*

2.1.4.1. Типы глаголов, образующих «совершенные настоящие» деепричастия

Если деепричастия «несовершенные прошедшие» почти ушли из языка, то образ жизни в современном языке деепричастий «совершенных настоящих» гораздо более сложен. Прежде чем перейти к их исследованию, приведу любопытный пример конца XX в., показывающий, каким удивительным иногда бывает сосуществование «неправильных» форм с «правильными». В этом примере вымершее (если не считать фразеологизма *руку на сердце*) *положа* сочетается со сменившим его *положив*, причем, по-моему, обе формы использованы в одном предложении случайно, без каких-либо причин, как будто специально лингвистам на забаву.

(11) Только небритые уже спали, один *положа* голову на другого, а тот, другой, *положив* голову на арбуз. [Березин Владимир. Свидетель // «Знамя», 1998, НКРЯ].

А. В. Исаченко говорит, что круг глаголов, образующих такие деепричастия, узок: это преимущественно глаголы продуктивного класса на *-ить* и некоторые глаголы перемещения. Новые формы этого типа в языке почти не образуются. Но, считая этот тип деепричастий непродуктивным, А. В. Исаченко тем не менее расценивает уже живущие в языке формы как вполне живые и нормативные: «Акад. грамматика характеризует эти формы как “устаревшие” (I 527), с чем весьма трудно согласиться: ведь они употребляются решительно всеми современными писателями без малейшего оттенка архаичности»¹.

А. А. Зализняк считает нормативным только «правильное» формообразование деепричастий на *-а* от глаголов несовершенного вида², но в качестве исключения описывает образования таких деепричастий от глаголов на *-ти*, например *увезя*, отмечая при этом, что «регулярное деепр. прош. (*увезиши*) в этом случае тоже существует, но является устаревшим»³. При этом найти в «Грамматическом словаре» упоминание какого-либо другого деепричастия совершенного вида на *-а* мне не удалось, — например, не описаны формы *увидя*, *возвратясь*, *положа*.

Довольно краткий, но более тщательно, чем остальные вузовские учебники, описывающий формообразование учебник Л. И. Рахмановой, В. Н. Суздальцевой говорит о бóльшей употребительности таких форм от глаголов определенного типа: «От некоторых (в основном непродуктивных) глаголов совершенного вида (чаще с основой будущего времени на -д или -т: *обрести...*, *пройти...*) более употребительными являются деепричастия с суффиксами *-а* / *-я*: *проядя*, *приведя*, *обретя*, *увезя*, *унеся* и др.»⁴.

В целом, суммируя различные описания, можно выделить четыре группы глаголов, образующих интересующие нас формы:

1. Возвратные глаголы на *-ить*, типичный пример *возвратиться* (*возвратясь*).

¹ Исаченко А. В. Грамматический строй... 1960. С. 533.

² См.: Зализняк А. А. Грамматический словарь... С. 85.

³ Там же. С. 116.

⁴ Рахманова Л. М., Суздальцева В. Н. Современный русский язык... С. 422.

2. Несколько разрозненных глаголов, типичный пример *увидеть* (*увидя*).

3. Глаголы на *-ти* с основой прошедшего времени на согласный; они же глаголы перемещения по Исаченко; они же глаголы с пометой 9 по Зализняку; типичный пример *принести* (*принеся*).

4. Глаголы, деепричастия от которых вошли в состав фразеологизмов, типичный пример *положить* (*положа руку на сердце*).

Как сразу видно из статистических данных, деепричастия разных групп ведут себя совсем по-разному.

2.1.4.2. Деепричастия совершенного вида

на *-а* от возвратных глаголов на *-ить* (*возвратясь*)

Взглянем на корпусную статистику. На этот раз можно не подсчитывать употребления с отрицанием, зато интересно соотношение количества употреблений «неправильных» форм с аналогичными «правильными», которое будет указано через слеш.

В таблицу включены только наиболее часто встречающиеся формы. Перечислю и другие, найденные в современных текстах хотя бы в двух примерах (количество употреблений указано для последнего периода): *навалясь* 6 / 61, *озлясь* 37 / 6, *оскалясь* 10 / 20, *оскорбясь* 0 / 4, *облокотясь* 24 / 62, *обратясь* 14 / 175, *поступаясь* 2 / 3, *прищурясь* 28 / 108, *приблизясь* 2 / 100, *смутясь* 7 / 104, *склонясь* 15 / 134, *спохватясь* 2 / 126, *углубясь* 1 / 25, *уверясь* 2 / 13, *успокоясь* 3 / 149, *утвердясь* 3 / 12.

Если до середины XX в. формы типа *возвратясь* преобладали, хоть и не очень заметно, то за последнее 50-летие они уступили позицию формам на *-вши*, но по-прежнему остаются нормативными. Преобладают теперь формы типа *возвратившись*, но и образованные по ныне непродуктивной модели формы вполне живы и, похоже, пока не планируют выходить из употребления.

Таблица 2. Деепричастия св. на *-а* от возвратных глаголов на *-ить* в НКРЯ

Период	–1909	1910–1959	1960–1974	1975–1989	1990–2014
Деепричастия	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши
<i>Возвратясь</i> / <i>возвратившись</i>	432 / 229	61 / 52	10 / 24	11 / 23	30 / 94

Период	–1909	1910– 1959	1960– 1974	1975– 1989	1990– 2014
Деепричастия	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши	-а/-вши
<i>Наклонясь / наклонившись</i>	96 / 106	96 / 153	26 / 52	15 / 43	46 / 170
<i>Нахмурясь / нахмурившись</i>	69 / 125	101 / 38	6 / 13	7 / 13	28 / 59
<i>Облокотясь / облокотившись</i>	138 / 97	71 / 75	21 / 25	6 / 11	24 / 62
<i>Понурился / понурившись</i>	2 / 14	7 / 15	4 / 5	2 / 6	8 / 11
<i>Потупясь / потупившись</i>	26 / 50	20 / 28	7 / 14	7 / 11	15 / 38
<i>Прислонясь / прислонившись</i>	98 / 66	89 / 135	25 / 49	30 / 27	55 / 131
<i>Развалиясь / развалившись</i>	61 / 27	29 / 16	17 / 3	17 / 9	54 / 66

Интересно, что у многих авторов сосуществуют формы разных типов от одних и тех же глаголов, и сосуществуют, по-моему, без какого-либо распределения. Ср.:

(12а) *Наклонясь* к нему, дама что-то говорила непрерывно и шелкала веером, энергично сводя и разводя его костяные створки. [Маркиш Давид. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001, НКРЯ].

(12б) ...внезапно *наклонившись* ко мне, с любопытством спросил Жаботинский. [Маркиш Давид. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001, НКРЯ].

(13а) Тогда Илья вышел из-за прилавка и, опустив к коленям мозолистые руки, чуть *наклонясь*, еще более *сощурия* глаза, направился в сторону мясного отдела. [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999), НКРЯ].

(13б) Они плыли параллельно, *наклонившись* телами, словно подводные лодки, шли ко дну, которое располагалось где-то там, далеко внизу, его даже не было видно, несмотря на прозрачность воды. [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999), НКРЯ].

(14а) – Вот пейте, – сказал он, *наклонясь* над ним. – Сколько только можете, столько и пейте. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978), НКРЯ].

(14б) Лина ничего не ответила, она только сделала какое-то неясное движение рукой в сторону окна, и тогда он увидел того, кто сидел в кресле и, *наклонившись*, внимательно слушал их обоих. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978), НКРЯ].

(15а) Он пришел что-то канючить у завхоза и сидел, *развалиясь* на лавке, с прилипшей к губе замусоленной папироской. [Олег Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988), НКРЯ].

(15б) *Развалившись* в кресле – я сразу отметил, как прибавилось в нем важности, – Денисенко неторопливо меня разглядывал. [Олег Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988), НКРЯ].

(16а) Федор Иванович стоял у задней стены зала, *прислонясь* спиной к дубовой лакированной панели, и осматривался вокруг... [Дудинцев Владимир. Белые одежды (1987) / Вторая часть, НКРЯ].

(16б) В глубине коридора, ближе к кабинету кафедры, ждал его Стригалева, *прислонившись* к стене. [Дудинцев Владимир. Белые одежды (1987) / Первая часть].

(17а) Она едет в последнем поезде метро, усталая, несчастная и, *прислонясь* к стеклу раздвижных дверей, плачет. [Юрий Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983), НКРЯ].

(17б) Он ждал долго. Ходил. Сидел. Стоял, *прислонившись* к столбу. Мимо шли машины. Один раз появился знакомый вездеход. Володя пошел к дороге и стоял, освещенный фарами. [Юрий Визбор. Альтернатива вершины Ключ (1981), НКРЯ].

Итак, деепричастия с суффиксом *-а*, образованные от возвратных глаголов второго спряжения совершенного вида, являются нормативными и используются наравне с аналогичными на *-вши-*, но в современных текстах реже, чем в текстах XIX в., и реже своих аналогов.

2.1.4.3. Деепричастия совершенного вида на *-а* от разрозненных глаголов (*увидя*)

Из разрозненных деепричастий на *-а*, образованных от глаголов совершенного вида, в современных текстах более-менее устойчиво держатся только два – *завидя* и *увидя*, – но и эти два почти вытеснены своими «правильными» аналогами. Как и формы предыдущей группы, «неправильные» и «правильные» деепричастия сосуществуют в текстах одних и тех же авторов без видимого распределения, но «неправильные» формы встречаются заметно реже «правильных», так, в текстах Ю. Домбровского один-единственный пример с *увидя* соответствует 22 примерам с *увидев*:

(18а) *Увидя* их, он быстро что-то сказал в трубку и бросил её на рычаг. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978), НКРЯ].

(186) И как он тогда, **увидев** эту гнусную, зубчатую бумажку с синим факсимиле внизу, онемел, отупел и просидел два часа, не шелохнувшись. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978), НКРЯ].

(19а) Князь замолчал, **уставля** горящий — «фанатичный», как определила про себя Маша, — взгляд куда-то мимо нее, в пространство. [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988), НКРЯ].

(19б) А другая его пушка, заряженная картечью, так и осталась во дворе, угрюмо **уставляв** жерло в заваленные плитами ворота. [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988), НКРЯ].

(20а) Ленька, **завидя** свою Ниночку, перепрыгивает через клумбу и бежит к ней. [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985), НКРЯ].

(20б) **Завидев** дежурную, наш герой вспомнил, что корпус — женский и его — мужчину — не допустят в это время суток во внутренности корпуса. [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985), НКРЯ].

Таблица 3. Деепричастия св. на **-а** от разрозненных глаголов в НКРЯ

Период	–1909	1910–1959	1960–1974	1975–1989	1990–2014
Деепричастия	-а/-в(ши)	-а/-в(ши)	-а/-в(ши)	-а/-(-ши)	-а/-в(ши)
<i>Заметья / заметив</i>	52 / 818	10 / 600	1 / 212	0 / 10	2 / 902
<i>Завидя / завидев</i>	110 / 106	46 / 121	2 / 42	8 / 53	32 / 203
<i>Полюбя / полюбив</i>	12 / 29	2 / 13	0 / 12	0 / 6	0 / 28
<i>Увидя / увидев</i>	724 / 1023	155/1124	36 / 543	16 / 496	45 / 2659
<i>Уставля / уставляв</i>	10 / 51	3 / 13	3 / 7	7 / 8	2 / 25
<i>Услыша / услышав</i>	121 / 538	11 / 459	8 / 221	1 / 216	4 / 1210

Судя по статистике, разрозненные деепричастия на **-а** от глаголов совершенного вида являются для современного языка своеобразным реликтом и вскоре будут окончательно вытеснены аналогами, образованными по стандартной модели.

2.1.4.4. Деепричастия совершенного вида на **-а** от глаголов на **-ти (принеся)**

Если до начала XX в. случаи употребления «неправильных» форм с суффиксом **-а** составляют примерно 20 % по отношению к употреблению «правильных» с суффиксом **-ши**, то в начале XXI «правильные» употребления составляют менее 0,5 % от «неправильных». Только **нашедши, пришедши** и **вышедши** встречаются в современных текстах относительно часто — просто потому что деепричастия от этих глаголов в целом очень частотны. «Правильные» формы от остальных, более редких глаголов можно пересчитать по пальцам, и часто они употребляются в целях стилизации под «литературную» или «старую» речь и используются в ряду с другими формами на **-ши**, ср.:

(21) Вернувшись к мужу, который, ничего не подозревая, отдыхал на лавке в столовой, она разбудила его и, **натянувши** на него сырые брюки, отправила к той же гадалке. ...**Подошедши** к дому гадалки, сам Филарет сейчас вдруг почему-то испугался, но все-таки поднялся по ступенькам на крыльцо и отворил дверь. ...Гадалка объявила Филарету, что жена его отравит... Скучно сделалось на душе у бедняги, и ему очень сильно захотелось выпить. Вдобавок, **вышедши** от гадалки, он наткнулся на поджидавшую его жену, от одного вида которой ему еще более захотелось выпить. [Юрий Петкевич. Возвращение на родину (2001), НКРЯ].

Кроме того, многие деепричастия с суффиксом **-ши** от глаголов с основной на согласную, практически не существующие в других стилях (например, **обретши, сплетши**), регулярно используются в религиозной речи — в качестве цитат из Библии, церковнославянизмов или просто как один из грамматических маркеров архаичности этого стиля:

(22) Над входом в другую часть церковного здания такая же надпись из Евангелия: И воины, **сплетши** венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу (Ин 19: 2). [Торопцева Нина. Паломничество по Святой Земле в конце XX века // «Альфа и Омега», 2000–2001, НКРЯ].

(23) **Обретши** себя, в Боге утвердим свою душу, свою обретенную драхму, своего духовного младенца, свой первообраз, и в радости его обретения пойдём уготованным нам путем жизни. [Игнатия (Петровская), монахиня. Слово о старчестве (1992–1999), НКРЯ].

Таблица 4. Деепричастия св. на *-а* от глаголов на *-ти* в НКРЯ

Период	-1909	1910–1959	1960–1974	1975–1989	1990–2014
Деепричастия	-а/-ши	-а/-в(ши)	-а/-в(ши)	-а/-ши	-а/-в(ши)
-везти					
Привезя / привезши	7 / 5	14 / 0	1 / 0	6 / 0	18 / 0
Довезя / довезши	2 / 0	2 / 0	0 / 0	1 / 0	2 / 0
Увезя / увезши	5 / 1	2 / 0	1 / 0	2 / 0	9 / 0
Отвезя / отвезши	3 / 1	2 / 0	0 / 0	0 / 0	2 / 0
-идти					
Найдя / нашедши	313 / 41	256 / 4	100 / 1	83 / 0	441 / 7
Перейдя / перешедши	125 / 23	198 / 3	33 / 0	38 / 0	221 / 0
Придя / пришедши	384 / 161	275 / 5	132 / 2	154 / 1	738 / 8
Обойдя / обошедши	63 / 6	97 / 1	31 / 0	21 / 0	161 / 1
Войдя / вошедши	510 / 69	317 / 6	107 / 2	100 / 1	523 / 3
Дойдя / дошедши	174 / 22	221 / 4	50 / 0	50 / 0	219 / 0
Подойдя / подошедши	462 / 45	167 / 0	136 / 2	99 / 0	435 / 3
Презвойдя / презвошедши	0 / 1	1 / 0	0 / 0	3 / 0	10 / 0
Снизойдя / снизошедши	9 / 0	1 / 0	1 / 0	0 / 0	8 / 0
Сойдя / сошедши	56 / 11	58 / 1	16 / 0	20 / 0	75 / 2
Отойдя / отошедши	89 / 15	135 / 2	39 / 1	37 / 0	108 / 1
Уйдя / ушедши	23 / 9	58 / 10	21 / 1	41 / 0	191 / 1
Выйдя / вышедши	463 / 112	458 / 7	162 / 2	178 / 2	1029 / 7
-вести					
Заведя / заведши	8 / 0	10 / 0	3 / 0	5 / 0	29 / 0
Наведя / наведши	7 / 0	14 / 0	6 / 0	4 / 0	23 / 0
Обведя / обведши	12 / 0	15 / 0	8 / 0	6 / 0	13 / 1
Введя / введши	36 / 4	27 / 1	37 / 0	15 / 0	84 / 0
Разведя / разведши	17 / 1	13 / 0	9 / 0	10 / 0	55 / 0
Взведя / взведши	2 / 0	2 / 0	1 / 0	0 / 0	3 / 0
Произведя / произведши	40 / 2	35 / 0	5 / 0	10 / 0	62 / 0
Приведя / приведши	71 / 17	51 / 0	16 / 0	12 / 0	105 / 0
-нести					
Поднеся / поднесши	14 / 0	11 / 0	11 / 0	5 / 0	31 / 0
Произнеся / произнесши	59 / 17	38 / 1	31 / 1	19 / 0	109 / 0
Вознеся / вознесши	2 / 0	3 / 0	0 / 0	0 / 0	9 / 0
Отнеся / отнесши	11 / 2	6 / 0	3 / 0	3 / 0	16 / 0
Соотнеся / соотнесши	0 / 0	1 / 0	0 / 0	1 / 0	2 / 0
-брести					
Забредя / забредши	0 / 0	1 / 0	0 / 0	0 / 1	4 / 0
-брести					
Приобретя / приобретиши	10 / 3	7 / 0	2 / 0	6 / 0	58 / 0
Обрета / обретиши	0 / 0	0 / 0	0 / 0	0 / 0	111 / 3

Итак, для этой группы глаголов модель «суффикс настоящего времени *-а*, присоединяющийся к глаголу совершенного вида» стала единственной нормативной и образованные по такой модели формы к настоящему времени практически вытеснили аналоги с суффиксом *-ши*.

2.1.4.5. Деепричастия совершенного вида на *-а*, вошедшие во фразеологизмы (*положа руку на сердце*)

Рассматривая статистику для этой группы, интересно учесть количество употреблений вне фразеологических сочетаний «неправильных» форм и в составе фразеологизмов – «правильных». Там, где такие «нарушения» общей тенденции имеются, они отмечены в таблице через знак «плюс».

Таблица 5. Деепричастия св. на *-а* во фразеологизмах в НКРЯ

Период	-1909	1910–1959	1960–1974	1975–1989	1990–2014
Деепричастия	-а / -в(ши)	-а / -в(ши)	-а / -в(ши)	-а / -(ши)	-а / -в(ши)
Высуня / высунув	10 / 37+5фр	5/69+4фр	1/35+2фр	0/20+2фр	0/67+12фр
Нахмура / нахмури	10 / 68	10 / 25	1 / 7	0 / 6	0 / 16
Наклона / наклонив	14 / 123	15 / 158	0 / 13	0 / 18	4 / 107
Спрося / спросив	4+10нефр/ 64	3 / 58	1 / 18	1 / 27	4+1нефр/ 147
Положа / положив	27+56нефр/ 515+4фр	19+9нефр/ 510+3нефр	7+1нефр / 211	18+1нефр / 148	85+3нефр/ 583
Сложя / сложив	112+20нефр/ 180+15фр	58+7нефр/ 130+3нефр	19+2нефр / 63	27+1нефр / 56+2фр	98+2нефр/ 240
Спросясь / спросившись	53 / 6	24 / 4	6 / 0	7 / 0	33 / 2

Фразеологизмов, благодаря которым в языке сохранялась «неправильная» форма, не так уж и много, но их судьбы были разными.

2.1.4.5.1. *Высуня* и *нахмура* – устаревшие деепричастия окончательно сменились стандартными

Фразеологизм *высуня (высунув) язык* означает «без передышки, вопреки усталости, не жалея сил», т. е. в рамках фразеологизма язык люди высовывают «от усталости» – см. пример 24, и, похоже, имеет

еще и менее очевидное значение «с энтузиазмом», т. е. «от восторга», как в примере 25, ср. с примером 34.

(24) Все мужчины **высуня** язык, бегают по Сухаревке и закупают муку и пшено. [Анатолий Мариенгоф. Циники (1928), НКРЯ].

(25) Но сыновья мои большие любители, и когда кинофестиваль, бегают по Москве **высунув язык** и меня тащат... [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977), НКРЯ].

В XIX в. этот фразеологизм существовал, по-видимому, как отличавшийся редким деепричастием **высуня** от свободных аналогичных сочетаний, включавших более стандартное деепричастие **высунув**. Но уже тогда такое соотношение было нестрогим, и фразеологизм мог использоваться и с обычным деепричастием даже в языке одного автора (ср. примеры 27а и 27б). Из 10 примеров XIX в. с **высуня** (примеры 26, 27а) все являются фразеологизмами, а на 37 примеров свободных сочетаний, включающих **высунув** (пример 30), приходится 5 с **высунув** в составе фразеологизма (примеры 27, 28, 29).

(26) Наконец, в-четвертых, Зубиха — колдунья, которая корнями приворачивает к себе всех мужчин, бегающих за ней **высуня** язык... [С. Т. Аксаков. Семейная хроника (1856), НКРЯ].

(27а) Приготовляется бунт, а прокламаций несколько тысяч, и за каждой побежит сто человек, **высуня** язык, если заранее не отобрать начальством, ибо множество обещано в награду, а простой народ глуп, да и водка. [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872), НКРЯ].

(27б) Ничего не дают, только бегают за нами, **высунув язык!** [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866), НКРЯ].

(28) ...и он по целым дням бегал по Москве, как говорится, **высунув язык**, и искал, где бы перехватить займы, — и это тоже было смешно. [Чехов А. П. Ариадна (1895), НКРЯ].

(29) Для вас хлопочу, как собака бегаю, язык **высунув**. [Д. В. Григорovich. Переселенцы (1855–1856), НКРЯ].

(30) Я прошёлся несколько раз по комнате, остановился перед зеркалом, долго, долго смотрел на своё сконфуженное лицо и, медлительно **высунув язык**, с горькой насмешкой покачал головой. [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849), НКРЯ].

Фразеологизм потерял «неправильное» деепричастие примерно тогда же, когда из языка уходила основная масса таких дееприча-

стий, — к началу XX в. Последнее найденное в НКРЯ употребление **высуня** относится к 70-м гг., оно единственное с 1944 г., а, кроме него, на весь XX в. приходится пять употреблений, а на XXI — ни одного.

(31) Пошивочный комбинат на мне, семьдесят гавриков — у того руки нет, у того — ноги, а третий — без памяти. А я — бегай за всеми, **высуня** язык. [Владимов Георгий. Шестой солдат (1970–1981), НКРЯ].

Сам фразеологизм при этом жив и отлично обходится «правильным» деепричастием: так, в корпусных текстах последнего 25-летия на 79 употреблений слова **высунув** в свободных сочетаниях приходится 12, входящих во фразеологизм.

(32) Если бы мы это делали так, как от нас требовали московские паразиты-ученые, мы должны были бы всю ночь напролет бегать **высунув язык** по цехам завода. [Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998), НКРЯ].

(33) Очень удобно, когда материалы под рукой и не надо **высунув язык** бегать за ними по городу. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002), НКРЯ].

(34) А когда то, **высунув язык** от восторга, я бежала в самую гущу, в самый эпицентр «Мосфильма», чтобы меня все видели, чтобы произвести впечатление, чтобы «выделиться». [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003), НКРЯ].

В списки деепричастий, сохраняющихся в языке благодаря фразеологизмам, иногда включают **нахмурия**. Поскольку и **нахмурия**, и **нахмуриив** сочетаются с очень ограниченным числом существительным (*брови, лоб, лицо*) и всегда полностью соответствуют своему значению, не совсем ясно, на каком основании сочетания стоит считать фразеологизованными. Но в любом случае, как видно из таблицы, в настоящий момент в языке сохраняется только стандартное **нахмуриив**. Единственное употребление **нахмурия** за последние 60 лет принадлежит А. Мариенгофу, еще в начале века остававшемуся одним из немногих, сохранявших уходящие формы (см. пример 24).

(35) Еще больше **нахмурия** брови, он продолжал. [Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960), НКРЯ].

Итак, слова **высуня** и **нахмурия** в языке уже окончательно не прижились.

2.1.4.5.2. *Наклоня* и *спрося* — устаревшие деепричастия еще используются, но очень редко

Деепричастия *наклоня* и *спрося* уже в XIX в. использовались несравнимо реже, чем аналоги на *-в*, но до сих пор худо-бедно держатся в языке, видимо благодаря устойчивым словосочетаниям. *Наклоня* во всех имеющихся в НКРЯ 33 примерах сочетается только с существительным *голова*, тогда как *наклонив* имеет свободную сочетаемость — как с *голова*, так и с *тело*, *лицо*, *ладони*, *бутылка* и др. Даже в сочетаниях с *голова* в текстах последнего столетия нормативное деепричастие практически вытеснило устаревшее. Возможно, что *наклоня* живо до сих пор только благодаря всем знакомым словам песни «Подмосковные вечера» — именно как цитата из нее встречается это деепричастие в нескольких современных примерах из НКРЯ (примеры 38, 39).

(36) Держась за щеку, *наклоня* голову, он поспешил по тропинке восвояси... [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999), НКРЯ].

(37) Вдруг собака Тиграша стала принюхиваться к каким-то следам на земле, низко *наклоня* голову и вода носом во все стороны. [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995), НКРЯ].

(38) Принадлежащие к тайному ордену близоруких узнают друг друга по взгляду, о котором поется в песне: что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову *наклоня*. ...Низко *наклоня* — потому, что близорукость располагает к тихости и смирению. [Катя Метелица. Зато я нюхаю и слышу хорошо // «Столица», 1997.10.13, НКРЯ].

(39) Что ты злишься-то? [Зина]. Я?! Что ты, милая, смотришь искоса, низко голову *наклоня*?! Трудно высказать и не высказать всё, что на сердце у меня, понимаешь? [Коляда Николай. «Мы едем, едем, едем в далёкие края...» (1995), НКРЯ].

Спрося сохранилось в языке в контексте «разрешение»: из семи примеров последнего пятидесятилетия (примеры 40, 41) только один имеет другое значение (пример 42). В XIX в. слово, видимо, использовалось в любых контекстах, просто как редкий аналог к *спросив*, но пережило позапрошлый век только благодаря специальному значению.

(40) И в этот момент Бурбулис, не *спрося* никого, да и спрашивать было не у кого, назначает директором Филиппова. [Юрате Гураускайте. Конфликт в Государственной Российской библиотеке // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27, НКРЯ].

(41) А мою дочь, тоже не *спрося* ее, лишили права выбора национальности одного из своих родителей. [Борис Лебедев. Запрет на право быть русским // «Советская Россия», 2003.05.15, НКРЯ].

(42) Как горько видеть многострадальную Россию, обратившую свой взгляд к Америке и взявшую у нее за образец американскую антикультуру, извращения и грязь, не заметив Христианской Америки, людей готовых прийти на помощь, не *спрося*: «А что мне будет за это? [Людмила Лавэлли. Цифровой Ангел и средства массовой информации (2001), НКРЯ].

Выжив как части фразеологизмов, деепричастия *наклоня* и *спрося* настолько редки и настолько часто в рамках тех же устойчивых сочетаний заменяются на стандартные, что, наверное, вскоре вовсе исчезнут из языка.

2.1.4.5.3. *Положа*, *сложж*, *спросясь* и др. — устаревшие деепричастия регулярно используются во фразеологизмах

И, наконец, *положа руку на сердце*, *сложж руки* в значении «бездействуя» и *спросясь* как разговорная форма, использующаяся в контексте «разрешение», по-видимому, стали в языке единственно правильными способами передачи фразеологизированного значения и поэтому закрепились в нем весьма основательно.

Удивительно, но в 583 современных текстах, включающих *положив*, нет ни одного, входящего во фразеологизм, аналогичный *положа руку на сердце*. Примеров с *положив руку на сердце* в Корпусе всего семь: из Шолохова (1828–1940), Аверченко (1921) и Арцыбашева (1912) и из Григоровича (1889), Лескова (1864), Булгарина (1846), Карамзина (1823). Видимо, до начала XX в. язык решал судьбу деепричастия во фразеологизме и ко второй половине века окончательно принял решение в пользу устаревшей формы.

В 240 современных текстах со *сложж* также нет ни одного, входящего во фразеологизм, аналогичный *сложж руки*. Правда, 20 таких употреблений в НКРЯ обнаружилось (при общей сумме

контекстов со *сложив* – 765), но все они более ранние, чем 1990 г., более того, позже 1990 г. таких примеров всего два, а за весь XX в. только 12.

(43) Естественно, специалисты по лихорадке и прежде не сидели, *сложив руки*, привыкали к колам и гремящим телегам и находили кое-что посильнее тех колов. [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980), НКРЯ].

Положа и *сложя* очень редко встречаются в свободных сочетаниях и смотрятся скорее как неправильные:

(44) Славка совсем откинула голову назад, *положа* ее в ладонь Дагласу. [Наталья Медведева. Любовь с алкоголем (1988–1993), НКРЯ].

Глагол *спроситься* в НКРЯ используется только в одном значении – «попросить разрешения», и сочетание *не спросясь* на протяжении двух рассматриваемых столетий используется несравнимо чаще, чем *не спросившись*. Среди примеров с 1990 г. 33 *спросясь* и всего два *спросившись*.

Не спросясь регулярно используется с зависимыми словами (*ни у кого не спросясь* и др.), что позволяет уверенно считать его деепричастием, но все же оно, употребляясь как одиночное обстоятельство образа действия, производит впечатление приобретающего наречное значение. В этом к нему близки *помолясь* и *благословясь*, ср.:

(45) – Али из скита уходишь? Как же не *спросясь*-то, не *благословясь*? [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880), НКРЯ].

Помолясь и *благословясь* часто употребляются во фразеологизованных сочетаниях с *начать* или с близкими по значению словами и в таких сочетаниях регулярно встречаются в современных текстах: 8 и 10 употреблений после 1990 г. При этом слово *благословясь*, по-видимому, уже давно используется скорее как наречие: из 59 употреблений в НКРЯ оно лишь один раз появляется с зависимыми словами (пример 46) и по значению в большинстве случаев далеко от значения глагола *благословить* или сочетания *получить благословение*, причем не только в современных (примеры 49, 50), но зачастую и в самых ранних примерах (примеры 47, 48). *Благословясь* не имеет аналога на *-вши*: форма **благословившись* в Корпусе отсутствует.

(46) Сотворив уставные метанья и *благословясь* у игуменни, мать Аркадия вышла. [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874), НКРЯ].

(47) Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее. Кутейкин (открывает часослов, Митрофан берёт указку). Начнём *благословясь*. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь...» Простаков [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782), НКРЯ].

(48) Я *благословясь* начала с предисловия переводчика и *увидя* в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаграждают терпение читателя, храбро принялась за дело. [А. С. Пушкин. Роман в письмах (1829), НКРЯ].

(49) Я начал разводить огонь, Коротяев же метнулся к воде, схватил кривую удочку, принесённую начинающим поэтом, принялся наживлять червяка и, нажививши, плюнул на него по старому обычаю. Коля, усевшись на бревно, скусывал с бутылки металлическую пробку, травил по поводу того, что напарник неправильно начинает рыбалку. Сперва надо выпить, закусить, потом уж, *благословясь*... [Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», №2», 1999, НКРЯ].

(50) Историю с кредитом пока херим – иск из мюнхенского суда отзываете. Очень он нам не ко времени. А деньги через годик начнем, *благословясь*, помаленьку выплачивать. [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003), НКРЯ].

Таким образом, только пять деепричастий – *положа*, *сложя*, *спросясь*, *помолясь* и *благословясь* – живы в современном русском языке благодаря своему фразеологизованному употреблению.

* * *

На основе данных НКРЯ рассмотрено употребление «нестандартных» деепричастий, т. е. деепричастий с неестественным для современного языка сочетанием характеристик «вид» и «время». Сделаны следующие выводы:

1. Широко использовавшиеся в XIX в. деепричастия от глаголов несовершенного вида на *-в*, *-вши* сейчас практически не употребляются, – ни с отрицанием, ни без оногo, – кроме стилистически нейтральной формы *читаю*, фразеологизованных, стилистически выделенных и предпочитающих отрицание форм *евши*, *пивши*,

спавши и умеренно популярной в разговорной, возможно даже в сниженной, речи формы *быв*. Несколько более активно некоторые из таких деепричастий, в частности *видев* и *слышав*, используются в религиозных текстах, часто представляя собой непрямую цитату из синодального перевода Библии.

2. Деепричастия совершенного вида с суффиксом *-а*, употребляющиеся в языке последних десятилетий, удобно разделить на следующие четыре группы, перечисляемые здесь от употребляющихся свободно к постепенно вытесняемым:

- В настоящее время нормативными и абсолютно вытеснившими аналоги с суффиксом *-ши* являются деепричастия совершенного вида на *-а* от глаголов на *-ти*, например *привезя, выйдя, приведя, произнеся, приобрета* и др.
- Нормативным и устойчивым является использование деепричастий совершенного вида на *-а* во фразеологизованных сочетаниях *положа руку на сердце, сложа руки* и *не спросясь*, а также использование *помясь* и *благословясь* в сочетании с *начать* и в других близких по значению контекстах. Во всех остальных фразеологизмах нестандартные деепричастия к настоящему моменту практически вытеснены стандартными.
- Также нормативными и используемыми наравне с аналогичными на *-вши*, разве что немного пореже, стали деепричастия от возвратных глаголов второго спряжения, такие как *возвратясь, наклонясь, облокотясь* и др.
- Несколько разрозненных деепричастий совершенного вида на *-а* продолжают использоваться до сих пор, но много реже своих стандартных аналогов; видимо, они постепенно, но неуклонно вытесняются. В качестве нейтральных и относительно частотных форм употребляются *увидя* и *завидя*; в качестве устаревающих, звучащих ненормативно, продолжают использоваться деепричастия *заметя, уставя*. Наверное, есть и другие, не рассмотренные в данной работе, поскольку сплошной анализ всех глаголов не проводился, но вряд ли таких много.

Данная работа представляет собой лишь начальный этап исследования употребления деепричастий в современном русском

языке на основе корпусных данных; пока неисследованными остаются, в частности, следующие проблемы¹:

- 1) вид, время и суффикс у деепричастия;
- 2) ограничения при образовании деепричастий;
- 3) вариативность суффиксов *-в* и *-вши*;
- 4) слова с суффиксом *-учи*: наречия или деепричастия;
- 5) функционирование деепричастий «пассивного залога».

¹ За прошедшие с момента написания этого раздела несколько лет выполнены исследования русского деепричастия, отчасти покрывающие означенные лакуны, см.: Биккулова О. С. Деепричастие: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм // URL: <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011; Ковальская В. М. Морфология и синтаксис русских деепричастий: стандартные и нестандартные употребления. Дипломная работа (филологический факультет МГУ). На правах рукописи. М., 2010 (URL: <http://studiorum.ruscoproga.ru>); Ковальская В. М., Кузнецов И. О. Нестандартные деепричастия в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 3.

2.2. «Присчетные формы»¹

2.2.1. Между обозначениями количества и исчисляемого

Обсудим малоописанный тип существительных, движущихся к грамматикализации: существительные, входящие в русские числовые выражения, но не являющиеся обозначением ни количества, ни исчисляемого. Так, *пять* из *пять метров клеенки*, *пять вагонов дынь*, *пять штук сигарет*, *пять пар очков* — это собственно обозначение количества, *клеенка*, *дыня*, *сигарета* и *очки* — исчисляемые, а *метр*, *вагон*, *штука* и *пара* — анализируемые здесь единицы.

Такие существительные и семантически, и синтаксически, и даже просто с точки зрения порядка слов² оказываются чем-то промежуточным между собственно нумеративами и собственно исчисляемыми. А. И. Мельчук трактует их как составные части синтаксически сложных количественных выражений. По его мнению, в подобных случаях внутри количественного выражения вложено еще одно: для него *пять метров* в *пять метров клеенки* и *шестьсот сорок пять голов* в *шестьсот сорок пять голов скота* — это количественные компоненты Q числовых выражений с исчисляемыми C *клеенка* и *скот*, сами состоящие из количественных Q1 (*пять* и *шестьсот сорок пять*) и исчисляемых C1 (*метров* и *голов*) [Мельчук 1985: 28], т. е. [{(*пять* — это Q1) (*метров* — это C1)}] — это Q] [*клеенки* — это C].

Но допустимо ли трактовать подобные существительные как обычные исчисляемые при числительных, пусть свойственные только синтаксически сложным конструкциям? Ведь они выступают в специфическом нереперентном значении, в котором

¹ На основе материалов данного раздела опубликована статья: Добрушина Е. Р. Присчетные слова // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сборник материалов конференции 9–12 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 70–75.

² Кроме конструкций со значением приблизительного количества (*метров пять клеенки*) и некоторых других, достаточно редких, которые имеют другой порядок слов.

не могут использоваться без собственного исчисляемого — выраженного прямо или подразумеваемого. Словосочетание *пять метров* предполагает обязательное указание, хотя бы в контексте, исчисляемого (*метров* чего?). Ясно также, что *вагон* в примере 1 имеет иное, референтное, значение, нежели количественное нереперентное в примере 2, где, по всей видимости, вообще не идет речь о *вагонах*, их может не быть даже в качестве способа доставки *компьютеров*:

(1) Было постановление Уз[бекского] Совнаркома и начальника дороги о предоставлении театру *двух вагонов*, — но вагонов не было. [Вс. В. Иванов. Дневники (1940–1948), НКРЯ].

(2) Мефистофель — новому русскому: — Продай душу за *два вагона компьютеров!* — Когда компьютеры? [Политический анекдот: закрытие сезона или второе дыхание? // «Общая газета», 1997, НКРЯ].

Следует рассмотреть гипотезу о том, что обсуждаемые существительные находятся в начальной степени грамматикализации, и было бы правильно посвятить им раздел при корпусном описании русской грамматики.

2.2.2. Классификация существительных, вводящих исчисляемые

Существительные, способные регулярно служить посредником между количественным числительным и исчисляемым существительным, довольно разнородны. Их можно разделить на следующие типы:

1. Обозначение меры в единицах **метрической системы** или иных (*пять литров молока*, *пять килограмм (килограммов) сахара*, *пять шагов ширины / дистанции* и др.).

(3) Жалкий и трогательный вид имела крошечная постройка в *пять шагов длины* и *три шага ширины*, одиноко стоявшая в поле. [П. Н. Краснов. Тихие подвижники (1923), НКРЯ].

(4) *Пятьдесят шагов дистанции* и по одному выстрелу. [А. И. Куприн. Поединок (1905), НКРЯ].

2. Обозначение меры неисчисляемого или, реже, исчисляемого через метонимическое обозначение **контейнера** (*пять стаканов молока*, *пять вагонов сахара*, *пять вагонов компьютеров* и др.).

3. Обозначения **дискретности** для разных недискретных или недостаточно дискретных исчисляемых (*пять головок сыра, пять батонов / палок / кусочков колбасы, пять веточек петрушки, пять кустов роз* и др.).

4. Четыре «**информативно излишние**», имеющие «указательную (местоименную) функцию» (характеристика из «Русской грамматики»¹) формы: *штук, человек* и устаревшие *душ* и *голов* (*пять штук яиц, пять человек детей, пять душ крестьян, пять голов рогатого скота*).

5. Существительное *пара* при «парных» предметах (*пять пар очков, две пары ворот*).

(5) *Две пары* маленьких *ворот*, между ними желобок, по которому ползут фигурки... [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001), НКРЯ].

Все эти группы практически не описаны, только определенным сторонам употребления наиболее грамматикализованных из них — *штука, человек, голова, душа* — посвящены работы В. В. Барановой² и R. Sussex³.

2.2.3. Терминология

Не так просто определить с термином, которым хотелось бы обозначать обсуждаемые слова. Выбирать приходится из следующих терминов, каждый из которых теми или иными авторами применялся к ним: *счетные слова*⁴, *классификаторы*⁵ и *аналоги классификаторов*⁶,

¹ См.: РГ 1982. Т. 2. С. 78.

² Баранова В. В. В чем считать? Конструкция счета NUM штук Ngen в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. СПб., 24–26.03.2011 г.

³ Sussex R. The Numeral Classifiers of Russian // Russian Linguistics. Dordrecht. 1976. № 3. P. 45–55.

⁴ Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. La syntaxe de surface d'expressions numériques du russe. Vienne: Wiener Slawistischer Almanach, 1985. С. 209; Aikhenvald A. Y. Classifiers: a typology of noun categorization devices. Oxford, 2000. P. 115; Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. С. 152–153;

⁵ Sussex. Op. cit. P. 45–55.

⁶ Плунгян. Указ. соч. С. 152–153; Рахилина Е. В., Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009.

*квантификаторы*¹, *нумеративы*² и *существительные-нумеративы*³.

При этом любой из этих терминов применяется и к совсем другим объектам и поэтому не может быть признан абсолютно удачным. Так, за термином *квантификаторы* для русского языка хочется закрепить употребление, соответствующее работам Е. В. Рахилиной и Ли Су Хен или М. А. Холодиловой, А. Б. Летучего, в которых так называются существительные, не являющиеся числительными, но регулярно используемые в количественном значении — иногда в результате семантического сдвига и той или иной степени грамматикализации (*куча / море проблем*), иногда в соответствии со своей изначальной семантикой (*сотня / пара проблем*).

Термин *счетное слово* неудобен, во-первых, потому, что оказывается паронимом к важному понятию *счетная форма*⁴, введенному А. А. Зализняком. Во-вторых, потому, что вполне естественным представляется употребление этого термина в «Русской грамматике»⁵, где так названы все слова с количественным значением (*пять, тысяча, двое, вдвоем* и др.); между тем обсуждаемые слова количественного значения как раз не имеют.

Наконец, термин *классификатор* для русского языка удобно применять широко — по отношению к любым словам, относящим какую-либо единицу к лексико-семантическому классу. Так, Т. Е. Янко называет семантическим классификатором русские собирательные числительные, потому что они, на основе ограничения на возможные исчисляемые, делят существительные, называющие людей, на два класса — обозначающие человека как личность и иначе⁶. Л. Янда предлагает отнести к классификаторам русские

№ 4. С. 37.

¹ Aikhenvald A. Y. Op. cit. P. 115. Баранова В. В. В чем считать...

² Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис... С. 209. Летучий А. Б., Холодилова М. А. Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. СПб., 24.03.2011.

³ Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис... С. 71.

⁴ См.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 46–48.

⁵ См.: РГ 1982. Т. 1. С. 458.

⁶ См.: Янко Т. Е. Русские существительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 180.

глагольные чистовидовые приставки, так как они классифицируют глаголы по определенным семантическим типам¹. В этом смысле классификаторами могли бы считаться следующие присчетные формы: *штука* как слово, обозначающее конкретную лексику, *человек* как обозначающее лица и *пара* как называющее «сдвоенные» предметы (*парами* вводятся *очки, ножницы, штаны* и иногда *ворота*, но, как правило, не *сани* и заведомо не *сутки*).

Таким образом, остается только термин *нумеративы*, который тоже не очень удачен, так как указывает на количественное значение и его нередко применяют ко всем *счетным словам* в понимании «Русской грамматики». Так, обозначение NUM в НКРЯ используется для числительных. Возможно, именно чтобы отграничиться от счетных слов вообще, И. А. Мельчук удлинил термин, называющий *вагоны* и *штуки*, до *существительные-нумеративы*, но так естественно называть существительные *тысяча* или *миллион*. Поэтому хотелось бы для обсуждаемых слов ввести новый термин, например «*присчетные формы*». Неясно, целесообразно ли множить и без того обширную терминологию, но здесь далее будет использоваться именно этот термин.

2.2.4. Присчетные формы как аналоги классификаторов

В типологии термин *классификаторы* в первую очередь обозначает вспомогательные слова из таких языков, как китайский, японский, вьетнамский и др., вводящие существительные, как правило, при счете и служащие для отнесения введенных существительных к определенному лексическому классу. Некоторые из обсуждаемых здесь слов упоминаются в связанных с типологией работах как *аналоги классификаторов*². Но для А. Айхенвальда важно, что *head* в *five head of cattle* и *голова* в *пять голов скота* следует считать *квантификаторами (quantifiers)* или *счетными*

¹ См.: Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47 и другие работы этого автора.

² См.: Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику... С. 152–153; Рахилина Е. В., Ли Су Хен. Семантика лексической множественности... С.37; Sussex. The numeral Classifiers... P. 45–55.

словами (measure words), а не *счетными классификаторами (numeral classifiers)*¹.

Действительно, признаки настоящих классификаторов – обязательность и семантическая пустота. Между тем в русском языке обязательными являются присчетные формы при «неисчисляемых исчисляемых» (не **пять лука* или *петрушки*, но *пять головок лука* и *пять веточек петрушки*), и именно эти счетные слова семантически весьма насыщены. Более «местоименные» *штука* и *человек* интересны именно тем, что являются необязательными (ср. *пять пожарников* и *пять человек пожарников, пять яиц* и *пять штук яиц*). Пожалуй, одновременно и довольно обязательным, и относительно десемантизированным в русском языке является только присчетное слово *пара*, но оно используется с одними и теми же существительными как в счетном, так и вне счетного контекста:

(6) Перед собой на столике Стенли имел *пару очков* для чтения, записную книжку, лэптоп-компьютер... [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005), НКРЯ].

Обязательность слова *пара* относительна, так как оно конкурирует с конструкцией с собирательным числительным (см. ниже примеры 7–8). Итак, назвать слово *пара* классификатором тоже можно только в широком «нетипологическом» смысле.

2.2.5. Несколько вопросов о присчетных формах

Ни одна из перечисленных групп непохожа на другую, и про каждую из них мало что известно. Каждая из групп требует составления списка входящих в нее слов, описания типов исчисляемых, допустимых синтаксических конструкций и семантического анализа соотношения с другими единицами, возможными в этой же позиции.

С метрическими словами (t:unit в НКРЯ) связано много проблем, например, их упомянутая у Мельчук² «квази-количественность», т. е. наличие эллиптического «один» при употреблении без числительного (*килограмм сахара, вагон дынь*), или упомянутый в книге

¹ Aikhenvald A. Y. Classifiers... P. 115–117.

² См.: Мельчук М. А. Поверхностный синтаксис... С. 28.

О. В. Ляшевской¹, но не описанный выбор ед. / мн. формы исчисляемого (*центнер тыквы, но центнер арбузов*).

Самым же любопытным свойством метрических присчетных слов представляется ограничение на лексико-семантический тип исчисляемого в конструкции «NUM t:unit N_{ген}» (*пять килограммов чего-либо*), снимаемое для конструкций с обозначением параметра типа *веса / весом*. Фактически здесь исчисляемым может быть только то, что может мыслиться не штучно, а вещественно. То есть *курица в пять килограммов курицы* — это не штучная *курица*, это *курятина*, так же как *яблоки* или *арбузы* — это совокупность всех *яблок* и *арбузов*. Измеряется всегда часть всей совокупности, «мирового целого», а то, в отношении чего о совокупности говорить нельзя, нельзя и измерять в рамках этой конструкции. Так, нельзя сказать **сто килограммов тигра / тигров* (только *тигрятины*), также нельзя **сто килограммов столов* (только *мебели*) и затруднено *пять килограммов багажа*. Все это можно измерять килограммами, но нужны другие конструкции: *тигр / багаж в сто килограммов веса* или *тигр / багаж весом в сто килограммов*.

Для семантически пустых *штука* и *человек* не описана ни статистика, ни семантика противопоставлений типа *пять штук яиц — пять яиц* и *пять человек пожарников — пять пожарников*. По-видимому, продуктивность этих семантически пустых слов в современном языке в первую очередь связана с их обязательностью в конструкциях приблизительного количества (*человек пять пожарников*, но почти никогда **пожарников пять*), по наблюдению Д. Сичинавы², требующих достаточно абстрактных исчисляемых. Именно тогда пустые присчетные слова появляются с неожиданными, «нештучными» исчисляемыми, почти невозможными в не-приблизительной конструкции (*штука десять неуловимых движений, штука десять муравьев*).

Поведение слова *пара* необходимо описывать для каждого из «парных» существительных отдельно. Например, для части из них присчетное *пара* конкурирует с собирательными числительными: *три пары очков / саней* и *трое очков / саней*:

¹ См.: Ляшевская О. В. Семантика русского числа. М., 2004. С. 223.

² См.: Сичинава Д. В. Числительное: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм // URL: <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

(7) Даже если у вас хорошее зрение, вам необходимо иметь *двое очков*. [Рафаэль Файзуллин. Советы бывалого (2004) // «Солдат удачи», 2004.07.07, НКРЯ].

(8) *Двое ворот* вели во двор, одни из Столешникова переулка, а другие с Петровки, рядом с извозчичьим трактиром. [В. А. Гиляровский. Мои скитания (1927), НКРЯ].

По материалам НКРЯ, соотношение *две пары очков* к *двое очков*, с одной стороны, и *двое ворот* к *две пары ворот*, с другой, примерно 10 к 1, т. е. *две пары очков* и *двое ворот* безусловно выигрывают.

* * *

Здесь были намечены самые основные проблемы описания присчетных форм, ожидающих более пространного корпусного исследования.

Глава 3. Дискурсивные слова

3.1. О видах поддакивания¹

В этом разделе будет сделана попытка показать, что слово *да* в современной русской разговорной речи в одном и том же диалогическом контексте в высказываниях с одной и той же иллокутивной силой выражает различные значения, в зависимости от того, сколько раз и как произносится.

Значение самого обычного *да*, одиночного, утвердительного, анализироваться не будет. Буду исходить из того, что в реакциях на общие вопросы с собственно-вопросительной (не косвенной) иллокутивной функцией и в реакциях на утверждения одиночное, утвердительное *да* обозначает только положительную верификацию², т. е. утверждение истинности P³, где P — это утверждение с той же пропозицией, кото-

¹ На основе материалов этого раздела была опубликована статья: Добрушина Е. Р. О видах поддакивания // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 2. С. 56–67. См. также о функциях повтора *да* в диалогической речи в работе финской исследовательницы: Пауккеру П. (*Pirkko Paukkeri*) Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами *да*, *ну* и *так*. Хельсинки, 2006. С. 142 и далее.

² Термин «верификация» впервые был применен П. Адамцем в 1966 г. в классификации предложений по типу актуальной информации. Адамец определил верификативные предложения как такие, «актуальная информация которых представляет собой не новое сообщение, а реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения», а также как предложения, в которых «устанавливается реальность или нереальность предполагаемого факта» (*Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966. С. 27*).

³ Будет рассматриваться *да* в репликах-реакциях; при этом используются следующие обозначения: W — реплика-стимул, P — пропозиция W или утверждение с такой же пропозицией, как в W; Г — произносящий реплику-реакцию («говорящий»); С — произносящий реплику-стимул W («собеседник»).

рую имело стимулирующее высказывание. На самом деле, я считаю, что значение слова *да* сложнее, чем «просто верификация»: «просто верификацию» обозначают копирующие реплики (*Иван Иванович приехал? — Приехал*). Но для тех контекстов, в которых будет рассматриваться *да*-повторяющееся, эти семантические различия несущественны (более точное описание значения *да* см. ниже в разделе 3.2.3.5). Итак, цель анализа — выделить те элементы значения, в которых смысл сочетаний, состоящих из нескольких *да*, сложнее, чем смысл *да* одиночного.

3.1.1. «Да-да», а также «нет-нет», «конечно-конечно» и др. или «да-да 1»

Рассмотрим случаи, когда в ответной реплике используются два или более стоящих подряд слова *да*, произносящихся без паузы, в одно слово и без падения или повышения тона; назовем такую комбинацию «*да-да 1*». Иногда авторы художественных произведений записывают элементы «*да-да 1*» не через запятую, а через дефис, хотя определенных правил на этот счет не существует. Это свидетельствует о том, что «*да-да 1*» воспринимается как целостная, нерасторжимая конструкция. Примеры на «*да-да 1*»:

(1) — Так ты идешь со мной? — *Да-да*. Сейчас. [Из устной речи (1991)].

(2) — Давайте часов в шесть. Вас устраивает? — *Да-да*. [Из устной речи (1991)].

(3) — Здрасьте, — сказала Нюра. Обе женщины перестали считать и молча смотрели на Нюру. — Вы меня звали? — спросила Нюра. — А, *да-да*, — сказала Любовь Михайловна и почему-то смутилась. [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975), НКРЯ].

Первое впечатление, создающееся при размышлениях об отличиях этих *да-да* от просто *да*, связано с ощущением торопливости, «повышенной» вежливости, «повышенной» кооперативности удвоенного *да*. Так воспринимаются и другие удвоенные слова, которые могут использоваться в аналогичных контекстах:

(4) — Виктор Павлович, мы не мешаем вам своими разговорами? — *Нет-нет*, что вы [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960), НКРЯ].

(5) – Он к метро идет, не скажете?

– *Идет-идет*. [Из устной речи (1991)].

(6) [Из-за какой-то телефонной неполадки герой рассказа, набирая другой номер, все время, не желая того, попадает к героине.]

– ...Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

– *Конечно, конечно*, – быстро согласилась Нина. – Я ни на минутку не подумала. [К. Булычев. Можно попросить Нину? (1973)].

(7) Гриша слегка порозовел и спросил: – Можно прямо в них пойду? Замучился мерить. – *Конечно-конечно*, – закивали девушки, – только бирочкиотрежем. [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004), НКРЯ].

Хотя в примерах 1–7 употребляются четыре разных ответа (*да-да*, *нет-нет*, *конечно-конечно* и удвоенное копирование), каждый из которых имеет свое собственное специфическое значение, от всех этих ответов остается некоторое общее впечатление, которого не было бы, если бы ответные слова не были бы употреблены удвоенными.

Слова, в том числе «*да-да* 1», использованные в диалогических верификативных реакциях удвоенными, приобретают следующее дополнительное по отношению к неудвоенным значение:

«Г, сообщая, что Р истинно (/ложно), очень не хочет, чтобы С, хотя бы в течение недолгого времени, думал, что верно обратное, так как обратный факт противоречит интересам С, а Г заинтересован в их соблюдении».

То есть, удваивая верификативное слово, Г этим демонстрирует С, что ему важно, чтобы С как можно быстрее осознал истинное положение вещей, потому что, по его мнению, неверное представление об истинности Р может причинить С какие-либо неудобства (чаще всего – психологический дискомфорт), и не хочет этого.

Вышеприведенное толкование значения удвоения верификативных слов объясняет следующие особенности употребления и восприятия рассматриваемых форм:

1. Такие удвоенные ответы воспринимаются как подчеркнута вежливые, ведь они предполагают выраженную в форме ответа заботу об интересах собеседника. Поэтому они часто используются,

когда Г хочет быть особо вежлив, мягок с С. Ср. следующий пример, в котором Г разговаривает по телефону с женой своего друга, с которой он не знаком, но которая, очень этого стесняясь, осмеливается пригласить его в гости, и Г, стараясь говорить с ней как можно более мягко, дважды употребляет такие формы:

(8) – Это его друг, Леонид. Мне очень нужно встретиться с ним сегодня. По делам.

– Хорошо, спасибо, я обязательно передам, а вы знаете?.. Мне очень неудобно, но я... Понимаете, у нас...

– *Да-да*, я слушаю.

– Ой, я даже не знаю!.. Арон меня так будет ругать, вы не представляете!.. Мне очень хочется – можно вас пригласить? ...Приезжайте, а? Ой, какая я дура!.. Вы знаете, совсем не сообразила! – вы, если не один, вдвоем, – очень хорошо, приезжайте вместе?..

– *Нет-нет*, я живу один, спасибо. [Ф. Розинер. Некто Финкельмайер (1971–1975)].

Конечно, для носителей языка факт такой «демонстрации» не является осознаваемым, как и другие детали прагматических значений, но тем не менее в значение языковой единицы входит именно желание оказать определенное воздействие на слушателя, «продемонстрировать»¹ ему нечто независимо от истинного отношения говорящего к предмету обсуждения. То есть тот факт, что говорящий использует тонкости прагматических значений неосознанно, не мог бы помешать говорящему лгать: говорящему достаточно осознать, какое именно поддельное отношение к предмету он хочет продемонстрировать слушателю, а словечки с неосознаваемыми тонкостями значений уже сами придут ему на помощь. Говорящий может произносить *да-да*, думая при этом *как же, как же*, и его слова все равно будут включать значение «Г хочет, чтобы С как можно быстрее убедился в том, что Г считает, что *да*, соответствует интересам С, которые Г соблюдает».

2. Из-за подчеркнутой вежливости такие формы часто употребляются в ситуации, когда Г и С (или один из них) осознают соци-

¹ Используя слово «демонстрировать», я хочу подчеркнуть, что при произнесении сочетания *да-да* говорящий, пусть неосознанно, стремится именно дать понять нечто (закрывающееся в значении этих слов) слушающему, а отнюдь не пробалтывается, того не желая, о своем истинном отношении.

альное неравенство своих положений. Например, в разговоре между подчиненным и начальником часто используются именно такие формы, причем обеими сторонами: подчиненным — с целью выразить свое уважение, начальником — с целью подчеркнуть вежливость в обращении к подчиненному. Ср. рассказ дипломницы о ее взаимоотношениях с научным руководителем, в котором слова *да-да* и другие повторы выражают именно такое значение, причем не важно, использовались ли они на самом деле или придуманы рассказчицей для воссоздания атмосферы разговора:

(9) — ...Я прихожу на семинар раз в месяц, он мне: «Ну, я рад вас видеть, вы мне что-нибудь принесли?» Я даю три страницы крупным почерком. «Вот, — говорю, — вот тут вы посмотрите, тут я не уверена, что правильно...» Он мне: «*Да-да*, но все-таки за месяц маловато. Вам уже мало времени осталось...» Я говорю: «*Да-да*, но нам столько надо было по практикumu делать, столько всего... но я теперь постараюсь...» Он: «*Хорошо-хорошо*, но вы обязательно принесите что-нибудь через неделю». Я: «*Конечно-конечно*» — и еще на месяц... [Из устной речи (1992)].

Ср. также сцену, описанную в воспоминаниях Галины Вишневской:

(10) Замечательный дирижер С. А. Самосуд, многие годы проработавший в Большом театре, рассказывал мне, как однажды он дирижировал оперным спектаклем, на котором присутствовало все правительство. В антракте его вызвал к себе в ложу Сталин. Не успел он войти в аванложу, как Сталин без лишних слов заявил ему:

— Товарищ Самосуд, что-то сегодня у вас спектакль... без бемолей!

Самуил Абрамович онемел, растерялся — может, это шутка?! Но нет — члены Политбюро, все присутствующие серьезно кивают головами, поддакивают:

— *Да-да*, обратите внимание — без бемолей...

Хотя были среди них и такие, как Молотов, например, — наверняка понимавшие, что выглядят при этом идиотами... [Г. Вишневская. Галина (1993)].

Понятно, что поддакивать самому Сталину можно было только сверхвежливым способом, поэтому для описания этого поддакивания выбрано именно «*да-да 1*».

3. Именно из-за специфической вежливости удвоенного *да* оно часто используется как ответ на переспрос. Ведь переспрос — это свидетельство о небольшой коммуникативной неудаче, и вина за нее может возлагаться как на спровоцировавшего переспрос (плохо сформулировал), так и на переспросившего (не смог понять). Поэтому у отвечающего на переспрос положительной верификацией есть несколько возможных тактик:

- как бы не заметить речеактивной сущности переспроса, ответить как на обычный вопрос — при помощи копирующей верификации или слова *да*;
- возложить вину за коммуникативную неудачу на переспросившего — тогда
- чаще всего выбирается ответ *ну да*, слегка подчеркивающий бестолковость переспросившего;
- смягчить ситуацию, взяв вину за коммуникативную неудачу на себя, выбрав наиболее вежливую, мягкую форму подтверждения — ответить при помощи «*да-да 1*».

Ответ последнего типа как бы свидетельствует о том, что Г чувствует свою вину за то, что нечеткостью (дикцией или формулировки) своей предыдущей реплики вынудил С к переспросу, желает как можно скорее ликвидировать ситуацию, которая может привести к раздражению С.

Поэтому, например, именно при помощи «*да-да 1*» отвечает интеллигентный москвич продавцу или кассиру в магазине, официанту в кафе или приемщице в прачечной, когда — а это бывает довольно часто — возникает ситуация переспроса: возможно, это следствие сознания социальной зависимости обслуживаемого от обслуживающих:

(11) В прачечной: — Фамилия? — Клевцов. — Кривцов? — *Нет-нет*, Клевцов.

— Через «л» что ли? — *Да-да*, и через «е». [Из устной речи (1992)].

4. То же самое специфическое значение вежливости и поспешности сохраняют удвоенные слова, когда используются для выражения неверификативного значения. Поэтому такие конструкции часто используются в высказываниях со значением согласия / отказа или разрешения / неразрешения. Например, «*да-да 1*» является стандартной доброжелательной реакцией на стук в дверь (просьбу разрешить войти):

(12) – *Да, да*, войдите, – на этот раз Лариса обернулась неспешно, демонстративно не выпуская руки Коломнина из маленькой своей ладошки. [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003), НКРЯ].

А вот *нет-нет* со значением отказа:

(13) Наконец выловил одну спичку и, замахиваясь ею, как саблей, пытался чиркнуть по коробку. – Дайте, я сам, – сказал незнакомец. – *Нет-нет*, – сказал прокурор. – Я хочу проявить ува... ува... уваже... [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975), НКРЯ]

5. Рассматриваемые удвоенные формы не могут употребляться в таких контекстах, когда очевидно, что ответ противоречит интересам спрашивающего или просто невежлив. Т. е. на вопрос *Я тебе надоел?* нормален ответ *нет-нет*, вполне возможен ответ *да*, но невозможен ответ через «*да-да 1*», хотя возможен через «*да-да 3*», см. ниже, пример 20.

Итак, свойство слова *да* приобретать дополнительное прагматическое значение при удвоении оказывается общим для определенных слов, являющихся стандартной диалогической реакцией, а также для некоторых случаев копирующего ответа. Именно существование «*да-да 1*» с его специфическим значением послужило появлению в языке глагола *поддакивать*; другие способы произнесения *да* не могут описываться этим глаголом, как это будет показано ниже.

3.1.2. «*Да. Да-да*» или «*да-да 2*»

Совсем другое значение имеет «*да-да 2*». Так будут называться сочетания следующего характера: состоящие из не менее трех *да*, первое из которых либо произносится в отдельное слово с паузой перед остальными, либо имеет особый акцент (усиленное, с нажимом [д] и долгое [а]), а остальные *да* произносятся в одно слово с ударением на последнем; при этом первое *да* характеризуется нисходящим тоном, а последующие – ровным¹.

¹ Прошу прощения за почти безынформативные и наивные, с точки зрения специалиста, описания интонаций, но, хотя разные типы *да* безусловно различаются способом произнесения, здесь не ставится задача описать их просодию в специальной терминологии. Надеюсь, что приведенных описаний в сочетании с примерами окажется достаточно, чтобы было понятно, какие именно *да-да* име-

«*Да-да 2*» используется только в качестве подтверждения, т. е. в реакциях на утверждения (или на вопросы, содержащие отчетливо выраженное утверждение, предположение). Примеры:

(14) – Я вообще, когда преподаю русский, люблю, чтобы ученик английского не знал, чтобы общего языка не было. Тогда он хоть жестами, но по-русски должен объясниться...

– *Да. Да-да-да*. Лучше, когда есть абсолютная необходимость объясниться... [Из устной речи (1992)].

По-видимому, именно «*да-да 2*» «произносил» герой в следующем примере:

(15) – Где же спрятаны? – У тётки моей, Пороховниковой, на Пречистенке... – А! Это... постойте... это у Клавдии Ильиничны, что ли? – Да. – Ах *да, да, да!* Маленький особнячок? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

Предлагается такое описание дополнительного (по отношению к одиночному *да*) значения «*да-да 2*»:

«Г, сообщая в реакции на вопросительное или утвердительное высказывание W, совершенное С по поводу актуальной для данного момента коммуникации ситуации F, что Р истинно, сообщает также, что высказывание W уместно в данный момент коммуникации в качестве характеристики ситуации F».

То есть, произнося «*да-да 2*», Г этим демонстрирует С, что тот совершил, во-первых, правильное, а во-вторых, уместное высказывание, сформулировал именно то, что думает по этому поводу Г.

Это описание имеет следующее важное следствие: «*да-да 2*» содержит положительную оценку высказывания W (или самого С – за то, что он совершил высказывание W) со стороны Г, принимающего при этом свое собственное мнение (или знание) за точку отсчета. Поэтому это «*да-да 2*» не может употребляться в ситуации, когда, в связи с социальным положением, Г не имеет права оценивать С (действия С). Поэтому же «*да-да 2*» не оставляет впечатления ни «повышенной» вежливости, ни «повышенной» кооперативности и не может быть описано глаголом *поддакивать*. Поэтому же его невозможно подставить в пример 10 – ведь члены политбюро обязаны

ются в виду. Услышать четыре разных *да-да* можно, воспользовавшись Мультимедийным корпусом НКРЯ, примеры из которого приводятся ниже (3.1.5).

именно поддакивать Сталину, а не выносить суждение о верности его высказываний.

«*Да-да 2*» близко по значению к употребляемому в верификативном контексте ответу *вот именно*, при помощи которого не только верифицируют стимулирующее высказывание, но и выносят положительную оценку уместности этого высказывания, сообщают, что оно служит достижению того самого коммуникативного (перлокутивного) эффекта, к которому стремится Г:

(16) (Разговор Г. Вишневской, репетирующей роль Купавы, с режиссером.)

– А сколько Купаве лет?

– Не знаю, сейчас вот сама об этом думала. Должно быть, 16?

– *Вот именно*. Вы же девчонка, как и Снегурочка. [Г. Вишневская. Галина (1993)].

3.1.3. «*Да! Да! Да!*» или «*да-да 3*»

«*Да-да 3*» (как и «*да-да 4*») употребляется существенно реже, чем очень распространенные «*да-да 1*» и «*да-да 2*». Оно состоит из нескольких *да*: чаще всего – из трех, но возможно и два, и четыре, и больше; каждое *да* произносится в отдельное слово с нисходящим тоном и с повышенной эмоциональностью:

(17) – Почему до сих пор не обзвонили? Я же еще вчера сказал!

– (Раздраженно) Это я этим должна заниматься?

– (Раздраженно) *Да! Да! Да!* Это и есть твои служебные обязанности! [Из устной речи (1992)].

(18) – Ты хочешь сказать, что это я один во всем виноват?

– *Да! Да! Да!* Ты один! [Из устной речи (1991)].

(19) Автобус стоит на остановке и вот-вот уедет:

– Он до Ленинского идет? – *Да! Да! Да!* [Из устной речи (1991)].

(20) Подростки в компьютерном классе играют за соседними машинами:

– Взрывать их как? – Да подожди ты! – Тебе ответить трудно?

– *Да! Да!* Отстань хоть на две минуты! [Из устной речи (1992)].

Такое *да-да* звучит резко, часто в нем выражено раздражение (или просто волнение, как в примере 19, где требуется, чтобы до спрашивающего ответ успел дойти раньше, чем уедет автобус), проявляется

стремление давить на собеседника. Предлагается следующее описание дополнительного (по отношению к одиночному *да*) значения «*да-да 3*»:

«Г, давая положительный верификативный ответ, сообщает также, что понимает, что его ответ может иметь определенные следствия, и, учитывая это, все равно отвечает именно так».

3.1.4. «*Да-а... Да*» или «*да-да 4*»

Последнее *да-да*, которое будет рассмотрено, «*да-да 4*», состоит из первого *да*, произносящегося отдельно, с удлинением [а] и с нисходяще-восходящим тоном, создающим впечатление незаконченности, и второго, обычного утвердительного, с нисходящим тоном. Примеры:

(21) – Ты еще успеваешь доехать? – *Да-а... да*. [Из устной речи (1992)].

(22) Преподаватели обсуждают учеников-старшеклассников.

– А Тёме мы медаль окончательно геометрией загубили, тройкой? Уже ничего не сделать? – *Да-а... да*. [Из устной речи (1991)].

Первое, что бросается в глаза при анализе этих ответов, – некоторая неуверенность отвечающего. Эта «неуверенность» выражена первым *да-а*, а потом вторым *да* как бы снимается. Таким образом, хотя я и считаю, что это словосочетание – устойчивая формула, бытующая в языке, тем не менее можно предположить, что ее значение составляется из значений двух *да*, «незаконченного» и «обычного». «Незаконченное» *да* действительно может использоваться и изолированно:

(23) – Ты уже собираешься? – *Да-а...* [Из устной речи (1991)].

(24) ...успокоил Коровьев, и какие-то бумаги и книги оказались у него в руках, – история болезни вашей? – Да. Коровьев швырнул историю болезни в камин. – Нет документа, нет и человека, – удовлетворенно говорил Коровьев, – а это – домовая книга вашего застройщика? – *Да-а...* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940), НКРЯ].

С одной стороны, очевидно, что такое *да* не обозначает неуверенность как таковую. Между тем, это явно не нейтральное словоупотребление, какое-то дополнительное значение в нем есть. Такое употребление часто влечет переспрос:

(25) Г и С, идя по улице, обсуждают празднование дня рождения общего друга, на котором Г был, а С — нет: — А Лешка пришел? — *Да-а...* — Пришел? — Да. Я смотрю, не надо ли нам на тот автобус побежать. Ладно, ну его. Пришел Лешка... [Из устной речи (1992)].

(26) Г читает книгу, в его комнату входит С (сосед по общежитию) и спрашивает: — Можно ваш чайник взять. У нас гости... — *Да-а...* — Что, он нужен? Или можно? — Да-да, можно. [Из устной речи (1991)].

Предполагаю, что такое *да* во всех употреблениях обозначает «вполне уверенную» верификацию, но сигнализирует, что в данный момент внимание отвечающего отвлечено, что отвечающий не полностью включен в коммуникацию.

То есть сочетание *да... да* можно трактовать как проявление следующего процесса: сначала отвечающий реагирует положительной верификацией, не будучи при этом полностью включенным в коммуникацию, так как его внимание чем-то отвлечено, и поэтому использует «незаконченное» *да*, а затем, кончив обдумывать то, что его отвлекало, включается в коммуникацию и снова подтверждает свой ответ уже обычным *да*.

Тогда следовало бы считать, что никакого устойчивого сочетания не существует, а есть два разных *да* и пауза между ними, во время которой конситуация успевает измениться (отвечающий включается в коммуникацию), что и обозначается вторым *да*. Но дело в том, что пауза между первым, незаконченным *да...* и вторым может быть настолько мала, что странно считать, что за этот промежуток отвечающий действительно успевает что-то обдумать. Поэтому все же *да... да* — это устойчивая формула с собственным значением, а описанный выше процесс — только пояснение к тому, как такая формула с таким значением могла возникнуть, описание внутренней формы (мотивированности) устойчивого сочетания.

И если для изолированного «незаконченного» *да-а* причина невнимания отвечающего может быть любой, то для устойчивого словосочетания *да-а... да* («*да-да* 4») эта причина фиксированна — отвечающий обдумывает стимулирующую реплику. Предлагается следующее описание:

«Г, давая положительный верификативный ответ на стимулирующее высказывание *W*, сообщает также, что высказывание *W* вызвало у

него желание обдумать *P*, хотя он и мог сразу, не задумываясь, утверждать, что *P* истинно».

Значение словосочетания «*да-да* 4» более всего сходно со значением слова *пожалуй*, которое, будучи использовано в верификативном контексте, обозначает, что Г, до того как воспринял стимулирующее высказывание, не знал, истинно ли *P*, но, восприняв это высказывание и обдумав проблему, пришел к выводу, что *P* истинно:

(27) — Титул чемпиона Москвы — высшее твое «взрослое» достижение? — *Пожалуй*. Это один из сильнейших турниров, который я выиграл. [Олег Перваков. На верном пути (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.05.15, НКРЯ].

3.1.5. Четыре типа поддакивания в Мультимедийном корпусе

Когда в 1991–1993 гг. собирался материал, на котором основан этот раздел, Национального корпуса русского языка еще не существовало и невозможно было даже представить себе ничего, сравнимого с его Мультимедийным корпусом. Воспользовавшись чудесными благами современности, приведу примеры из Мультимедийного корпуса (на языке создателей — из «Мурки»), чтобы заинтересованный читатель мог, прослушав их, предпринять попытку разобраться, какое интонирование имеется в виду¹.

Итак, предлагаю различать четыре вида употребления повторяющегося *да*.

1. «*Да-да* 1» или «*Да-да* повышенной кооперативности». Характеризуется ровным тоном и произносится в одно слово. Это очень частотное *да-да*, его легко встретить в речи и опознать, в «Мурке» оно встречается очень часто, поэтому приведу только один пример:

¹ Корпусные исследования употребления *да* в устной речи, имеющие несколько иную проблематику, чем рассмотренная здесь, в последние годы проводились создателем Мультимедийного корпуса Е. А. Гришиной, см.: Гришина Е. А. Повторы *да* и *нет* в русском устном диалоге // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва, 20–23 марта 2010 г.; Гришина Е. А. *Да* в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 5 (2). С. 169–207.

(28) [Девушка-ассистент, жен] Алексѣй / пожа́луйста / у на́с мину́та до э́фи́ра!

[Алексей Кортнев, муж, 42, 1966] *Да́-да́*. [Дмитрий Дьяченко и др. День радио, к/ф (2008), НКРЯ, «Мурка»].

2. «*Да-да* 2» или «*Да. Да-да* подтверждающее». Характеризуется падением тона на первом *да* и ровным тоном на последующих, произносится либо в одно слово, либо – реже – в два, с отделившимся первым *да*:

(29) [Информант, жен] А́! Не́т / в се́лах вы́ имее́те в виду́? [Гость 1, жен] Да́-да́-да́ // [Информант, жен] О́й! Во́т в э́тих... где́... откуда́ мы́ вози́ли дете́й?

[Гость 2, жен] *Да́ / да́-да́* // [Школы в деревнях (Сальское) (2010), НКРЯ, «Мурка»].

(30) [Кто-то из торговок] Где́ ра́ньше расче́тная была́ //

[Женщина1, жен] Ага́ / где́ де́тская библиоте́ка //

[Женщина2, жен] *Да́ да́ да́!* Где́ де́тская библиоте́ка // [Разговор на рынке о Дальнегорске в прошлом и настоящем (2009), НКРЯ, «Мурка»].

(31) [Шестой, Юрий Стоянов, муж, 50, 1957] Прості́те / пожа́луйста. Вы́ не по́мните/

ка́к я́ во́т... в по́следний ра́з голосова́л?

[Четвертый, Валентин Гафт, муж, 72, 1935] А́ / ко́гда ва́м...

[Шестой, Юрий Стоянов, муж, 50, 1957] *Да́-да́-да́-да́*...

[Никита Михалков и др. Двенадцать, к/ф (2007), НКРЯ, «Мурка»].

(32) [Тимати (Тимур Юнусов), муж, 23, 1983] Дава́й.

[Фотограф, муж] *Да́-да́-да́-да́*. Хорошо́. Еше́. Отли́чно / еше́. Да́ / дава́й-дава́й.

Хорошо́. [Резо Гигинейшвили. Жара, к/ф (2006), НКРЯ, «Мурка»].

(33) [Алексей Расторгуев, муж, 52, 1951] И́стина где́-то ря́дом.

[Александр Гордон, муж, 39, 1964] *Да́-да́-да́*. [Жизнь звездных систем. Программа «Гордон» (НТВ) (2003), НКРЯ, «Мурка»].

3. «*Да-да* 3» или «*Да! Да! Да!* настаивающее». Характеризуется падением тона на каждом *да* и произнесением каждого *да* как отдельного слова:

(34) [Макс, Максим Виторган, муж, 35, 1972] Тш. Сла́в / случи́лось что́? Сла́в / ну да́?

[Слава, Ростислав Хаит, муж, 36, 1971] Ма́кс / ну́...

[Макс, Максим Виторган, муж, 35, 1972] Сла́ва / ну да́?

[Слава, Ростислав Хаит, муж, 36, 1971] Ма́кс / иди́ на́ фиг.

[Макс, Максим Виторган, муж, 35, 1972] Сла́ва / ну да́?

[Слава, Ростислав Хаит, муж, 36, 1971] *Да́ / да́ / да́*.

[Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007), НКРЯ, «Мурка»].

(35) [Отец, Константин Лавроненко, муж, 42, 1961] Уби́ть тебя́?

[Андрей, Владимир Гарин, муж, 16, 1987] *Да́ / да́!* [Андрей Звягинцев и др. Возвращение, к/ф (2003), НКРЯ, «Мурка»].

4. «*Да-да* 4» «*Да-а... Да* задумчивое». Характеризуется нисходяще-восходящим тоном первого *да* и произнесением его как отдельного слова:

(36) [Мать Сергея, Ольга Тумайкина, жен, 36, 1972] Ты́ зна́ешь, дре́вний Хоре́зм... Го́род ветро́в... Исче́знувшая импе́рия. Её́ откры́л тво́й де́д.

[Сергей, Александр Ляпин, муж, 23, 1985] Краси́во. [Мать Сергея, Ольга Тумайкина, жен, 36, 1972] *Да́... Да́*. [Карен Шахназаров и др. Исчезнувшая империя, к/ф (2008), НКРЯ, «Мурка»].

* * *

Все четыре выделенные типа поддакивания – «*Да-да* повышенной кооперативности», «*Да. Да-да* подтверждающее», «*Да! Да! Да!* настаивающее» и «*Да-а... Да* задумчивое» – являются устойчивыми сочетаниями с определенным значением и входят как отдельные единицы в список средств выражения верификации современного русского языка.

3.2. Что значит слово *нет*?¹

Слово *нет* таит в себе много лингвистических загадок. С точки зрения семантики, проблемы, стоящие за словом *нет*, можно свести к трем основным².

Во-первых, удивительна синтаксическая омонимичность этого слова в сочетании с семантической монолитностью: синтаксически за *нет* скрываются как минимум две совсем разные единицы — предикатив и слово-предложение, — а семантически оно между тем является единой сущностью с очень сложным для трактовки значением. Носителями языка, в том числе лингвистами, *нет*, несмотря на многообразие своих функций, воспринимается как слово с цельным значением. Косвенным подтверждением этого является то, что в толковых словарях слову *нет* посвящена одна словарная статья, тогда как признанно омонимичным словам, таким как *коса* или *да* (*да*-предложение, *да*-частица, *да*-союз), независимо от наличия / отсутствия частеречной омонимии в словарях отводится по нескольку статей.

Во-вторых, в одной из своих синтаксических функций *нет* имеет дублера — слово *нету*. Предикативы *нет* и *нету* взаимозаменяемы практически во всех контекстах, и поэтому их синонимия

¹ На основе материалов данного раздела опубликована статья: Добрушина Е. Р. Что значит *нет*? // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселевой и Д. Пайара. М., 2003. С. 146–193.

² Также слово *нет* «со всеми тонкостями его употребления в диалогических реакциях» особенно интересно в типологическом аспекте: Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 261. С типологической точки зрения русское *нет* рассматривается в работах И. Б. Левонтиной и Д. О. Добровольского, см.: Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать *нет* (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 400–410; Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». М., 2009. № 8 (15). С. 97–101; Dobrovolskij D., Levontina I. YES and NO: Universal Ideas in Language Specific Configurations // Meaning-Text-Theory. 4th International Conference. Montreal, 2009; Dobrovolskij D., Levontina I. Russian NET vs. German NEIN «NO»: a semantic approach // Russian Linguistics. 2012. № 36. P. 213–219.

производит впечатление полной, возможно единственной таковой в русском языке, по крайней мере для предикативов.

В-третьих, в русском языке необычно организовано соотношение слов-предложений *да* и *нет*. В определенных контекстах они представляются имеющими очень сходные функции и с точностью до антонимичности сходную семантическую структуру. Но в других контекстах оказывается, что они ведут себя совсем не симметрично. Почему, например, в реальных текстах не встречается контекстов типа **скорее всего, он не поедет, но может быть, и да*, хотя часто встречаются контексты типа *скорее всего, он поедет, но может быть, и нет*. Или: почему так по-разному функционируют *да* и *нет*, встречаясь с высказываниями, содержащими отрицание? Скажем, в качестве переспроса, выражающего сомнение или удивление, *нет* может использоваться только после утверждения, содержащего отрицательную частицу (— *Он не уехал. — Нет?* — но невозможно *— *Он уехал. — Нет?*), а *да* — после любого (— *Он уехал. — Да?* и — *Он не уехал. — Да?*). И почему, наконец, в ответах на вопросы с отрицанием *да* и *нет* могут значить одно и то же (— *Так он не уехал? — Да / Нет*)?

Данная работа посвящена поиску такого описания значения *нет*, которое помогло бы пролить свет на эти проблемы.

3.2.1. Сколько разных *нет* в русском языке?

С точки зрения принадлежности к частям речи на основе синтаксической позиции традиционно выделяется два *нет* — предикатив и слово-предложение¹, частью авторов называемое частицей. Так, в «Русской грамматике» 1982 г. выделены «предикатив *нет* (*Нет времени*)» и «слово *нет* как эквивалент отрицательного предложения или его главного члена, употребляющийся в ответных репликах или при противопоставлении: — *Он дома? — Нет; Все устали, а я нет*»², а «Грамматический словарь» А. Зализняка приписывает слову *нет* характеристики «предикатив» и «частица».

С точки зрения значения толковые словари делят это слово на *нет* в значении сказуемого и некоторое количество иных

¹ Существует также субстантивированное *нет* (*На нет* и *суда нет; пироги с нетом*), которое в данной работе рассматриваться не будет.

² РГ 1982. Т. 1. С. 402–403.

нет, в основном частиц разного типа. Вот какие значения выделяют основные словари, помимо *нет*-предикатива и *нет*-существительного:

В словаре Ожегова выделены *нет* в значении союза (...*так нет*, *ему все мало*) и три частицы *нет*: «просто» частица (*Нет, не согласен и Пойдешь или нет?*), *нет* «в значении усилительной частицы» (*Нет, ты только посмотри...*) и *нет* «в значении вопросительной частицы» (*Нет, в самом деле?*).

В МАС описаны четыре частицы *нет*: отрицательная частица, употребляющаяся в диалоге или при противопоставлении (*Нет, я не больна... и Обернется или нет?*); «просто» частица, употребляющаяся в повествовании (*Нет, весь я не умру...*); усилительная частица (*Нет, ты погляди... и Каким семейством бог наградил этого человека: нет, подай ему Августину Христиановну!*); вопросительная частица (*Нет, право?* и *А позвольте узнать: сколько числом? – Душ восемьдесят. – Нет? – Не стану лгать, батюшка*).

В БАС, описывающем *нет* наиболее подробно, помимо предикатива и субстантивированного *нет* выделяется еще четыре типа *нет*, только первый из которых назван частицей:

- отрицательная частица с восьмью разными значениями;
- *нет* «в значении неполного предложения при отрицательных ответах на вопросы»;
- *нет* «в значении эквивалента, заменителя слова, словосочетания и целого предложения с отрицанием (при противопоставлении)» (*Ты считаешь Вронского аристократом, но я – нет*);
- *нет* «в значении уступительного союза» (см. выше пример про *Августину Христиановну*).

Исходя из поставленной в данной работе задачи разобраться в семантике *нет*, удобно разделить все основные контексты с *нет* на типы не по семантическому, а по синтаксическому признаку, чтобы первоначальное деление не навязало трактовки значения. Синтаксически *нет* используется в трех разных позициях:

- в позиции безличного предикатива, в которой *нет* управляет родительным падежом существительного;
- в изолированной позиции, в которой *нет* на письме или оформляется как отдельное предложение, или отделяется запятыми, подобно вводному слову;

- в позиции фрагмента предложения, в которой *нет* становится своеобразным аналогом сокращающего заменителя части предложения, вторая часть которого остается без изменения и связана с *нет* такими синтаксическими связями, которыми была бы связана с «зашифрованной» им частью (ср. связь именительного падежа местоимения «я» со словом *нет* в *Ты считаешь Вронского аристократом, но я – нет*).

Для удобства обсуждения далее *нет* в зависимости от вышеописанных позиций будет обозначаться следующими ярлыками: «*нет*-предикатив», «*нет*-изолированное» и «*нет*-замена».

3.2.2. Исходные позиции автора при описании значений

Прежде чем перейти к обсуждению значения *нет*, стоит уточнить исходные позиции по отношению к семантическим описаниям. Здесь будет использован подход, родившийся в результате применения к данному русскому языку методов французской школы формальной семантики, в основе которых находятся работы Антуана Кюльоли; о русском языке в этом духе писали Д. Пайар и К. Киселева¹. Изложу в виде тезисов свое понимание той части этого подхода, которая отражена в данной работе.

1. Значения всех реальных высказываний формируются на основе происходящего в рамках данного высказывания взаимодействия между всеми составляющими его значимыми единицами, такими как морфемы, слова, грамматические формы, синтаксические конструкции и др.

2. За каждой значимой единицей языка стоит некоторая **семантическая абстракция**, определяющая семантическую идентичность этой единицы во всех возможных контекстах и порождающая любое конкретное значение данной единицы в результате **взаимодействия с контекстом**.

3. Семантические абстракции, соответствующие значимым единицам языка, не могут быть абсолютно адекватно истолкованы

¹ См., например: *Киселева К., Пайар Д.* Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. М., 2003. С. 8–26.

на естественном языке, так как единственное полностью адекватное обозначение их на естественном языке совпадает с самой единицей. Поэтому, формулируя содержание таких абстракций, можно больше или меньше приблизиться к отражению их сути, но любое толкование будет не окончательным и сможет быть улучшено.

4. Семантические абстракции, определяющие идентичность слов или морфем, будут называться формальными схемами. **Формальная схема** — это такое описание значения, которое непосредственно не соответствует ни одному из конкретных значений данной единицы, но из которого на основе взаимодействия с другими единицами образуются все конкретные значения данной единицы. Формальные схемы могут быть разных типов (иметь разные структуры) в зависимости от типа единицы, в частности, по-видимому, в зависимости от характеристики слова как части речи. Взаимодействия формальных схем в реальных высказываниях подчиняются определенным общим правилам.

5. Нельзя говорить о значении слова или морфемы, не учитывая взаимодействия с контекстом, так как именно от контекста зависит значение. Можно выделить для слова или морфемы такой ряд различных типов контекстов, что во всех контекстах одного определенного типа данная единица будет принимать сходные значения, так как будет взаимодействовать с элементами контекста по одним и тем же правилам. Значение, принимаемое единицей в контексте определенного типа, будет называться **типом употребления языковой единицы**. Тип употребления — это отдаленный аналог понятия «одно из значений многозначной единицы», в частности, тип употребления слова — это отдаленный аналог термина «лексико-семантический вариант» или термина «лексема», когда им обозначается «слово, взятое в каком-то одном из своих значений». Но типы употребления выделяются на основе иных критериев, чем значения многозначных единиц, а именно на основе вклада контекста в формирование значения данной единицы в высказывании.

6. Помимо типов употребления, объединяющих сходные по каким-то семантическим свойствам контексты, выделяются типы употребления, соответствующие индивидуальному взаимодействию данной единицы

с другой единицей или с несколькими. Задача составить завершённый список типов употребления конкретной единицы, имеющей сложную структуру значения, представляется утопической, впрочем, так же как и задача создать законченный перечень лексем многозначного слова. Причина в том, что при каждом попадании единицы в новый контекст на основе взаимодействия с ним может возникнуть новое значение. Реально можно говорить о выделении основных типов употребления и об анализе некоторого количества индивидуальных типов употребления.

3.2.3. *Нет*-изолированное

3.2.3.1. Предварительный анализ значения

Контекст, в первую очередь ассоциирующийся с *нет*-изолированным, это ответ на вопрос, скажем, в таком диалоге: — *Он уехал?* — *Нет*. Сходное значение у *нет* в реакции на утверждение: — *Он уехал.* — *Нет*. Такое *нет* хочется трактовать как означающее точку зрения, обратную предыдущей. Может быть, значение *нет* базируется просто на введении пропозиции, совпадающей с уже введенной во всем, кроме отрицания?

Такое представление оказывается разрушенным, как только рассматривается контекст с отрицанием в том высказывании, реакцией на которое является *нет*. Поскольку отрицание в общем вопросе само по себе является проблемой, подлежащей обсуждению, возьмем в качестве примера *нет* как реакцию на утверждение с отрицанием: — *Он не уехал.* — *Нет*. Здесь *нет* оказывается подтверждением реплики, а не опровержением, как это было в предыдущем примере. Если считать, что *нет* и здесь вводит пропозицию, то ясно, что эта пропозиция совпадает с предыдущей во всем вплоть до отрицания. Может быть, *нет* всегда означает пропозицию, включающую отрицание?

Здесь придется прервать обсуждение, чтобы ввести терминологию, позволяющую говорить о соотношениях единиц, включающих и не включающих отрицательную частицу:

Позитивным предложением / высказыванием / фрагментом / пропозицией будем называть соответствующие единицы, не включающие отрицательную частицу *не*. Пример: предложение *Она красива* является позитивным.

Негативным предложением / высказыванием / фрагментом / пропозицией будем называть соответствующие единицы, включающие отрицательную частицу *не*. Пример: предложение *Она некрасива* является негативным.

Аналогом единицы *х* будем называть единицу, имеющую такое же пропозициональное значение, как *х*, но входящую в другое высказывание, возможно имеющее иную, чем высказывание с *х*, иллюкутивную функцию. Пример: высказывание *Она красива* является аналогом высказывания *Она красива?*

Отрицательным аналогом единицы *х* будем называть единицу с таким же пропозициональным значением, как *х*, но с изъятым отрицанием для негативного *х* и с добавленным отрицанием для позитивного *х*. Пример: высказывание *Она красива* является отрицательным аналогом высказываний *Она некрасива* и *Она некрасива?*

Положительным аналогом будем называть то же, что и просто аналогом, в ситуации, когда надо подчеркнуть отличие аналога от отрицательного аналога. Пример: высказывание *Она некрасива* является положительным аналогом для высказывания *Она некрасива?* и отрицательным для *— Она красива?*

Позитивным аналогом *х* будем называть аналог *х* для позитивного *х* и отрицательный аналог *х* для негативного *х*. Таким образом, позитивный аналог никогда не содержит отрицания. Пример: высказывание *Она красива* является позитивным аналогом высказываний *Она некрасива* и *Она красива?*

Негативным аналогом *х* будем называть аналог *х* для негативного *х* и отрицательный аналог *х* для позитивного *х*. Таким образом, негативный аналог всегда содержит отрицание. Пример: высказывание *Она некрасива* является негативным аналогом высказываний *Она красива* и *Она некрасива?*

Итак, в начале этого раздела от предположения, что слово *нет* означает отрицательный аналог предыдущего высказывания (противостоит по отрицанию), пришлось перейти к предположению, что *нет* означает негативный аналог (всегда содержит отрицание), положительный (сохраняющий отрицание) для негативных высказываний и отрицательный (меняющий отрицание) для позитивных высказываний.

Это предположение также оказывается разрушенным, как только в рассмотрение вводятся контексты, в которых *нет* является реакцией

на негативное высказывание, а за *нет* следует явно связанное с ним утверждение: — *Он не уехал.* — **Нет**, он уехал. /— *Он не уехал.* — **Нет**, он не уехал. В первом из этих случаев *нет* является опровержением, во втором — подтверждением; являясь в обоих случаях реакцией на негативное утверждение, в первом *нет* вводит позитивное утверждение (отрицательный позитивный аналог), во втором — негативное (положительный негативный аналог).

Видно, что *нет* по-разному соотносится с высказыванием (обозначим его \hat{A}), на которое является реакцией, в случае, когда употребляется само по себе (— *Он не уехал.* (\hat{A}) — **Нет**), и в случае, когда присоединяется к другому, следующему за ним высказыванию (обозначим его A), также являющемуся реакцией на \hat{A} : — *Он не уехал.* (\hat{A}) — **Нет**, он уехал. (A). Значит, важно отдельно рассматривать *нет* в двух позициях: употребляющееся как самостоятельное высказывание, возможно являющееся ответной репликой диалогического единства, и находящееся в начале высказывания. Также важно отдельно рассмотреть *нет* и по отношению к высказыванию, находящемуся в препозиции (\hat{A}), и по отношению к высказыванию в постпозиции (A). Возможно, значимо и соотношение двух высказываний, окружающих *нет*.

Уточним смысл введенных обозначений A и A' — это высказывания или фрагменты высказываний, которые непосредственно связаны со значением *нет*: следующий за *нет* фрагмент будет обозначаться A , а предшествующий *нет* фрагмент — A' : — *Он не уехал.* (A') — **Нет**, он уехал. (A) / *Завтра утром* (A'), **нет**, *на рассвете я встречу с ним.* (A).

Понятие «непосредственно связаны со значением *нет*» ориентировано на выделение сферы действия *нет*, но при отсутствии гипотезы о значении *нет* строго определить это понятие невозможно. Пока придется ориентироваться на интуицию. Опыт работы с носителями языка показывает, что в большинстве случаев наличие / отсутствие такой связи определяется легко. Так, например, ясно, что в диалоге — *Ты мне поможешь?* — **Нет!** *И не проси меня больше* предложение *И не проси меня больше* не связано непосредственно со значением *нет*, а предложение *Ты мне поможешь* связано. Отчасти может помочь то, что в большинстве авторских текстов отсутствие непосредственной связи *нет* с последующим фрагментом очень последовательно демонстри-

руется выделением *нет* в отдельное предложение. Так, маловероятна постановка запятой вместо восклицательного знака или точки в предыдущем примере.

Рассмотрим соотношения *нет*, \dot{A} и A при помощи трех таблиц: в первой рассмотрим отношение *нет* к предшествующему высказыванию (\dot{A}), во второй – к последующему высказыванию (A), в третьей – отношение последующего за *нет* высказывания (A) к предшествующему (\dot{A}). Для этого определим, позитивная или негативная пропозиция стоит за *нет*, за \dot{A} и за A.

Таблица 6. Отношение *нет* к предвысказыванию \dot{A}

Варианты употребления нет	Хар-ка <i>нет</i>	Хар-ка \dot{A}	Отношение <i>нет</i> к \dot{A}
Самостоятельное нет			
– Он уехал? – <i>Нет</i> .	Негат.	Позит.	Негат., отр.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> .	Негат.	Негат.	Негат., полож.
Нет при поствысказывании			
– Он уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Позит.	Негат., отр.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , уехал.	Позит.	Негат.	Позит., отр.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Негат.	Негат., полож.

Таблица 7. Отношение *нет* к поствысказыванию A

Варианты употребления <i>нет</i>	Хар-ка <i>нет</i>	Хар-ка A	Отношение <i>нет</i> к A
– Он уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Негат.	Негат., полож.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , уехал.	Позит.	Позит.	Позит., полож.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Негат.	Негат., полож.

Таблица 8. Отношение поствысказывания A к предвысказыванию \dot{A}

Варианты употребления <i>нет</i>	Хар-ка <i>нет</i>	Хар-ка A	Отношение <i>нет</i> к A
– Он уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Позит.	Негат., отр.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , уехал.	Позит.	Негат.	Позит., отр.
– Он не уехал? – <i>Нет</i> , не уехал.	Негат.	Негат.	Негат., полож.

Теперь видно, что в качестве самостоятельного высказывания *нет* представляет собой негативный аналог предвысказывания \dot{A} , в качестве же вводящего поствысказывание \dot{A} *нет* может по-разному соотноситься с предвысказыванием \dot{A} , но всегда является положительным аналогом поствысказывания \dot{A} . При этом в случае наличия и пред-, и поствысказывания отношение *нет* к предвы-

сказыванию \dot{A} совпадает с отношением поствысказывания \dot{A} к предвысказыванию \dot{A} .

Итак, на основе рассмотренного круга примеров, небольшого по отношению к кругу возможных контекстов с *нет*, можно предположить следующее. *Нет* является негативным аналогом предвысказывания всегда, когда не существует поствысказывания, и всегда является положительным аналогом поствысказывания. Из этого можно сделать вывод о том, что значение последующей части высказывания, начинающегося с *нет*, определяет значение *нет*, а при отсутствии такой части значение *нет* выводится из предыдущего высказывания как негативный аналог. Этот вывод следует проверить на более полном круге контекстов.

3.2.3.2. Типы контекстов для *нет*-изолированного

На основе предварительного анализа стало ясно, что для значения *нет* важны следующие свойства контекста:

- находится ли *нет* в начале высказывания, в конце, в середине или представляет собой отдельное высказывание;
- если *нет* входит в состав высказывания, то позитивное это высказывание или негативное;
- является ли *нет* реакцией на другое высказывание, и если да, то на позитивное или на негативное;
- если *нет* входит в состав высказывания, то вопросительное это высказывание или утвердительное.

Влияние первых трех свойств окружающего контекста на значение *нет* было продемонстрировано в предыдущем разделе, поэтому здесь приведу пример только для последнего свойства. Значимость речеактных функций включающих *нет* высказываний хорошо видна для *нет*, стоящего в конце высказываний. Поведение *нет* в такой позиции оказывается разным в зависимости от того, является ли включающее его высказывание вопросом или утверждением. В частности, в вопросе *нет* может сочетаться и с позитивным, и с негативным высказыванием (*Он уехал, нет?* / *Он не уехал, нет?*), в утверждении – только с негативным (*Он не уехал, нет* / при невозможности **Он уехал, нет*).

Теперь следует рассмотреть систему возможных контекстов с *нет*, учитывая выделенные признаки контекстов и пытаясь разобраться

в том, какое значение вносит *нет* в каждый контекст. Для каждой группы контекстов будут указываться невозможные сочетания, чтобы при анализе было легче учитывать отрицательный материал.

Отмечу сразу, что *нет*, завершающее второе высказывание монолога или диалогического единства, никогда не бывает связано с первым высказыванием, даже если входит в высказывание-реакцию. То есть *нет* в утверждении *Он не уехал*, *нет* будет выполнять одинаковую функцию независимо от того, является ли это высказывание ответом на позитивный вопрос, на негативный или вовсе не является ответом, а сообщением или подтверждением. То же самое относится и к позиции *нет* в середине предложения. Поэтому при классификации контекстов предшествующая *нет* реплика будет учитываться, только если *нет* находится в начале следующего высказывания.

Ниже последует перечисление и краткое обсуждение 29 контекстов с *нет*. Чтобы в них было легче ориентироваться, приведу классификацию, определившую порядок перечисления:

Тип I. *Нет* в высказываниях, являющихся второй репликой диалогического единства (ответное *нет*), — как самостоятельное высказывание и в начале высказываний: контексты [1]–[18], а именно:

Подтип I.1. *Нет* в утверждениях, являющихся реакциями на утверждения (в опровержениях и подтверждениях): контексты [1]–[5].

Подтип I.2. *Нет* в вопросительных реакциях на утверждения (в переспросах): контексты [6]–[7].

Подтип I.3. *Нет* в ответах на вопросы: контексты [8]–[14].

Подтип I.4. *Нет* в реакциях на побуждения: контексты [15]–[18].

Тип II. *Нет* как самостоятельное высказывание без речевого контекста: контекст [19].

Тип III. *Нет*, начинающее неотвечное высказывание: контексты [20]–[23].

Тип IV. *Нет*, завершающее высказывание: контексты [24]–[27].

Тип V. *Нет*, стоящее в середине высказывания: контексты [28]–[29].

Тип VI. Отрицательные контексты с *нет* (контексты, в которых употребление *нет* невозможно) — раздел 3.2.3.4.

Тип I. *Нет* в высказываниях, являющихся второй репликой диалогического единства, — как самостоятельное высказывание и в начале высказываний.

Подтип I.1. *Нет* в утверждениях, являющихся реакциями на утверждения (в опровержениях и подтверждениях).

[Контекст 1] *Нет* как самостоятельное высказывание в реакциях на позитивные утверждения (в опровержениях).

[1] — *Он уехал.* — *Нет.*

В таком контексте *нет* означает негативное утверждение, являющееся отрицательным аналогом *А*. В примере [1] *А* = *Он уехал* и *нет* означает «Он не уехал». В следующем примере *А* = *Вот какая странная история!* и *нет* означает: «Эта история не странная», и далее следует обоснование.

(1) — *Вот какая странная история! — Нет! Я не согласен с вами! — воскликнул я горячо. — У вас так хорошо в театре, что, будь я на месте генерала, я поступил бы точно так же...* [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

Для контекстов типа [1] характерно наличие обоснования, особенно когда, как в примере 1, стимулирующая реплика выражает мнение, оценку. Одинокое *нет* без разъяснений как реакция на оценочную реплику чаще всего привело бы к коммуникативной неудаче, последовал бы переспрос: «*Что “нет”?*» Видимо, из-за того что утверждения, особенно оценочные, в отличие от вопросов, не предполагают верифицирующей реакции, связь *нет* с предыдущей репликой в подобных случаях недостаточно очевидна и должна быть подкреплена дальнейшим контекстом.

Значение *нет* в этом примере не связано непосредственно с высказыванием *Я не согласен*, что косвенно подтверждается постановкой восклицательного знака после *нет*. О таких высказываниях, как *Нет, я не согласен с вами!* см. тип контекста [21].

[Контекст 2] *Нет* в начале высказывания в реакциях на позитивные утверждения (в опровержениях).

[2] — *Он уехал.* — *Нет, он не уехал.*

[2а] — *Он уехал.* — *Нет, он здесь.*

(2) — *Лопать захочет — придет,* — уверенно сказал Дауге. — Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

– **Нет**. Не придет она, Гриша [А. и Б. Стругацкие. Путь на Амальтею (1957–1959)].

В таком контексте высказывание А либо является негативным аналогом \hat{A} , либо означает ситуацию, несовместимую с \hat{A} (случай [2a]). Если в предыдущем контексте **нет** само вводило негативную альтернативу \hat{A} , то здесь это сделано и без его участия: альтернатива утверждается в А – во второй части включающего **нет** высказывания. В чем же функция **нет**?

Чтобы разобраться в этом, необходимо решить вопрос, чем отличается высказывание с **нет** от аналогичного без **нет**. Чем отличается пример [2] от примера [2'], а пример [2a] от примера [2á]?

[2'] – Он уехал. – Он не уехал.

[2á] – Он уехал. – Он здесь.

На первый взгляд отличие в том, что опровержение, включающее **нет**, звучит более резко, подчеркивает неправоту собеседника¹. Причина этого в следующем: опровержение повтором просто констатирует определенный факт; опровержение, включающее **нет**, подчеркивает, что вводимый факт противоположен тому, который введен собеседником. Это хорошо видно при сравнении [2a] и [2á]: в [2á] ничто не задает идею спора, говорящий просто сообщает другую информацию на тему, заданную собеседником. В [2a] за счет наличия **нет** подчеркнуто, что утверждение *Он здесь* является противостоящим утверждению собеседника *Он уехал*.

Итак, **нет** в таком контексте подчеркивает несовместимость двух альтернатив: \hat{A} и А.

[Контекст 3] **Нет** как самостоятельное высказывание в реакциях на негативные утверждения (в опровержении).

[3] – Он не уехал. – **Нет**.

В таком контексте **нет** означает негативное утверждение, являющееся аналогом \hat{A} : в примере [3] \hat{A} = *Он не уехал* и **нет** означает подтверждение: «Он не уехал». Ограничивается ли этим значение **нет**?

¹ Термины «говорящий» и «собеседник» будут использоваться следующим образом: говорящим будет называться тот, кто произносит высказывание с рассматриваемым **нет**, собеседником – другой участник диалога.

Чтобы разобраться в этом, надо ответить на вопрос, чем отличается в таком контексте высказывание, состоящее из **нет**, от высказывания, состоящего из повтора:

[3'] – Он не уехал. – *Не уехал*.

Подтверждение при помощи **нет** кажется более сильным, более настойчивым. Причина этого в том, что **нет** вносит элемент спора с обратным утверждением: **нет** подчеркивает, что допущение *Он уехал* существует, хотя оно и неверно. **Нет** означает: то, что *он не уехал*, имеет место, и это утверждается с учетом актуальности альтернативы *он уехал*.

Повторяющая реплика (*Не уехал*) и начальное утверждение \hat{A} идею актуальности позитивной альтернативы не вводят. Впрочем, по-видимому, любое высказывание, содержащее отрицание, каким-то образом вводит позитивную альтернативу, но вовсе не обязательно в качестве актуальной.

Итак, в таком контексте **нет** означает негативное утверждение, являющееся аналогом \hat{A} , и актуальность утверждения, являющегося позитивным аналогом \hat{A} .

[Контекст 4] **Нет** в начале позитивного высказывания в реакциях на негативные утверждения (в опровержении).

[4] – Он не уехал. – **Нет**, уехал.

Высказывание А либо является негативным аналогом \hat{A} (пример 3), либо описывает ситуацию, несовместимую с \hat{A} (пример 4: \hat{A} = *он никого не слушает* и А = *он слушает трех человек*).

(3) – Но, видите ли, дело происходит в гражданскую войну...

Кинжалы уже не применялись...

– **Нет**, применялись, – возразил Иван Васильевич, – мне рассказывал этот... как его... забыл... что применялись... [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

(4) – Ведь нельзя же иметь дело с человеком, который никого не слушает!

– **Нет**, он слушает. Он слушает трех лиц: Гавриила Степановича, тетушку Настасью Ивановну и Августу Авдеевну [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

В чем отличие реплики, состоящей из **нет** и повтора, от повтора без **нет** ([4'] – *Он не уехал. – Уехал*)? Высказывание с **нет** резче, жест-

че, выразительнее, оно подчеркивает неправоту собеседника. Это можно объяснить так: как и в контексте [2], *нет* выделяет тот факт, что говорящий вводит утверждение, отрицающее утверждение собеседника. Реплика, состоящая из повтора, это просто констатация факта, добавление в нее *нет* превращает ее в спор с собеседником.

Итак, *нет* в таком контексте подчеркивает несовместимость двух альтернатив: *А* и *А*.

[Контекст 5] *Нет* в начале негативного высказывания в реакциях на негативные утверждения (в подтверждении).

[5] — *Он не уехал. — Нет, не уехал.*

Отличие от аналогичного диалога без *нет* ([5'] — *Он не уехал. — Не уехал*) сходно с описанным для контекста [3]: *нет* вносит элемент спора с позитивным утверждением, хотя оно отсутствует в ближайшем контексте. *Нет* здесь вводит актуальность утверждения, являющегося позитивным аналогом *А*.

Подтип 1.2. Нет в вопросительных реакциях на утверждения (в переспросах).

Переспросы при помощи слов *нет* и *да* и при помощи повтора стимулирующей¹ реплики никогда не означают только переспрос — такой, который выражается репликами — *Что? — Как?* Ср.: — *Он уехал. — Что? / — Он уехал. — Уехал? / — Он не уехал. — Не уехал? / — Он уехал. — Да? / — Он не уехал. — Да? / — Он не уехал. — Нет?*

Если *что* при нейтральной интонации просто просит повторить неслышанное, то слова *нет*, *да*, так же как и повтор, в каком-то виде повторяют стимулирующую реплику, что свидетельствует о том, что говорящий ее расслышал. Повтор фрагмента реплики с вопросительной интонацией порождает такие значения, как удивление, несогласие, положительная или отрицательная оценка; что именно — отчасти уточняется интонацией, отчасти конситуацией, отчасти может остаться непроявленным. Таким образом, под видом переспроса вводится оценка: говорящий просит подтвердить услышанное, так как оно вызывает у него определенные эмоции.

¹ Термин «стимулирующая реплика» используется для обозначения первой реплики диалогического единства, вызвавшей рассматриваемую реплику.

Такой тип речевого акта можно назвать «эмоциональный переспрос».

Для определения значения *нет* интересны два момента: во-первых, почему *нет* работает как повтор, т. е. говорит о том, что реплика расслышана? Во-вторых, в чем отличие обозначаемой *нет* эмоциональной оценки от вводимой в таких же контекстах словом *да* или повтором?

То, что *да* и *нет* в переспросе работают так же, как и повтор, означают, что реплика расслышана, потому что определенным образом повторяют ее или ее фрагмент, можно объяснить только одним: они, как и повтор, вводят пропозицию, аналогичную прозвучавшей.

Нет без вводного слова в современной речи может быть переспросом только для негативных стимулирующих реплик (см. о *нет* с позитивной репликой в описании отрицательных контекстов, раздел 3.2.3.4, контекст [2*]). Отличия от переспроса с *да* и переспроса с повтором следующие.

Переспрос повтором (— *Он уехал. — Уехал?* и — *Он не уехал. — Не уехал?*) означает: подтверди свои слова, так как они вызывают у меня эмоциональную оценку (какую именно, следует искать в интонации или в конситуации).

Переспрос словом *да* (— *Он уехал. — Да?* и — *Он не уехал. — Да?*, а также — *Он уехал. — Да, уехал?* и — *Он не уехал. — Да, не уехал?*) означает: подтверди свои слова, так как мое представление об описанной ситуации другое (я не имею информации или имею другую информацию).

Переспрос словом *нет* (— *Он не уехал. — Нет?* и — *Он не уехал. — Нет, не уехал?*) означает: подтверди свои слова, так как актуальна позитивная альтернатива выраженного в них негативного утверждения.

Что касается высказываний со значением переспроса, состоящих из *нет* и вводного слова (— *Нет, правда?*), то в них значение переспроса вводится вводным словом, таким как *правда*, *действительно*, *в самом деле*, *точно*, а роль *нет* такая же, как в вопросах, начинаемых с *нет*. Ср.: — *Нет, это все правда?* и — *Нет, ты правда так думаешь?* В таких репликах значение *нет* связано не с воспроизведением предыдущей пропозиции, как в переспросе, а с введением специальной характеристики последующего вопроса. Поэтому в таком контексте

вопросы с *нет* могут следовать не только за негативными, но и за позитивными утверждениями (– *Он уехал. – Нет, правда?/ – Он не уехал. – Нет, правда?*). Подобные реплики будут рассматриваться как вопросы, а не как переспросы, т. е. в типе III: среди неотчетливых высказываний, являющихся первой, а не второй репликой диалогического единства. См. о них в описании контекстов типа [23].

[Контекст 6] *Нет* как самостоятельное высказывание в переспросах, являющихся реакциями на негативные утверждения.

[6] – *Он не уехал. – Нет?*

В таком контексте *нет* означает негативную пропозицию, являющуюся аналогом пропозиции высказывания \hat{A} , и актуальность утверждения с пропозицией, являющейся позитивным аналогом пропозиции \hat{A} . Поскольку интонация задает форму общего вопроса, то высказывание является вопросом с описанным выше значением. То есть в примере [6] \hat{A} = *Он не уехал* и высказывание с *нет* означает: восприняв утверждение «он не уехал», спрашиваю «Он не уехал?» в условиях актуальности утверждения «Он уехал».

[Контекст 7] *Нет* в начале высказывания (негативного) в переспросах, являющихся реакциями на негативные утверждения.

[7] – *Он не уехал. – Нет, не уехал?*

В таком контексте *нет* означает актуальность утверждения с пропозицией, являющейся позитивным аналогом пропозиции \hat{A} . То есть для [7] *нет* означает: имеет место актуальность утверждения «он уехал», а повтор в форме вопроса означает: восприняв утверждение «он не уехал», спрашиваю «Он не уехал?».

Подтип 1.3. *Нет* в ответах на вопросы.

Для обсуждения значения *нет* в ответах на вопросы необходимо определить, что представляет собой пропозиция общего вопроса. Поэтому придется остановиться на проблеме исходной гипотезы общего вопроса.

Высказывания русского языка, являющиеся общими вопросами с вопросительной семантикой¹, делятся на два типа, различающи-

¹ В форме общего вопроса могут существовать высказывания с невопросительной иллюкативной функцией (*Передашь мне соль?*) и частные вопросы в форме общих (*Скоро вернешься?*); такие случаи здесь не рассматриваются.

ся значением и часто структурой – синтаксической, лексической, интонационной (иногда, впрочем, их можно различить только за счет анализа конситуации). Впервые такое разделение было сделано А. Барановым и И. Кобозевой, которые описали «вопросы с ингерентной и неингерентной темой», различающиеся в зависимости от того, «выражена ли тема в лексико-синтаксической структуре общего вопроса или присутствует в имплицитном виде как элемент в его языковом или внеязыковом контексте». Неингерентной темой общего вопроса является «причина или объяснение для некоторой актуализованной в дискурсе ситуации». «Неингерентная тема представлена следующим образом: ‘думая о причинах некоторой актуальной ситуации’»¹.

В данной работе будут использованы термины, предложенные Е. Б. Степановой²: «интерпретирующие вопросы» (вопросы с неингерентной темой) и «неинтерпретирующие» (с ингерентной темой). Неинтерпретирующий вопрос – это вопрос, цель которого в том, чтобы узнать, истинно ли некоторое положение вещей Р, где Р – пропозиция этого вопроса. Примеры: *Мне муж звонил? Мне муж не звонил?* Интерпретирующий вопрос – это вопрос, имеющий целью разобраться в том, является ли положение вещей Р причиной, объяснением, иногда даже следствием актуальной имеющей место ситуации. Примеры: *Что, мне муж звонил? Мне что, не звонил муж?*

Все позитивные общие вопросы содержат позитивную гипотезу. Конечно, в интерпретирующих вопросах эта гипотеза гораздо более заметна: интерпретирующий вопрос по степени выраженности гипотезы занимает промежуточное место между неинтерпретирующим и утверждением. Можно предположить, что основная функция альтернативной формы вопроса в том, чтобы избежать выражения позитивной гипотезы, которая всегда с той или иной степенью настоятельности присутствует в позитивном вопросе. Ср.: *Ты уходишь или не уходишь?* и *Ты уходишь?*

¹ Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3. С. 263–274.

² См.: Степанова Е. Б. Частица *не* в общем вопросе: значение и сфера действия // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 54–62.

Что касается гипотезы в негативных вопросах, то эта проблема следующим образом решена в работах Е. Б. Степановой: интерпретирующий негативный вопрос содержит выраженную негативную гипотезу, пропозиция такого вопроса совпадает с пропозицией аналогичного негативного утверждения (*Мне что, не звонил муж?* — пропозиция и исходное предположение «Мне не звонил муж»). Неинтерпретирующий вопрос содержит позитивную гипотезу, и его пропозиция совпадает с пропозицией аналогичного позитивного утверждения (*Мне муж не звонил?* — пропозиция и исходное предположение «Мне звонил муж»).

Е. Б. Степанова обосновывает такую позицию, убедительно доказывая, что роль отрицания в неинтерпретирующих вопросах не во введении отрицательной пропозиции, а в демонстрации того, «какого рода представления легли в основу гипотезы, подтвердить или опровергнуть которую призван данный вопрос»¹. В основу гипотезы позитивного вопроса ложатся представления говорящего об идеализированной норме развития событий, в основу негативно — представления о фактической стороне дела. Вопрос *Вы читали в газетах об офицерском поединке?* будет обращен к человеку, про которого говорящему известно, что он регулярно читает газеты или интересуется кругом проблем, в который входят офицерские поединки. Вопрос *Вы не читали в газетах об офицерском поединке?* будет задан, если говорящий не располагает подобной информацией. Вопрос *Ты болен?* может быть только интерпретирующим, так как позитивные неинтерпретирующие вопросы связаны с представлениями об идеализированной норме развития событий, предполагающей, что человек здоров. Вопрос *Ты не болен?* предполагает опору на фактическую сторону жизни и поэтому допустим как неинтерпретирующий. Более подробно об этом см. в работе Е. Б. Степановой.

Итак, позитивные вопросы и неинтерпретирующий негативный вопрос содержат позитивную гипотезу и позитивную пропозицию, интерпретирующий негативный вопрос содержит негативные гипотезу и пропозицию.

¹ Степанова Е. Б. Частица *не* в общем вопросе: значение и сфера действия... С. 55.

Хорошо известно, что за формой общего вопроса, позитивного или негативного, может скрываться другой речевой акт, например просьба, побуждение, переспрос. Значение *нет* в ответах на подобные высказывания сходно со значением в ответах на обычные общие вопросы, поэтому в данной работе такие контексты отдельно рассматриваться не будут.

[Контекст 8] *Нет* как самостоятельное высказывание в ответах на позитивный вопрос.

[8] — *Он ушел?* — *Нет.*

Роль *нет* точно такая же, как в реакциях на позитивные утверждения (контекст [1]). *Нет* означает негативное утверждение, являющееся отрицательным аналогом *А* («он не ушел»).

[Контекст 9] *Нет* в начале высказывания в ответах (негативных) на позитивный вопрос.

[9] — *Он ушел?* — *Нет, он не ушел.*

[9a] — *Он ушел?* — *Нет, он здесь.*

(5) — Сознайся, — тихо по-гречески спросил Пилат, — ты великий врач?

— *Нет*, прокуратор, я не врач, — ответил арестант, с наслаждением потирая измятую и опухшую багровую кисть руки. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

(6) — На дворе холодно? — спросила она.

— *Нет, хорошая погода, бабье лето*, — ответил я. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

Роль *нет* такая же, как в реакциях на позитивные утверждения (контекст [1]). Утверждение в таких контекстах вводится в *А*, т. е. в следующей за *нет* части высказывания. Роль *нет* в том, что оно демонстрирует противостояние выраженной в вопросе позитивной гипотезы и утверждения, вводимого *нет*. Это хорошо видно в примере б (аналог [9a]), в котором, если убрать *нет*, станет неясно, холодно ли на дворе, так как ответ *Хорошая погода, бабье лето* может быть не прямым ответом на общий вопрос о холоде, а ответом на вопрос о погоде (отвечающий мог трактовать вопрос как «частный в форме общего»). *Нет* в таком контексте подчеркивает несовместимость двух альтернатив: *А* и *А*.

[Контекст 10] *Нет* как самостоятельное высказывание в ответах на негативный интерпретирующий вопрос.

[10] – *Что, он не ушел?* – *Нет*.

Роль *нет* такая же, как в реакциях на негативные утверждения (контекст [3]). *Нет* означает негативное утверждение, являющееся аналогом \bar{A} , и актуальность утверждения, являющегося позитивным аналогом \bar{A} . В примере [11] *нет* означает: «Он не ушел», хотя актуально утверждение «Он ушел».

[Контекст 11] *Нет* в начале позитивного высказывания в ответах на негативный интерпретирующий вопрос.

[11] – *Что, он не ушел?* – *Нет, ушел.*

(7) Может быть, не Степа сегодня говорил с ним по телефону из собственной своей квартиры? *Нет, это говорил Степа!* Ему ли не знать Степиного голоса! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940), НКРЯ].

(8) – Вы вообще не любите цветов? – *Нет, я люблю цветы,* только не такие, – сказал я. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940), НКРЯ].

Роль *нет* такая же, как в начале опровержений (контекст [4]). Само утверждение введено здесь повтором, а *нет* подчеркивает несовместимость двух альтернатив: \bar{A} и A . Поскольку альтернатива \bar{A} является выраженной гипотезой вопроса, то подчеркивающее ее несовместимость с утверждаемой пропозицией *нет* звучит как указание на неправоту собеседника.

[Контекст 12] *Нет* в начале негативного высказывания в ответах на негативный интерпретирующий вопрос.

[12] – *Что, он не ушел?* – *Нет, не ушел.*

[12а] – *Что, он не ушел?* – *Нет, он здесь.*

(9) [Васильков:] Значит, Вы меня не любите?

[Лидия:] *Нет, не люблю.* [А. Островский. Бешеные деньги (1869)].

Роль *нет* такая же, как в начале подтверждений (контекст [5]). Само утверждение введено повтором, а *нет* вводит актуальность утверждения, являющегося позитивным аналогом A . В примере (9) *нет* подчеркивает: при выдвижении утверждения «Я вас не люблю» учитывается, что, несмотря на негативную гипотезу, выдвинутую в вопросе, актуально позитивное утверждение. Если *нет* опустить

или заменить на *да*, такое значение исчезнет. В таком контексте, как и в [5], возможно и *нет* и *да*, но они означают разные вещи. *Да* оценивает высказанную в вопросе негативную гипотезу как соответствующую действительности и поэтому звучит как «*Ты прав*». *Нет* подчеркивает, что, несмотря на негативную гипотезу и верность негативного утверждения, рассматривается и позитивное утверждение.

[Контекст 13] *Нет* как самостоятельное высказывание в ответах на негативный неинтерпретирующий вопрос.

[13] – *Мне не звонили?* – *Нет.*

(10) – А вы на бегах не пробовали играть? – участливо спросил Гавриил Степанович. – *Нет*, – с сожалением ответил я. [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

Здесь *нет* означает утверждение, являющееся негативным аналогом \bar{A} . Напомню, что пропозиция \bar{A} позитивная, так как неинтерпретирующий вопрос имеет позитивную гипотезу, а роль отрицания иная, не связанная с введением отрицательной пропозиции.

[Контекст 14] *Нет* в начале негативного высказывания в ответах на негативный неинтерпретирующий вопрос.

[14] – *Мне не звонили?* – *Нет, не звонили.*

[14а] – *Мне не звонили?* – *Нет, никто не звонил.*

(11) В-третьих, он боялся испугаться и все время проверял себя: «Не страшно?» – «*Нет, не страшно*», – отвечал бодрый голос в голове... [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924), НКРЯ].

Здесь *нет* подчеркивает противостояние позитивной гипотезы вопроса \bar{A} и негативного утверждения A . Интересно, что в таких контекстах, в отличие от аналогичных с интерпретирующим вопросом ([12]), реакция при помощи слова *да* невозможна. В контекстах типа [12] *да* означает совпадение негативной пропозиции вопроса с негативной пропозицией истинного утверждения, а в данном вопросе пропозиция позитивная.

Подтип 1.4. Нет в реакциях на побуждения.

В реакциях на высказывания с глаголом в повелительном наклонении *нет* встречается не очень часто; гораздо чаще в этой позиции

используется высказывание-повтор (— *Отдай!* — *Не отдам*). *Да* в таком контексте появляется еще реже, чем *нет*, хотя и оно, видимо, возможно, особенно с уточнениями времени (— *Отдай!* — *Да, сейчас отдам*). Естественные заменители *да* в таких реакциях *Ладно*, *Хорошо*. Эта позиция является неестественной для *да* и *нет*, так как их значения связаны с соотношением пропозиции с реальным положением вещей, а побуждение вводит пропозицию вне проблематики ее связи с положением дел. По-видимому, попадая в позицию после побуждения, *да* и *нет* навязывают трактовку побуждения как высказывания, содержащего характеристику соотношения пропозиции с реальным положением дел, т. е. как высказывания, содержащего утверждение своей пропозиции. Так, *нет* в контексте — *Отдай!* — *Нет, не отдам!* означает «Для тебя актуально утверждение, что я отдам, но оно неверно», тогда как повтор — *Не отдам!* просто описывает отсутствие намерений выполнить побуждение. Тот факт, что *нет* чаще, чем *да*, попадает в позицию реакции на побуждение, означает, что его значение легче, чем значение *да*, позволяет извне приписать стимулирующему высказыванию функцию утверждения.

[Контекст 15] *Нет* как самостоятельное высказывание в реакциях на позитивные побуждения (в отказах).

[15] — *Отдай!* — *Нет*.

Нет означает негативное утверждение, являющееся негативным аналогом *А*, и актуальность утверждения, являющегося аналогом *А*. В примере [15] *нет* вводит утверждение «Не отдам» и, кроме того, актуальность утверждения «Отдам».

[Контекст 16] *Нет* в начале высказывания в реакциях (негативных) на позитивные побуждения (в отказах).

[16] — *Отдай!* — *Нет, не отдам!*

(12) Только что закрыю глаза, как ко мне наклоняется лицо в очках и бубнит: «Возьми», а я повторяю только одно: «*Нет*, не возьму».

[М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

Здесь *нет* означает актуальность утверждения, являющегося негативным аналогом *А* и тем самым аналогом *А*. Из-за наличия *нет* оказывается подчеркнуто, что отказ делается при учете того, что собеседник ожидает согласия. Вследствие этого отказ с *нет* является

более резким, более окончательным, чем состоящий из одного повтора: из-за *нет* возникает эффект противостояния воле, спора с собеседником.

[Контекст 17] *Нет* в начале высказывания в позитивных реакциях на негативные побуждения (в отказах).

[17] — *Только никому не рассказывай!* — *Нет, всем расскажу!*

Здесь *нет* также означает актуальность утверждения, являющегося негативным аналогом *А*, т. е. аналогом *А*.

[Контекст 18] *Нет* в начале высказывания в негативных реакциях на негативные побуждения (в согласиях).

[18] — *Только никому не рассказывай!* — *Нет, не расскажу.*

Здесь *нет* означает актуальность утверждения, являющегося позитивным аналогом *А* и *А*.

Тип II. *Нет* как самостоятельное высказывание без контекста.

[Контекст 19] *Нет* как самостоятельное высказывание без контекста.

[19] — *Нет.*

(13) «Ах, *нет*», — сказала Магда, чувствуя, как губы молчаливого человека, обнявшего ее, гуляют по шее, по щеке, а горячие, умные руки забираются под бальное платье, надетое прямо на тело. [В. Набоков. Камера Обскура (1932–1933)].

Нет может звучать в качестве единственного высказывания, вне какого-либо речевого контекста, и тогда это слово означает оценку каких-то событий. Если актуальные события связаны с действиями собеседника, как в примере (13), то при помощи подобного *нет* говорящий вводит такой взгляд на актуальный фрагмент ситуации, который является противоположным взгляду собеседника. Будучи направленным не на собеседника, а на ситуацию, *нет* вводит утверждение, соответствующее воле говорящего и противостоящее происходящему, т. е. *нет* может превращаться во что-то типа заклинания, провозглашающего обратную нежелательной ситуации. Итак, в не речевом, а событийном контексте *нет* означает выделение ситуации, противостоящей имеющейся.

Тип III. *Нет*, начинающее неотвечное высказывание¹.

Деление на типы контекстов, предложенное в этом разделе (эмоциональное оценочное высказывание, утверждение, призыв к собеседнику, вопрос), весьма условно. Не всегда можно точно отделить «эмоциональное оценочное высказывание» от обычного «утверждения», а большинство «призывов к собеседнику», начинающихся с *нет*, заканчиваются вопросом (*Нет, слушай, а куда ты задевал...*). Значение, вносимое *нет* в выделяемые ниже четыре типа контекстов, одинаково; именно поэтому трудно определить четкие критерии для разделения контекстов и вполне возможно рассматривать выделенные четыре контекста как один. Но сохраним все же разбиение на четыре типа, так как в словарях приводимые примеры, как правило, относятся к разным подзначениям *нет*, и к тому же трудно рассматривать одновременно такой разнообразный материал.

[Контекст 20] *Нет*, начинающее эмоциональное оценочное высказывание (позитивное или негативное).

[20] *Нет, как здорово!*

[20a] – *Она очень красива! – Нет, она просто красавица!*

(14) На мигающем экране... шимпанзе в унизиительном человеческом платье совершал человеческие, унизиительные для зверя действия. Марта смеялась, приговаривая: «*Нет*, какой умный, какой умный!..» [В. В. Набоков. Король, дама, валет (1927–1928), НКРЯ].

(15) Рекомендую вам... – начал было Воланд и сам себя перебил: – *нет*, я видеть не могу этого шута горохового. Посмотрите, во что он себя превратил под кроватью. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

(16) – А ты, Леночка, ей-богу, замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, – заискивающе говорил Мышлаевский, бросая легкие, быстрые взоры в зеркальные недра буфе-

¹ Под неотвечным высказыванием здесь подразумевается высказывание, которое не является ответом на вопрос, не является подтверждением или опровержением неэмоционального утверждения собеседника и не является переспросом. Таким образом, «неотвечное высказывание» может оказаться реакцией любого другого типа, например выражением своего мнения вслед за мнением собеседника.

та. – Карась, глянть, какой капот. Совершенно зеленый. *Нет*, до чего хороша. [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924), НКРЯ].

Нет, вводящее оценочную реплику, очень распространено в разговорной речи. Такая оценочная реплика может быть первой или даже единственной в данном отрезке коммуникации (пример 14), а может быть развитием сходной оценки, уже сформулированной собеседником (пример 20a) или даже самим говорящим (пример 16). Контексты этого типа известны как парадоксальные: в них русский носитель языка использует слово *нет*, чтобы «согласиться» с собеседником или с самим собой. В словарях такое *нет* называют «усилительным», так как его функция воспринимается как добавление эмоциональности и без того эмоциональному высказыванию.

Нет добавляет здесь эмоциональность потому, что вводит идею спора с обратным утверждением. Так, в примере (14) возглас *Нет, какой умный!* отличается от *Какой умный!* своеобразным спором с обратным утверждением (скажем, с «Не такой уж и умный»). Это обратное утверждение словно приписывается говорящим то ли собеседнику, то ли общечеловеческой точке зрения, то ли самому себе ранее, во всяком случае, оно вводится при помощи *нет* как актуальное.

В примере (15) добавление *нет* превращает высказывание *Я видеть не могу этого шута горохового* в своеобразный спор с тем, что раньше имело место обратное: до этого момента говорящий терпел или пытался терпеть вид «шута горохового».

Когда, как в примерах [20a] и (16), *нет* вводит оценку, являющуюся развитием предыдущей аналогичной оценки, то текст, введенный *нет*, за счет интонаций, лексики или только из-за вклада *нет*, подается как более эмоциональный, чем предыдущий. Так, в примере 16 высказывание *до чего хороша* подается как развитие высказывания *Ты, ей-богу, замечательно выглядишь сегодня*. Слово *нет* подчеркивает, что введенная им трактовка отличается от всех остальных, что предыдущие оценки неверны, а верна только данная, более сильная. То есть в примере [20a] *нет* подчеркивает, что оценка *Она просто красавица!* не развивает, а противостоит оценке *Она очень красива!*, спорит с ней как с недостаточно сильной. То есть *нет* подает высказывания *До чего хороша!* или *Она просто красавица!* как возникшие в момент, когда актуальны обратные утверждения. *Нет* трактует предшествующий кон-

текст как допускающий обратные вводимому утверждения, что делает вводимое высказывание новым, более сильным, чем все предыдущие.

Итак, в данном контексте *нет* означает актуальность утверждения, являющегося отрицательным аналогом А.

[Контекст 21] *Нет*, начинающее утверждение (позитивное или негативное).

[21] – *Нет*, когда-нибудь я все же разберусь в этом до конца!

[21a] – *Нет*, видно, никогда я не разберусь в этом до конца!

(17) Повесишь пиджак на гвоздик, утром встанешь – пятно на прежнем месте и пахнет чуть-чуть бензином. То же самое после кипятку, спитого чаю, одеколону. Вот чертовщина! Начинаешь злиться, дергаться, но ничего не сделаешь. *Нет*, видно, кто посадил себе пятно на одежду, так уж с ним и будет ходить до тех самых пор, пока не сгниет и не будет сброшен навсегда самый костюм. [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

(18) Напрасно ждал Наполеон... Москвы коленапоклоненной С ключами старого кремля. *Нет*, не пошла Москва моя к нему с повинной головою. [А. С. Пушкин. Евгений Онегин (1823–1831)].

(19) От зрелища Марса мне стало холодно и жутко. Я с облегчением оторвался от телескопа. *Нет*, в то время у меня не было никакой охоты унести с земли на Луну или Марс. [К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)].

(20) Душа здесь у меня каким-то горем сжата, И в многолюдстве я потерян, сам не свой. *Нет!* Недоволен я собой. [А. С. Грибоедов. Горе от ума (1822–1823)].

Во всех подобных контекстах *нет* вводит актуальность утверждения, являющегося отрицательным аналогом А. Такое *нет* часто взаимодействует с дискурсивными словами, показывающими, что данное высказывание рассматривается в контексте другого высказывания или другой ситуации (ср. *все же* и *видно* в примерах [21] и [21a]): тогда отрицательный аналог, введенный *нет*, оказывается чем-то вроде вывода из этой предварительной ситуации.

Возможны три типа соотношения подобного *нет* с контекстом. Во-первых, актуальность обратного тому, что вводится *нет*, может быть поддержана предыдущим контекстом, как в примерах (17) и (18), и тогда реплика с *нет* смотрится как спор с чем-то в предыдущем

контексте. Так, в примере (17), прежде чем сделать вывод о вечности пятна, описываются попытки его уничтожить, предполагающие представление о его временном характере; в примере (18) в предыдущем контексте описаны обратные имевшему место в реальности событию А ожидания Наполеона.

Во-вторых, окружающий контекст может не содержать никаких сведений, связанных с актуальностью А, тогда *нет* означает, что где-то существует позиция «не А». Так, добавление *нет* в пример (19) делает актуальным предположение, что автору уже тогда хотелось улететь в космос; или, возможно, автор считает, что это предположение должно было возникнуть у читателя.

В-третьих, весь предыдущий контекст может быть связан именно с той позицией, которая вводится высказыванием с *нет*. Тогда *нет* означает, что предыдущий текст был для говорящего рядом аргументов в споре с актуальной для него позицией, обратной А, и вот теперь, проанализировав аргументы, говорящий провозглашает А, окончательно отказываясь от позиции «не А».

В БАС при описании отрицательной частицы *нет* охарактеризованы все эти три случая: первый как *нет*, которое «употребляется для большей выразительности в начале высказывания, отрицающего ранее высказанное»; второй – как «то же при невысказанной, но подразумеваемой противоположной мысли» и третий – как «в начале реплики, подводящей итог сказанному ранее и являющейся следствием вышеизложенного».

[Контекст 22] *Нет*, начинающее призыв к собеседнику (позитивный или негативный).

[22] – *Нет*, ты только посмотри!

(21) Клянусь тебе... *Нет*, Шуйский, не клянись, но отвечай: то был царевич? [А. С. Пушкин. Борис Годунов (1825)].

(22) Так ты не хочешь играть. Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть. *Нет*, скажи напрямик, ты не хочешь играть? [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842), НКРЯ].

(23) – Так вот что, – задыхаясь забормотал он, – теперь я понимаю... *Нет*, Владимир Ипатьич, вы только гляньте, – он мгновенно развернул лист и дрожащими пальцами указал Персикову на цветное изображение. На нем, как страшный пожарный шланг, извивалась

оливковая в желтых пятнах змея, в странной смазанной зелени. Она была снята сверху, с легонькой летательной машины, осторожно скользнувшей над землей, — кто это по вашему, Владимир Ипатьич? [М. А. Булгаков. Роковые яйца (1924), НКРЯ].

В БАС *нет* из примера (21) объясняется как использующееся «для выражения запрета к совершению какого-либо действия». На самом деле, *нет* плохо приспособлено для выражения запрета, ср. исчезновение значения запрета при изъятии соответствующей глагольной формы из примера (21): *Клянусь тебе... Нет, Шуйский, отвечай: то был царевич?* Само по себе *нет* не может выражать волеизъявление, но оно может вводить реплики, выражающие его независимо от наличия *нет*. При этом *нет* означает, что актуально поведение собеседника, обратное тому, к которому побуждает вводимая реплика. Так, в примере (22) *нет* означает, что собеседник увильивает от того, чтобы сказать напрямик, хочет ли он играть («Ты не хочешь говорить напрямик, но скажи» = «Актуально утверждение “Ты не говоришь напрямик”, но скажи»). В примере [23] *нет* означает, что до побудительной реплики у собеседника не было идеи смотреть на данное изображение («Ты не собирался смотреть, но посмотри»). В примере (21) *нет* связывает высказывания *Клянусь тебе...* и *Не клянись*, подчеркивая их несовместимость (это та же функция, которая описана для контекста [2] — *Он уехал. — Нет, он не уехал*).

Итак, здесь *нет* также вводит актуальность утверждения, являющегося отрицательным аналогом А.

[Контекст 23] *Нет*, начинающее вопрос.

[23] — *Нет, ты его когда последний раз видела?*

[23а] — *Нет, в самом деле?*

Такое *нет* спорит с коммуникативными действиями собеседника или даже самого говорящего. Так, в примере [23] *нет* может означать следующее: «Мы пытаемся разобраться в определенной ситуации, и при этом ты считаешь, что для этого не надо обсуждать вопрос *Когда ты его последний раз видела*, между тем, это надо сделать». Второй пример представляет собой образец довольно стандартного употребления *нет*: перед словами, побуждающими собеседника подтвердить правдивость или адекватность его высказывания (*В самом деле? Право? Точно? Действительно? Это так?* и др.). *Нет* здесь означает «Ты сделал утверждение и считаешь, что

оно не требует подтверждения, между тем, дай подтверждение». Следовательно, в начале вопроса *нет* выполняет специфическую функцию: оно вводит актуальность поведения, обратного тому, которое вводится иллокутивной функцией вопроса. Можно считать, что вопрос — это побуждение к ситуации «Собеседник отвечает про X», тогда *нет* означает актуальность отсутствия этой ситуации. Таким образом, функция *нет* в начале вопросов и побуждений одинакова.

Тип IV. *Нет*, завершающее неотвечное высказывание.

[Контекст 24] *Нет*, завершающее негативное утверждение.

[24] *Я не согласен, нет.*

(24) Я лишь один не смеялся... О, *нет!* Думал я горькую думу. [Н. А. Некрасов. В больнице (1855), НКРЯ].

(25) Итак, Пилат поднялся на помост, сжимая машинально в кулаке ненужную пряжку и шурясь. Шурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, *нет!* Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

(26) Лариосик очень симпатичный. Он не мешает в семье, *нет*, скорее нужен. Надо его поблагодарить за уход... [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924), НКРЯ].

В БАС *нет* в примере [24] охарактеризовано так: «употребляется для усиления ранее высказанного отрицания». «Усиление» возникает из-за того, что *нет* вводит идею спора с позитивным утверждением («я тоже смеялся»).

Это можно подтвердить анализом высказываний, завершаемых *нет* и содержащих прилагательное с отрицанием. Отрицание при прилагательном, как и при существительном, может иметь два значения. Первый случай: отрицание *не* «срачивается» с прилагательным и возникает обозначение единого понятия — особого признака, определяемого через отрицание признака, выраженного прилагательным; обозначим этот признак X. В этом случае все объекты делятся по признаку, обозначаемому прилагательным, на два противопоставленных типа — обладающие признаком X и обладающие признаком

«не X». Такое значение отрицательной частицы на письме обозначается слитным написанием: *Она некрасива* или *Это некрасивое платье*. Второй случай: отрицание и прилагательное существуют отдельно, прилагательное обозначает признак, а отрицание говорит, что этот признак не имеет места. В этом случае среди объектов выделяется множество обладающих признаком X, а про данный утверждается, что он в это множество не входит. Для появления такого значения нужен контекст, сходный с противопоставлением, созданный союзами *а* или *но*, или наличием в ближайшем контексте этого же прилагательного без отрицания. На письме такое *не* пишется отдельно: *Она не красива, но вполне мила* или *Ты мне обещала красивое платье, а это платье не красивое*. Интересно, что присоединения *нет* к высказыванию с прилагательным, сопровождаемым частицей *не*, достаточно, чтобы придать *не* значение второго типа. Ср.: *Она не красива, нет* или *Это платье не красивое, нет*. Следовательно, *нет* создает контекст «противопоставления», происходит это потому, что такое *нет* вводит идею актуальности позитивного утверждения. Значение *нет* в последнем примере можно описать так: «Утверждая, что это платье не красивое, я спорю с утверждением, что оно красивое». То есть в примере *Это платье не красивое, нет* слово *нет* означает, что утверждение *это платье не красивое* рассматривается в ситуации актуальности утверждения *Это платье красивое*.

Итак, в таком контексте *нет* означает, что негативное утверждение, являющееся аналогом \bar{A} , рассматривается в ситуации актуальности утверждения, являющегося позитивным аналогом \bar{A} .

[Контекст 25] *Нет*, завершающее позитивный неинтерпретирующий вопрос.

[25] – Ты согласен, *нет*?

[25a] – Мне звонили, *нет*?

(27) – Ты странный юноша, – сказал ему Станислав в конце концов. – Но ты мне нравишься. Я и сам странный, согласен-*нет*? Ладно, ты меня окончательно убедил. [Б. Стругацкий. Поиск предназначения (1994–1995)].

Такое *нет* превращает вопрос из общего в сходный с альтернативным, т. е. меняет исходное предположение вопроса. Если исходное предположение вопроса *Ты согласен?* является позитивным,

совпадающим с пропозицией вопроса, то *нет* показывает, что спрашивающий допускает и отрицательную альтернативу. Как правило, такое *нет* используется для смягчения вопроса, для того чтобы отвечающему было нетрудно ответить отрицательно; для того чтобы он знал, что говорящий готов и к отрицательному ответу.

Следует разобраться в том, чем отличается рассматриваемая форма вопроса от настоящего альтернативного вопроса, ср.: *Ты согласен или не согласен?* и *Ты согласен или нет?* Альтернативный вопрос является более настоятельным: за счет действия «или» он демонстрирует противопоставление альтернатив «согласен» и «не согласен». Различие между формами альтернативного вопроса с *нет* и с повтором будет обсуждаться ниже, в разделе о «*нет*-замене».

Итак, альтернативный вопрос означает «Ответь, согласен ли ты, учитывая, что рассматриваются только два варианта “согласен” и “не согласен”, без промежуточных». Вопрос с *нет* не вводит такой жесткой альтернативы, он просто показывает, что помимо позитивной альтернативы рассматривается и негативная: «Ответь, верно ли мое предположение о том, что ты согласен, и имей в виду, что я допускаю и то, что ты не согласен». Поэтому альтернативный вопрос звучит жестче и настоятельнее обычного вопроса (ср.: *Ты согласен или нет?* и *Ты согласен?*), а вопрос с *нет* в конце, напротив, звучит мягче обычного (ср.: *Ты согласен, нет?* и *Ты согласен?*).

Завершать позитивный интерпретирующий вопрос *нет* не может, во всяком случае, это затруднено и почти не встречается, ср.: **Мне что, значит, звонили, нет?* Причины те же, по которым *нет* не может завершать утверждение, см. об этом в разделе 3.2.3.4, где обсуждаются контексты, не допускающие *нет* (контекст [6а*]).

Итак, в конце позитивных вопросов *нет* вводит пропозицию, являющуюся негативным аналогом пропозиции \bar{A} : эта пропозиция, как и \bar{A} , имеет вопросительный статус.

[Контекст 26] *Нет*, завершающее негативный неинтерпретирующий вопрос.

[26] – Мне не звонили, *нет*?

(28) – Знаете что, – молвил Персиков, – вы не зоолог? *нет*? жаль... из вас вышел бы очень смелый экспериментатор. [М. А. Булгаков. Роковые яйца (1924), НКРЯ].

После неинтерпретирующего негативного вопроса *нет* является смягчающим так же, как и после позитивного, т. е. выражает ожидания говорящего услышать ответ, не совпадающий с гипотезой вопроса. У неинтерпретирующего вопроса исходная гипотеза, как и пропозиция, всегда позитивная, даже при негативной форме вопроса (см. об этом в описании подтипа I.3), поэтому *нет*, как всегда отталкиваясь от предвысказывания, и в [25], и в [26] вводит в качестве дополнительной отрицательную гипотезу. Так, в примере (28) высказывание *Вы не зоолог? нет?* означает «Предполагая на основе фактической информации, что вы можете быть зоологом, я спрашиваю об этом, но считаю, что это не так». В аналогичном примере с позитивным вопросом высказывание *Вы зоолог? нет?* (контекст [25]) означало бы «Предполагая на основе идеализированной нормы развития некоторых событий, что вы должны быть зоологом, я спрашиваю об этом, но при этом считаю, что это не так».

Итак, в конце негативного неинтерпретирующего вопроса *нет* вводит вопросительную пропозицию, являющуюся негативным аналогом позитивной пропозиции вопроса.

[Контекст 27] *Нет*, завершающее негативный интерпретирующий вопрос.

[27] – Ты что, не согласен, *нет?*

В таком вопросе *нет* не кажется смягчающим, напротив, создает впечатление, что оно усиливает предшествующее отрицание. Негативный интерпретирующий вопрос содержит негативную гипотезу и по степени уверенности в ее адекватности ближе к утверждению, чем к вопросу. Поэтому роль *нет* здесь такая же, как после негативных утверждений (см. контекст [24]): *нет* вводит идею актуальности позитивной гипотезы. Подчеркнутая идея актуальности позитивной гипотезы при введенной в качестве предполагаемой верной отрицательной гипотезы приводит к «усилению» отрицания: я отрицаю, зная, что актуально утверждение.

Тип V. *Нет*, стоящее в середине неотвечного высказывания.

[Контекст 28] *Нет*, вводящее поправку.

[28] Это будет завтра, *нет*, сегодня.

(29) Это будет завтра, *нет*, сегодня, ведь уже полночь. [В. Набоков. Машенька (1926)].

(30) Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича... *Нет*, просто Миши Берлиоза. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

Особенность подобных контекстов в том, что *нет* разделяет здесь две части высказывания, вторая из которых является своеобразным вариантом первой, альтернативным (*завтра, нет, сегодня*) или почти синонимом (*Михаила Александровича... Нет, просто Миши*).

Роль *нет* в таких контекстах заключается в установлении определенного семантического соотношения между двумя частями высказывания. *Нет* означает, что фрагменты, следующие перед *нет* и за ним, соотносятся как несовместимые альтернативы, при этом говорящий выделяет вторую из альтернатив. Ср. высказывание *утром, нет, на заре, я уйду* с аналогичным без *нет* *утром, на заре, я уйду*. В первом случае говорящий подчеркивает, что определения времени «утром» и «на заре» противостоят друг другу, означают разные вещи. Во втором случае «на заре» является уточнением к «утром».

Из-за того что говорящий характеризует как несовместимые альтернативы части собственного высказывания, возникает значение самопоправки.

Сходной является роль *нет* в контекстах [4] (– Он не уехал. – *Нет*, уехал) и [11] (– Что, он не ушел? – *Нет*, ушел); отличие в том, что в этих контекстах соотносимые *нет* фрагменты принадлежат разным говорящим, поэтому это не самопоправка, а исправление собеседника.

[Контекст 29] *Нет*, вводящее спор с выводом из предыдущего.

[29] Любой бы на его месте убежал, *нет*, он бросился в драку.

[29a] Учится он плохо. *Нет*, двоек у него мало, в основном тройки-четверки.

(31) В наши дни убийца должен быть химиком. *Нет, нет*, я не был ни тем, ни другим. [В. В. Набоков. Лолита (1967), НКРЯ].

(32) Очищают до предела топливо, создают разного рода поглотители вредных газов, изымают из бензина свинец – все без толку. *Нет*, выхлоп, конечно, стал у современных машин менее вредным. [Из газет (2002)].

(33) Каким семейством Бог наградил этого человека: *нет*, подай ему Августину Христиановну! [И. С. Тургенев. Накануне (1859), НКРЯ].

В БАС такое *нет* характеризуется как сходное с уступительным союзом: «В значении уступительного союза. Употребляется при соединении двух предложений с уступительной связью для подчеркнутости отрицания смысла первого предложения (часто в сочетании с усилительными частицами: да, так, же)». Действительно, подобное *нет* соединяет своеобразным образом противоречащие друг другу по смыслу фрагменты, причем именно слово *нет* необходимо, чтобы указать на наличие противоречия. Так, два высказывания из примера (33) (*Каким семейством Бог наградил этого человека, и подай ему Августину Христиановну*) без *нет* воспринимались бы как совсем не связанные друг с другом по смыслу, и именно наличие *нет* заставляет трактовать их как связанные, как говорящие об одной и той же теме (взаимоотношения героя с женщинами), но говорящие о ней противоречиво. Наличие *нет* в примере (31) необходимо, чтобы передать, что герой, от имени которого ведется повествование, считает, что характеристики убийца и химик из предыдущего высказывания естественно отнести именно к нему.

Нет в подобных контекстах вводит еще одно утверждение, третье по отношению к двум, вводимым первым и вторым фрагментом, причем вводит его в качестве неверного. Именно это третье утверждение и связывает первую и вторую часть высказывания. Оно является гипотетическим выводом из первого фрагмента, но противоречит второму. В примере (31) за *нет* скрывается что-то типа: «Опираясь на предыдущий текст, можно подумать, что герой является убийцей и химиком, но это неверно»; в примере (32) — «Опираясь на предыдущий текст, можно подумать, что выхлоп современных машин не стал менее вредным, но это неверно»; в примере (33) *нет* шифрует что-то типа: «Опираясь на предыдущий текст, можно подумать, что герою не нужны иные женщины, кроме входящих в его семейство, но это неверно». Неверное утверждение, скрывающееся за *нет*, выводится из второго фрагмента как его отрицательный аналог.

Таким образом, *нет* в подобных контекстах вводит актуальность утверждения, являющегося отрицательным аналогом А.

3.2.3.3. Значение *нет*-изолированного

3.2.3.3.1. Гипотеза о формальной схеме *нет*-изолированного

Были рассмотрены все типы контекстов, содержащие *нет*-изолированное, и высказанная на стадии предварительного анализа гипотеза о том, что значение *нет* определяется пропозицией поствысказывания, а при отсутствии такового выводится как негативный аналог из предвысказывания, подтвердилась. На основе анализа типов употребления стало возможным сделать новое обобщение о значении *нет*.

Нет-изолированное означает, что:

- рассматриваются два утверждения, описывающие одно и то же положение дел, обозначим их **р** и **а**;
- утверждение **р** противостоит утверждению **а** как несовместимое с ним по адекватности (1);
- утверждение **р** вводится в качестве выделенного (2);
- утверждение **а** вводится в качестве актуального (3).

3.2.3.3.2. Комментарии к формальной схеме *нет*-изолированного

Предложенное описание включает три довольно условных и, возможно, не самых удачных термина, требующих пояснения: адекватность утверждения, выделенное утверждение, актуальное утверждение.

Термин «адекватность» связан с термином «истинность» и введен для использования при семантическом описании дискурсивных слов Д. Пайаром¹. Адекватной будет называться такая пропозиция, которая, будучи оформлена как утверждение, даст истинное утверждение. Для *нет* существенно понятие «утверждения, несовместимые по адекватности», означающее такие утверждения, которые не могут одновременно соответствовать реальному положению дел, т. е., в прагматической терминологии, не могут одновременно быть истинными.

¹ См.: Paillard D. Les mots du discours comme mots de la langue: pour une typologie formelle // Le Gré des Langues. Paris, 2000.

Термин «выделенное» будет пониматься как связанный с описанием позиции говорящего по отношению к имеющемуся положению дел: «выделенное утверждение» – такое, которое, с точки зрения говорящего, более адекватно, чем другие существующие в его поле зрения описания, соотносится с реальным положением дел. Выделенное утверждение необязательно (хотя очень часто) утверждается говорящим как адекватное действительности: говорящий может и не иметь абсолютно определенного мнения о том, как обстоит дело в реальности. Так происходит в контекстах вопросительных речевых актов: при обсуждении контекста [25] было показано, что в примере *Согласен, нет?* роль *нет* состоит в выделении отрицательной позиции («не согласен», но при этом говорящий не знает, какая позиция реально имеет место). В контекстах утверждений верификативного характера понятие «выделенное утверждение» практически совпадает с понятием «утверждение, характеризующее говорящим как соответствующее реальному положению дел». В эмоциональных контекстах понятие «выделенное» утверждение может соотноситься с понятием «желательное» (ср. контекст [19] с *нет* вне речевого контекста).

Наконец, термин «актуальный» будет пониматься как характеризующий утверждение, известное говорящему, значимое для него в данный момент и принимаемое им в расчет, хотя и необязательно адекватное реальному положению дел.

3.2.3.3.3. Различия в основной смысловой нагрузке на *нет* в зависимости от типа контекста

Следует подчеркнуть, что предложенное выше семантическое описание *нет*-изолированного трактует *нет* не как вводящее какие-либо утверждения, а как говорящее о том, что в рассмотрении имеются два утверждения (две позиции) с определенными характеристиками. В разных контекстах характеризующие словом *нет* утверждения **р** и **а** могут быть выражены по-разному, и от того, выражены ли они конкретными высказываниями или восстанавливаются из конситуации, зависит, какое значение приобретает слово *нет*. Точнее, от того, представлены ли в тексте **р** и **а**, во многом зависит, на какие из трех моментов значения *нет* падает наибольшая нагрузка: в значении *нет* всегда присутствуют все три момента, но,

в зависимости от контекста, один или два из них могут становиться весомее. С этой точки зрения возможны четыре типа контекстов:

Первый случай: и **р** и **а** представлены в виде конкретных высказываний. Например, контекст [2] – *Он уехал. – Нет, он не уехал*; [4] – *Он не уехал. – Нет, уехал*; [11] – *Что, он не ушел? – Нет, ушел*; или [28] *Это будет завтра, нет, сегодня*.

В таких контекстах выделенное высказывание **р** соответствует высказыванию, следующему за *нет* (поствысказывание А), а актуальное **а** – предшествующему (предвысказывание А'). В подобных ситуациях роль *нет* в первую очередь сводится к моменту (1): к введению идеи о том, что два имеющихся в тексте утверждения противопоставлены друг другу, что они не могут быть адекватны одновременно.

Этот случай представлен следующими контекстами: [2], [4], [9], [11], [14], [28].

Второй случай: в виде высказывания представлено только **а**. Например, контекст [1] – *Он уехал. – Нет*. Такое происходит либо в диалоге, где **а** присутствует в виде утверждения собеседника или исходного предположения вопроса собеседника, либо в специфических вопросительных высказываниях (*Согласен, нет?*).

В подобных ситуациях роль *нет* в первую очередь сводится к моменту (2): к указанию на существование выделенного говорящим высказывания **р**, восстанавливаемого как обратное к **а**.

Этот случай представлен следующими контекстами: [1], [8], [13], [15], [25], [26]. К этому же случаю можно условно отнести контексты [3], [10], в которых равно весомы моменты толкования (2) и (3).

Третий случай: в виде высказывания представлено только **р**. Например, контексты [5] – *Он не уехал. – Нет, не уехал*; [20] *Нет, как здорово!*; [24] *Я не согласен, нет*; или [29] *Учится он плохо. Нет, двоек у него мало, в основном тройки-четверки*.

В таких контекстах выделенное высказывание **р** может соответствовать и высказыванию, следующему за *нет* (поствысказывание А), и предшествующему (предвысказывание А').

В подобных ситуациях роль *нет* сводится к моменту (3): к введению идеи о том, что выделенное говорящим утверждение появляется в ситуации актуальности противоположного утверждения.

Этот случай представлен следующими контекстами: [5], [6], [7], [12], [18], [20], [21],[22], [23], [24], [27], [29]. К этому же случаю можно условно отнести контексты [16], [17], в которых равно весомы моменты толкования (3) и (1).

Четвертый случай: ни *р*, ни *а* не присутствуют в виде конкретных высказываний. Этот случай представлен типом употребления [19], и для него равно важны все три момента семантики *нет*: изолированное слово *нет* означает, что рассматриваются две противопоставленные позиции, одна из которых актуальна, а другая выделяется говорящим как его позиция. Чтобы понять, в связи с чем говорящий произносит такое *нет*, собеседник вынужден приблизительно восстановить эти позиции, исходя из констатации.

3.2.3.4. Контексты, в которых употребление *нет* невозможно

Чтобы проверить, работает ли предложенное описание значения *нет*, попробуем с его помощью объяснить, почему в контекстах определенного типа использование *нет* невозможно.

Тип VI. Отрицательные контексты с *нет*.

[Отрицательный контекст 1*] Нет в начале высказывания в позитивных реакциях на позитивные утверждения (в подтверждениях).

[1*] — Он уехал. — *Нет*, уехал.

В таком контексте *нет* невозможно потому, что контекст содержит одинаковые высказывания, и из-за этого нет позиции для работы момента толкования (1): не введены высказывания противостоящие по адекватности.

[Отрицательный контекст 2*] Нет как самостоятельное высказывание в вопросительных реакциях на позитивные утверждения (в эмоциональном переспросе).

[2*] — Он уехал. — *Нет?*

Еще недавно такие употребления *нет* были возможны, ср.:

(34) Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоревенный куш мужиков... — А позвольте узнать: сколько числом? —

Душ восемьдесят. — *Нет?* — Не стану лгать, батюшка. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842), НКРЯ].

Теперь такие употребления, по-видимому, являются устаревшими, во всяком случае, на основе рассмотренного корпуса можно утверждать, что в современных текстах *нет*, представляющее собой отдельную вопросительную реплику, не используется в функции выражения сомнения. Теперь в подобном контексте использовалось бы слово *да* или повтор (ср.: — Душ восемьдесят. — *Да?*/ Восемьдесят? — Не стану лгать, батюшка). При наличии вводных слов сходное *нет* возможно и теперь, ср.: *Нет, правда?* или *Нет, в самом деле?*, но имеет другое значение, чем в примере из Гоголя, см. контекст [23].

Невозможность подобного *нет* в современном языке, по-видимому, связана с тем, что *нет* как одиночная реакция на утверждение означало бы, что говорящий выдвигает в качестве выделенного противоположное утверждение, а это противоречит вопросительной форме, предполагающей, что говорящий не имеет определенного мнения. Напротив, слово *да* хорошо подходит на роль такого переспроса, так как, означая совпадение утверждения собеседника с истинным положением дел (см. об этом раздел 3.2.3.5), в вопросительной форме означает, что говорящий не знает, имеет ли место такое совпадение. Иными словами, *нет* в подобном контексте означало бы что-то типа вопроса «Не является ли это неправдой с моей точки зрения?», — каковой, будучи адресован не себе, а собеседнику, смотрится довольно странно. Между тем *да* означает что-то типа вопроса «Это правда?», звучащего абсолютно естественно.

[Отрицательный контекст 3*] Нет в начале высказывания в позитивных ответах на позитивные вопросы.

[3*] — Он ушел? — *Нет*, он ушел.

[3a*] — Он ушел? — *Нет*, его здесь нет.

Причина невозможности такого *нет* та же, что и для контекста [1*].

[Отрицательный контекст 4*] Нет в начале позитивного высказывания в ответах на негативный неинтерпретирующий вопрос.

[4*] — Мне не звонили? — *Нет*, звонили.

[4a*] — Мне не звонили? — *Нет*, тебе звонили три раза.

Здесь соотносятся два высказывания с одинаковой адекватностью: в разделе 3.2 показано, что негативный неинтерпретирующий вопрос содержит позитивную гипотезу. Таким образом, причины невозможности *нет* те же, что в контекстах [1*] и [3*].

[Отрицательный контекст 5*] *Нет* в начале высказывания в позитивных реакциях на позитивные побуждения (в согласиях).

[5*] – *Отдай!* – *Нет, отдам!*

Причина невозможности такого *нет* та же, что и для контекстов [1*], [3*] и [4*].

[Отрицательный контекст 6*] *Нет*, завершающее позитивное утверждение или позитивный интерпретирующий вопрос.

[6*] – *Я согласен, нет.*

[6a*] – *Ты что, согласен, нет?*

Здесь *нет* должно было бы вводить в качестве выделенного говорящим высказывание, противопоставленное по адекватности имеющемуся. Но из-за свойств речевого акта (утверждение, интерпретирующий вопрос) имеющееся высказывание уже введено как выделенное говорящим (в качестве утверждения – в первом случае и сильной гипотезы – во втором).

3.2.3.5. *Нет* как дискурсивное слово

Нет-изолированное по занимаемому им в синтаксической структуре предложения положению характеризуется так же, как вводные слова. Естественно предположить, что и по типу значения *нет*-изолированное сходно с дискурсивными словами. В рамках русско-французского проекта, работа которого отражена в сборнике «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» (М., 2003), используется ряд гипотез о структуре значения дискурсивных слов; посмотрим, как соотносятся с этими гипотезами предложенное выше описание значения *нет*-изолированного.

Значение дискурсивного слова связано с описанием определенного соотношения некоторой, введенной в контексте (или в конситуации), пропозиции, обозначу ее *p*, с реальным положением дел, обозначу его

Z. В сущности, значение таких слов тесно связано с проблемой того, является ли пропозиция *p* хорошим описанием положения дел *Z*, т. е. при прагматической терминологии можно было бы говорить о проблеме истинности *p*. Но поскольку речь идет не только об истинности / ложности, но и о более тонких соотношениях, в данной работе вслед за Д. Пайаром¹ используется термин «адекватность», удобный хотя бы потому, что можно говорить о различной степени адекватности.

На основе конкретизации того, как задается соотношение *p* и *Z*, выделяются два класса дискурсивных слов. Слова первого класса устанавливают отношение между пропозицией *p* и еще одной введенной в контексте пропозицией, обозначу ее *a*, в ситуации, когда *p* и *a* являются описаниями одного и того же *Z*. Огрубляя, можно сказать, что такие слова сравнивают две разные точки зрения на одно и то же. Этот класс обозначается через термин «установочная база» («point de perspective»). Слова второго класса устанавливают отношение между реальным положением дел *Z* и пропозицией *p*. Этот класс обозначается через термин «гарант».

В разделе 3.2.3.3 было выдвинуто предположение, что *нет*-изолированное всегда связано с выделением двух пропозиций, обозначенных *p* и *a*. Эти пропозиции, будучи противопоставлены по адекватности, связаны с одним и тем же положением дел, поэтому значение «*нет*-реакции» достаточно удобно описывать как значение дискурсивного слова класса «установочная база». Покажу это на простом примере:

(35) – Он уже ушел. – *Нет*, он здесь.

Здесь мы имеем дело с двумя пропозициями, описывающими две точки зрения на одно и то же положение дел *Z*: *p* = «он здесь» и *a* = «Он уже ушел». *Нет* задает отношение между двумя этими точками зрения: адекватность *p* несовместима с адекватностью *a*.

3.2.3.6. Соотношение *нет*-изолированного со словом *да*

В моей статье 2001 г.² высказана гипотеза, что слово *да*, в отличие от слова *нет*, относится к дискурсивным словам типа «гарант» и означает, что говорящий берет на себя роль гаранта и утверждает,

¹ См.: Paillard D. Les mots du discours...

² См.: Добрушина Е. Р. Существует ли симметрия значений слов *да* и *нет*? // Диалог 2001. Dialog'2001. Computational Linguistics and its Applications. International

что высказанная собеседником гипотеза (утверждение) **р** совпадает с реальным положением дел **Z**. Таким образом, структура значения у **да** и **нет** совсем разная: **да** означает что-то типа «Я отвечаю за то, что собеседник прав»¹, т. е. **да** вводит в рассмотрение реальное положение дел и говорящего как знающего, каково оно; тогда как **нет** не делает утверждений о реальном положении дел, не возлагает на говорящего никакой особой ответственности, но лишь вводит определенное соотношение двух высказываний. Поэтому для возможности использования в данном контексте слова **да** нужны другие условия, чем для **нет**: необходимо наличие определенной точки зрения собеседника.

В большинстве контекстов **да** и **нет** воспринимаются как ведущие себя симметрично, поскольку соответствуют утверждениям, противопоставленным по негативности. Это происходит в реакциях на позитивные утверждения (— *Он ушел?* — **Да** / — **Нет**): **да** говорит о том, что данное позитивное утверждение действительно соответствует реальному положению дел, а **нет** говорит, что выделенным является утверждение, противопоставленное введенному по адекватности.

Но в определенных контекстах **да** и **нет** перестают выглядеть семантически симметричными и либо начинают соответствовать одним и тем же высказываниям, либо использование **да** становится невозможным. В позиции одиночной реакции на негативное утверждение или вопрос с сильной негативной гипотезой (негативный интерпретирующий вопрос) (— *Что, он не ушел?* — **Да** / — **Нет**), **да**² и **нет** начинают соответствовать одинаковым пропозициям — негатив-

Workshop. Таруса, 2001.

¹ Здесь рассматривается только верифицирующее **да**, помимо которого существуют и другие типы употребления этого слова. Так, о **да**, вводящем реплику, «которая говорит о том, что линии поведения собеседников не совпадают», см.: Пауккеру П. (Pirkko Paukkeri) Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами **да**, **ну** и **так**. Хельсинки, 2006. С. 129 и далее. Корпусные исследования функционирования **да** с разной семантикой представлены в работах Е. А. Гришиной: Гришина Е. А. **Да** в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 5 (2). С. 169–207; Она же. Повторы **да** и **нет** в русском устном диалоге // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва. 20–23 марта 2010 г.

² Литературная норма отвергает подобные употребления **да**, но в реальной разговорной речи, в том числе в речи людей, говорящих на неплохом литературном языке, такие употребления встречаются достаточно часто.

ным. Происходит это потому, что **да** означает «Негативная гипотеза собеседника верна», а **нет** означает «Имеет место соотношение двух высказываний, противопоставленных по адекватности: негативное является выделенным, позитивное является актуальным».

В позиции сопровождения утверждением, являющимся реакцией на сильную негативную гипотезу (— *Что, он не ушел?* — **Да**, не ушел. / — ***Да**, ушел), **да** никак не меняет своего значения, так как его значение не взаимодействует со вторым утверждением. Будучи словом типа «гарант», **да** работает только с одной пропозицией — той, на которую является реакцией; значение **да** требует, чтобы последующее утверждение также содержало негативную гипотезу. **Нет** в аналогичной позиции (— *Что, он не ушел?* — **Нет**, не ушел. / — **Нет**, ушел) меняет свое поведение по отношению к позиции одиночной реплики, так как, являясь словом типа «установочная база», вступает во взаимодействие со вторым утверждением и начинает означать соотношение между первым и вторым высказываниями (см. контексты [11] и [12]).

В реакциях на вопросы с позитивной гипотезой, оформленные как негативные (негативные неинтерпретирующие вопросы) (— *Мне не звонили?* — ***Да**) использование **да** невозможно. Дело в том, что вопросы такого типа одновременно содержат и позитивную гипотезу, и своеобразное ожидание отрицательного ответа. Потому выраженная в таких вопросах позитивная гипотеза слишком слаба, сложна и противоречива, чтобы на нее можно было прореагировать категоричным утверждением типа «Ты прав». **Нет** в аналогичной позиции (— *Мне не звонили?* — **Нет**. / — **Нет**, не звонили), реагируя на позитивную гипотезу вопроса как на актуальную, вводит как выделенную отрицательную пропозицию (см. контексты [13] и [14]). В результате единственным способом ввести в ответ на такие вопросы положительную пропозицию становится повтор (— *Мне не звонили?* — **Звонили**).

3.2.4. **Нет**-замена

3.2.4.1. **Нет**-замена и другие **нет**

Теперь, гораздо более кратко, рассмотрим два других типа **нет** — **нет**-замену и **нет**-предикатив, — чтобы определить, как соотносится их значение с описанным значением **нет**-изолированного.

Выше *нет*-замена, как и два других *нет*, было выделено на основе его синтаксической позиции. От *нет*-изолированного *нет*-замена отличается тем, что перестает занимать изолированную позицию, так как образует определенные синтаксические связи: либо как слово в рамках словосочетания (ср. связь *нет* с «он» в *Тебя прощаю, его — нет*), либо как часть предложения в рамках сложного предложения (ср.: *Мне бы в этот момент все понять, но нет*). Труднее сформулировать, чем *нет*-замена с точки зрения синтаксической позиции отличается от *нет*-предикатива. Дело в том, что отличительной чертой *нет*-предикатива является способность быть главным членом безличного предложения и управлять родительным падежом существительного, что возможно и для *нет*-замены (ср.: *Меня нет* и *Вас видно, а меня — нет*). Отличие в том, что, во-первых, *нет*-замена способно входить в такие конструкции только при наличии аналогии с предложением, содержащим сказуемое, предполагающее ту же синтаксическую модель и «передающее» ее *нет*, а во-вторых, *нет*-замена всегда требует финальной позиции в предложении по отношению к тем элементам, с которыми оно связано.

Для *нет*-замены существуют такие контексты, в которых может использоваться и слово *да*, и такие, в которых *да* невозможно. Приведу выделенные на основе проанализированной базы примеров типы контекстов для *нет*-замены, разделив их на два блока на основе возможности аналогичных конструкций с *да*.

3.2.4.2. Типы контекстов, для которых возможны аналоги с *да*

[Контекст 1] Ответы на вопросы и реакции на утверждения.

[1a] *Нет* в составе ответа на позитивный вопрос или в составе реакции на позитивное утверждение (в опровержении).

[1a] — *Ты пойдешь туда? — Я — нет. / Без тебя — нет. // — Он пойдет туда. — Он — нет. / Без тебя — нет.*

Здесь *нет* работает схоже с *нет*-изолированным в контекстах типа [9] и [1]: означает негативную пропозицию.

Да в таких контекстах возможно и используется обратно по отношению к *нет*: в репликах, означающих позитивные утверждения. Ср.: — *Ты*

пойдешь туда? — Я — да. / С тобой — да. Таким образом, *да* в подобных контекстах, как и *нет*, работает так же, как в контекстах [9] и [1].

[16] *Нет* в составе ответа на негативный интерпретирующий вопрос или в составе реакции на негативное утверждение (в подтверждении).

[16] — *Ты что, не пойдешь туда? — Я — нет. / Без тебя — нет. // — Он не пойдет туда. — Он — нет. / Без тебя — нет.*

Здесь *нет* работает схоже с *нет*-изолированным в контекстах [11] и [3]: означает негативную пропозицию.

Да в таких контекстах возможно и используется так же, как *нет*: в репликах, означающих негативные утверждения. Ср.: — *Ты что, не пойдешь туда? — Я — да* (т. е.: «Я не пойду») / *Без тебя — да* (То есть: «Без тебя я не пойду»). Конечно, подобное *да* сомнительно с точки зрения норм литературной речи, но тем не менее встречается регулярно, ср. пример из современного романа:

(36) — *Ты не различаешь цвета?! — Ну... — замылся тот. — Красное и зеленое — да.* [Д. Скирюк. Осенний лис (2000)].

[1в] *Нет* в составе ответа на негативный неинтерпретирующий вопрос (*да* невозможно).

[1в] — *Мне не звонили? — После обеда — нет. / По городскому — нет.*

Здесь *нет* работает схоже с *нет*-изолированным в контекстах типа [13]: означает негативную пропозицию. Для этого типа контекста, так же как и для контекстов [13] с *нет*-изолированным, подстановка *да* невозможна.

[Контекст 2] Придаточное изъяснительное с союзом *что* (*да* возможно).

[2] *Я спросил, пойдет ли он туда. Он ответил, что нет. / Он ответил, что без меня нет.*

В таких контекстах *нет* заменяет высказывания с негативной пропозицией. Возможно аналогичное употребление *да* для обозначения позитивной пропозиции, ср.: *Я спросил, пойдет ли он туда. Он ответил, что да.*

Поведение *нет* во всех приведенных в этом блоке типах контекста так похоже на поведение *нет*-изолированного, что с семантической точки зрения представляется странным отделять подобное *нет* от *нет*-изолированного. Кажется целесообразным отказаться

для таких примеров от синтаксического способа выделения типов *нет* и признать подобные типы употребления примыкающими к перечисленным выше 29 контекстам с *нет*-изолированным. Такие примеры легко толкуются на основе формальной схемы, предложенной для *нет*-изолированного (см. раздел 3.2.3.2). Отличие лишь в том, что высказывание, отражающее точку зрения говорящего, всегда содержит фрагмент, который оказывается подчеркнутым в качестве важного условия или причины. Этот фрагмент может содержаться или не содержаться в стимулирующей реплике, ср.: — *Ты пойдешь туда?* — *Туда — нет* и — *Ты пойдешь туда?* — *Без тебя — нет*. Таким образом, выделенное высказывание **р** в качестве условия выделенности содержит некоторый фрагмент, который содержится или не содержится в актуальном высказывании **а**.

Итак, *нет*-изолированное, входящее в синтаксическую конструкцию вида «**X** — нет», означает, что:

- рассматриваются два утверждения, **р** и **а**, описывающие одно и то же положение дел;
- утверждение **р** противостоит утверждению **а** как несовместимое с ним по адекватности (1);
- утверждение **р** вводится в качестве выделенного (2а), при этом в качестве условия выделенности подчеркивается включение в это утверждение фрагмента **X** (2б);
- утверждение **а** вводится в качестве актуального (3).

Таким образом, *нет* из перечисленных выше типов контекста можно считать одним из видов *нет*-изолированного, поэтому в дальнейшем ярлыком «*нет*-замена» будет называться *нет* только из перечисленных далее трех типов контекстов.

3.2.4.3. Типы контекстов и значение *нет*-замены

[Контекст 1] *Нет* в противопоставлении или в сопоставлении

[1] *Я ушел, а он — нет / Я не ушел, и он — нет / Я ушел, он — нет.*

(37) Маргарите было уже знакомо ощущение полета, а мастеру — *нет*... [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

Ср. невозможность: **Я не ушел, а он — да / *Я ушел, и он — да / *Я не ушел, и он — да.*

Нет входит здесь в сложное предложение вполне определенной структуры, которую можно описать такой формулой:

«**X1 + Y**» противопоставление / сопоставление «**X — нет**»»,

где **X1**, **Y** и **X** — фрагменты предложения, при этом фрагменты **X1** и **X** не включают сказуемое и являются аналогичными по синтаксической структуре, а фрагмент **Y** включает сказуемое.

То есть подобное *нет* выступает в роли замены такого фрагмента предложения, который включает сказуемое с отрицанием и вместе с фрагментом **X1** составляет часть сложного предложения, вторую по порядку, находящуюся в отношении противопоставления или сопоставления, выраженном сочинительным союзом (*а / но / и* и др.) или интонационно, с первой по порядку частью сложного предложения, состоящей из фрагментов **X1 + Y**, где фрагмент **X1** аналогичен по синтаксической структуре фрагменту **X**, а фрагмент **Y** включает сказуемое, позитивное при противопоставлении и с отрицанием при сопоставлении.

Значение *нет* в такой конструкции, несмотря на кажущуюся простоту, является интересным и довольно сложным для описания. Дело в том, что, хотя синтаксически введены только две части предложения, на самом деле рассматриваются три утверждения: помимо присутствующих в тексте структур «**X1 + Y**» (*я ушел*) и «**X — нет**» (*он — нет*) вводится еще и третья — «**X1 + Y**» (*он ушел*). И выделенное говорящим утверждение «**X не Y**» (*он не ушел*) рассматривается в ситуации актуальности спрятанного за своеобразной структурой предложения утверждения «**X1 + Y**» (*он ушел*).

Итак, *нет*-замена, входящее в синтаксическую конструкцию вида «**X1 + Y**» противопоставление / сопоставление «**X — нет**»», означает, что:

рассматриваются два утверждения, одно из них **р**, и другое **а** = «**X + Y**»;

- утверждение **р** является несовместимым по адекватности с утверждением **а**;
- утверждение **р** вводится в качестве выделенного;
- утверждение **а** вводится в качестве актуального.

Вот пояснение этого описания на примере.

Нет-замена, входящее в предложение *Я ушел, а он — нет*, имеющее структуру «*Я (X1) + ушел (Y)*» противопоставлено (противопоставление, выражено союзом *а*) «*он (X) — нет*», означает, что:

- рассматриваются два утверждения, одно из них **р**, и другое **а** = «он ушел»;
- утверждение **р** является несовместимым по адекватности с утверждением **а** и тем самым восстанавливается как сходное с «Он не ушел»;
- утверждение **р** («Он не ушел») вводится в качестве выделенного;
- утверждение **а** («Он ушел») вводится в качестве актуального.

[Контекст 2] **Нет** как однородное сказуемое или определение.

[2] *И люблю ее и нет / Все они, умные и нет... / Все они, профессионалы и нет...*

(38) Оптовой продажей пусть занимаются те, кто это умеет, — профессиональные коммерсанты, торговые дома, которые и олицетворяют в глазах мировой пьющей и **нет** общественности французский коньяк. [Из газет (2002)].

Здесь **нет** выступает в роли замены такого фрагмента предложения, который включает сказуемое или определение с отрицанием и связан при помощи сочинительного союза *и / или / либо* с однородным фрагментом, не включающим отрицание.

[Контекст 3] **Нет** в аналоге альтернативного придаточного.

[3] *Не знаю, прав я или нет / Прав я или нет, а я это сделаю.*

(39) Не станем спорить о том, поступил ли я легкомысленно или **нет**. [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

Здесь **нет** выступает в роли замены такого фрагмента предложения, который включает сказуемое с отрицанием, связанное при помощи сочинительного союза *или* с аналогичным сказуемым, не включающим отрицание. Такое **нет** находится в одной из частей сложного предложения, связанной с другой частью интонационно или через противительный сочинительный союз (*а/но*) и имеющей значение типа придаточного изъяснительного (*Не знаю, прав я или нет*) или сходное с уступительно-условным (*Прав я или нет, а я это сделаю*).

Контексты типа [2] и [3] имеют сходную структуру, которую можно описать так: «**Y** *и / и... и нет*» (*Люблю ее и нет / И люблю ее и нет*), «**X** + “**Y** *или нет*”» (*Не знаю, прав я или нет*), «**X** + “**Y** *и / и... и / или нет*” + **X**» (*Все они, умные и нет, справились с этой задачей*), где **X** и **Y** — фрагменты предложения. В контекстах этих типов **нет**-замена ведет себя много проще, чем в контексте [1], так как фрагмент **Y**, со-

относимый с утверждением **а**, через несовместимость с которым по адекватности определяется значение фрагмента, представленного через **нет**, включен в текст. Здесь, в отличие от всех предыдущих случаев, практически нивелируется та часть значения **нет**, которая связана с актуальностью и выделенностью определенных утверждений, и остается лишь восстановление определенного фрагмента через противопоставление двух утверждений по адекватности.

Итак, **нет**-замена, входящее в синтаксические конструкции вида «**Y** *и / и... и нет*», «**X** + “**Y** *или нет*”», «**X** + “**Y** *и / и... и / или нет*” + **X**», означает фрагмент предложения **р**, такой, что утверждение **р** несовместимо по адекватности с утверждением **а**, где **а** = «**Y**», т. е. **р** — это фрагмент, сходный с «не **Y**».

Вот пояснения этого описания на примерах:

Нет-замена, входящее в предложение *И люблю ее и нет*, имеющее структуру «*И люблю ее (Y) и нет*», означает фрагмент предложения «**р**», такой, что утверждение **р** несовместимо по адекватности с утверждением **а**, где **а** = «*люблю ее (Y)*», т. е. **р** — это фрагмент, сходный с «не люблю ее».

Нет-замена, входящее в предложение *Не знаю, прав я или нет*, имеющее структуру «*Не знаю (X) + «я прав (Y) или нет»*», означает фрагмент предложения «**р**», такой, что утверждение **р** несовместимо по адекватности с утверждением **а**, где **а** = «*я прав (Y)*», т. е. **р** — это фрагмент, сходный с «я не прав».

Нет-замена, входящее в предложение *Все они, умные и нет, справились с этой задачей*, имеющее структуру «*Все они (X) + “умные (Y) и нет” + справились с этой задачей (X)*», означает фрагмент предложения **р**, такой, что утверждение **р** несовместимо по адекватности с утверждением **а**, где **а** = «*они умные (Y)*», т. е. **р** — это фрагмент, сходный с «не умные».

3.2.5. **Нет**-предикатив

3.2.5.1. Предварительная характеристика

Предикатив **нет** характеризуется в МАС как обозначающий «не имеется в наличии, отсутствует». В «Русской грамматике» предикатив **нет** описан как слово, «закрывающее в себе значение отрицания

наличия существования», что в зависимости от значения существительного (дополнения в родительном падеже) дает следующие четыре семантические структуры: «1) “отсутствие внешнего состояния”: *Нет ветра; Нет мороза;* 2) “отсутствие предмета (не-лица или лица)”: *Нет брата; Нет неизвестных героев; Нет денег; Мин нет; Нет книг;* 3) “отсутствие внутреннего или ситуативного состояния лица или лиц, определенных или неопределенных”: *Нет сил; Нет радости; Нет времени; Нет возможности работать; Нет горя;* 4) “отсутствие события или действия”: *Нет войны; Нет уроков; Нет возражений*»¹.

Какова синтаксическая структура предложений с предикативом *нет*? Все они всегда включают дополнение в родительном падеже. Подавляющее большинство, помимо дополнения в родительном падеже, содержат еще один второстепенный член, например предложную группу с предлогом *у*. Многие предложения, представляющие собой сочетание *нет* и родительного падежа и не имеющие других членов, в том числе большинство приведенных выше, воспринимаются как неполные, требующие либо еще одного второстепенного члена, либо расширенного контекста. В самом деле, сочетание *Нет книг* — это явно неполное предложение. Предложение *Мин нет* кажется полным, но только потому, что нестандартный порядок слов выделяет *мины* как рему и становится ясен предыдущий контекст: на определенной местности искали *мины*. Предложение *Нет брата* — неполное и требует указания «у кого»; предложение *Брата нет* воспринимается как вырванное из контекста обсуждения «здесь ли брат».

В «Русской грамматике» проблема «третьего» члена *нет*-конструкции комментируется так: «В случаях 2, 3, 4 вся ситуация отсутствия может быть отнесена к носителю: к тому, от кого она исходит или на кого она распространяется. Например, ситуация “отсутствие предмета” может относиться к лицу: *У меня нет книги*; отсутствие внутреннего ситуативного состояния может относиться или не относиться к носителю состояния, к тому, кто его испытывает: *Нет выхода и У тебя нет выхода; Нет счастья и В семье нет счастья*; отсутствие события, действия также может относиться или не относиться к деятелю (деятелям), не исходить или исходить от кого-то: *Уже тридцать лет*

¹РГ. Т. 1. С. 339.

нет войны и *Между нашими странами нет войны; Сегодня нет консультаций и Сегодня у учителя нет консультаций*»¹.

Ясно, что утверждение «отсутствие внутреннего ситуативного состояния может относиться или не относиться к носителю состояния» может быть сделано только при анализе заполнения словами конкретного предложения. При рассмотрении семантики кажется очевидным, что если есть обозначение «отсутствия внутреннего состояния», то каким-то образом должен быть известен и «носитель состояния». Поэтому во всех приведенных выше предложениях семантически «третий» член конструкции присутствует: он должен быть восстановлен из контекста. *Нет выхода* — «*выхода нет у того/тех, кто попал в обсуждаемую затруднительную ситуацию*» либо «*выхода нет в данном участке строения*»: конкретное решение зависит от того, звучит ли это высказывание при обсуждении чьих-то трудностей, или это надпись на дверях метрополитена. Высказывание *Сегодня нет консультаций* может существовать только в конситуации, при которой точно известен круг «деятелей», от которых «не исходит» действие *консультация*; например, это высказывание может быть содержанием записки на двери учебной кафедры во время сессии — тогда «деятели» — преподаватели кафедры, а если записка подписана, то конкретный преподаватель. Предложения, сходные со *Счастья нет*, подразумевают опущенное «на свете», «в мире», а предложения, относящиеся к случаю (1) «отсутствие внешнего состояния»: *Нет ветра; Нет мороза*, подразумевают компонент, сходный с «здесь» или с «в обсуждаемой местности».

3.2.5.2. Семантические позиции при *нет*-предикативе

Итак, можно сделать вывод, что предикатив *нет* требует заполнения двух семантических позиций, пока их можно обозначить только очень приблизительно: «чего *нет?*» и «где / у кого *нет?*». Первая позиция всегда заполняется через родительный падеж; вторая может заполняться как через определенные второстепенные члены при *нет*-предикативе, так и через более обширный контекст или

¹ Там же.

конситуацию. Основные способы заполнения второй позиции через синтаксическую конструкцию следующие:

1. Предлог *у* + родительный падеж существительного: *у него нет брата*.

2. Какой-либо предлог с падежной формой существительного: *на столе нет книги; под столом нет книги*.

3. Наречие места или времени: *здесь никого нет; сегодня нет консультаций*.

Основные способы заполнения второй позиции не через синтаксическую конструкцию таковы.

4. Заполнитель рассматриваемой позиции восстанавливается из ближайшего контекста как нечто конкретное; ср. пример 40.

(40) – Это можно выразить короче, одним словом – бродяга, – сказал прокуратор и спросил: – Родные есть?

– *Нет* никого. Я один в мире. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

В этом случае предложение с *нет* воспринимается как неполное, пропущенный член которого легко подставляется на основе предыдущего контекста и при этом оформляется одним из способов (1–3); так, в пример 39 подставляется «у меня».

5. Заполнитель рассматриваемой позиции восстанавливается примерно как «любое лицо, попавшее в данное положение или ситуацию» или «тот, с чьей точки зрения делается высказывание, и все лица, находящиеся в его поле зрения». В подобных случаях родительный падеж при *нет* обозначает различные состояния или положения человека, – например, *нет сомнений, нет надежды, нет возможности*. См. примеры:

(41) Поэтому *нет* ничего удивительного в таком хотя бы разговоре, который однажды слышал автор этих правдивейших строк у чугунной решетки Грибоедова... [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

(42) Из полуфунта икры в течении 3-х дней вылупляется такое количество головастиков, что их *нет* никакой возможности сосчитать, – ревел невидимый в рупоре. [М. А. Булгаков. Роковые яйца (1924), НКРЯ].

(43) После рассказов Ноздрева полнейшее уныние овладело всеми. Видят никакой возможности узнать, что такое Чичиков, *нет*. [М. А. Булгаков. Похождения Чичикова (1922)].

(44) У нас в городе просто *нет* возможности устроиться на работу. [Из газет (2001)].

6. Заполнитель рассматриваемой позиции восстанавливается примерно как «рассматриваемое место» или «место, которое актуально для того, с чьей точки зрения делается высказывание». Например, *нет ветра*. См. примеры:

(45) Ведь не может же быть, чтобы все это я видел во сне. А вдруг – сон? (Пес во сне дрогнул). Вот проснусь... и ничего *нет*. Ни лампы в шелку, ни тепла, ни сытости. Опять начинается подворотня, безумная стужа, оледеневший асфальт, голод, злые люди... [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925), НКРЯ].

(46) Тут только прокуратор увидел, что солнца уже *нет* и пришли сумерки. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940), НКРЯ].

(47) Я услышал лишь хриплый голос, который говорил: «Мужа *нет*. Он в городе. Придет, узнает, что я наделала, – убьет меня!» [М. А. Булгаков. Стальное горло (1925), НКРЯ].

(48) Снег изменился, стал как будто серее. Лютых морозов уже *нет*, но метели по временам возобновляются... [М. А. Булгаков. Морфий (1927), НКРЯ].

7. Заполнитель рассматриваемой позиции восстанавливается примерно как «во всем мире, нигде». Например, *настоящей любви нет*. В частности, так устроены все контексты со сравнительными оборотами типа *нет ничего хуже / лучше, чем...* (примеры 52 и 53). Ср. примеры:

(49) Расторопна, понятлива, и *нет* такой услуги, которую она не сумела бы оказать. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940), НКРЯ].

(50) – *Нет* ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, в которой, как правило непорочная дева не произвела бы на свет бога. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940), НКРЯ].

(51) – *Нет* документа, *нет* и человека, – удовлетворенно говорил Коровьев. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940), НКРЯ].

(52) – Ну, если это так, – бледнея от злобы заговорил Финдиректор, – то уж это действительно свинство, которому *нет* названия! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940), НКРЯ].

(53) Положительно, *нет* прекраснее времени, нежели зрелый август в Смоленской хотя бы губернии. [М. А. Булгаков. Роковые яйца (1924), НКРЯ].

(54) Ничего *нет* хуже, товарищи, чем малодушие и неуверенность в себе. [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936–1937), НКРЯ].

3.2.5.3. Значение *нет*-предикатива

Как было показано выше, *нет*-предикатив всегда актуализует две позиции, условно назовем их локализуемое (выраженное родительным падежом), обозначим его N, и область локализации, обозначим ее Q.

Локализация понимается в самом широком смысле, а ее конкретный тип определяется не словом *нет*, а соотношением N с Q или дополнительным контекстом. Так, очевидно, что нельзя сказать, будто *нет* в предложениях типа *У него нет денег* или *У него нет шляпы* задает значение «отсутствия собственности». Это значение задается самим соотношением «человек — деньги» или «человек — шляпа», ведь в предложениях типа *У него нет брата* речь пойдет уже не о собственности, а о другом типе отношения, заданном соотношением «Человек — брат». Вне более широкого контекста неясно, что значит *У него нет денег* — нет вообще, нет с собой или нет для данной конкретной цели, но есть для других. Большую роль играет предлог, вводящий Q, ср.: *У Пети нет шляпы* и *На Пете нет шляпы*. Итак, основные отношения между N и Q задаются не за счет значения слова *нет*, а за счет соотношения понятий N с Q и за счет окружающего контекста.

Тем не менее *нет* накладывает достаточно четкие ограничения на возможные соотношения N и Q: далеко не при любых отношениях между N и Q возможно использование предикатива *нет*. Например, можно сказать *У него нет веснушек* или *У него нет одного глаза*, но нужен очень специальный контекст для предложений типа *У него нет голубых глаз*, *У него нет рыжих волос*. Можно сказать *У него нет брата / родителей / собаки*, но нужен очень определенный контекст, чтобы сказать *У него нет пожарника*. Можно сказать *Нет солнца* или *Нет мороза*, но нельзя вне специального контекста сказать *Нет землетря-*

сения или *Нет войны*. Отмечу, что ограничения, накладываемые *нет*, не совпадают с накладываемыми формой *есть* и нулевой связкой: так, возможно *У него есть веснушки* и *У него веснушки*; *У него есть один глаз*; *У него голубые глаза*; *У него рыжие волосы*; *У него есть брат / родители / собака*; *Солнце*; *Мороз*; *Землетрясение*; *Война*.

Уже из этих примеров видно, что обязательным условием использования предикатива *нет* является либо изначальное существование определенных отношений между N и Q («человек — родственник», «человек — часть тела», «человек — предмет»), либо такой контекст, в котором такие отношения становятся актуальными. Так, сказать *У него нет голубых глаз* нельзя потому, что изначально задано соотношение «человек — часть тела», но не задано соотношение «человек — часть тела с определенной характеристикой». Чтобы можно было сказать *У него нет пожарника*, в контексте должны быть заданы определенные отношения между «он» и «пожарник»; например, «он» должен быть начальником агентства по подбору сотрудников, к которому обратились в поисках сотрудника со специальностью «пожарник».

Отсюда можно сделать вывод, что хотя конкретный вид отношения между N и Q задается свойствами N и Q и / или контекстом, но *нет* требует, чтобы эти отношения были актуальны в данной ситуации. И тогда значение *нет*-предикатива сводится к описанию отсутствия этих актуальных отношений, точнее, к наличию противоположных отношений, несовместимых с актуальными. Поэтому значение *нет*-предикатива можно описать следующим образом. *Нет*-предикатив означает, что:

- актуально отношение **a** между N и Q (1);
- имеет место отношение **p** между N и Q (2);
- **p** и **a** являются такими отношениями между N и Q, что не могут иметь место одновременно (3).

Вот пояснения этого описания на примере: *нет* в *У него нет при себе денег* означает, что актуально определенное (задаваемое словами *при себе*) отношение **a** между «он» и «деньги» (1); имеет место отношение **p** между «он» и «деньги» (2); **p** и **a** являются такими отношениями между «он» и «деньги», что не могут иметь место одновременно (3).

* * *

На основе анализа использования слова *нет* в самых разных типах контекстов была сделана попытка показать, что если отделить значение, вносимое *нет*, от значений, вносимых теми элементами контекста, которые с ним взаимодействуют, то оказывается, что семантика *нет* одинакова для всех случаев. В основе значения как *нет*-предложения (*нет*-частицы), так и *нет*-предикатива находится один и тот же семантический комплекс.

Итак, слово *нет* означает, что:

- выделяются две семантические единицы;
- одна из этих единиц вводится в качестве актуальной, а вторая – в качестве связанной с реальным положением дел;
- эти единицы противостоят друг другу как несовместимые.

Глава 4. Лексическая семантика и лексикография

4.1. О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях и шкала лабильности)¹

*Инкуб – разновидность оживших мертвецов, имеет
обыкновение вступать в браки с живыми. Не бывает.*

(А. и Б. Стругацкие)

4.1.1. Лингвистические и энциклопедические толкования

Излюбленная тема теоретической лексикографии – типология словарей, при этом в качестве основного обычно выбирается деление на словари лингвистические и энциклопедические². Основанием для

¹ На основе материалов данного раздела опубликованы следующие статьи: Добрушина Е. Р. О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях) // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Смоленск, 2006. С. 65–72; Добрушина Е. Р. Лексикографическое толкование и шкала лабильности (проблемы толкований в словаре религиозной лексики) // Сборник Богословской конференции ПСТГУ. М., 2007.

² См., например: Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 3. № 1. Новосибирск, 2006. С. 20–45.

такого разграничения является предмет описания: в словарях первого типа описываются языковые единицы, в словарях второго — понятия. Двум типам словарей соответствуют два типа толкования — лингвистическое и энциклопедическое: слово как языковая единица должно толковаться в первую очередь с точки зрения его сигнификативного значения, а понятие должно получать описание его свойств в реальности. Подробность, форма, степень научности и концепция энциклопедического описания зависят от целей составителей словаря и могут сильно варьироваться. Что касается лингвистического толкования, то тут русская лексикографическая традиция предъявляет довольно жесткие требования, как минимум такие: объем толкования должен определяться необходимым и достаточным набором признаков наивного понятия, толкование должно быть эксплицитным и не приводить к тавтологическим кругам. Впрочем, сформулированы эти требования относительно недавно: отчет можно вести с 1970-х гг. — с момента появления в научном обиходе идей, выдвинутых И. А. Мельчуком¹ и за последующие несколько десятилетий разработанных Ю. Д. Апресяном и другими членами московской семантической школы².

Ни в малейшей степени не умаляя значимости и научно-культурно-практической ценности классических толковых словарей, приходится признать, что ни в одном из них не сделана попытка последовательно соблюдать вышеперечисленные требования³. Это не является их недостатком: все они создавались до того, как сформировался обсуждаемый научный подход, адресованы самому широкому кругу пользователей, и цели составителей были далеки от последовательного описания сигнификативного значения. Но с развитием семантики пришла эпоха новых словарей, таких, как лингвистические словари под редакцией Ю. Д. Апреся-

¹ См., например: Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М.; Вена, 1995. С. 5–7.

² См., например: Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Известия АН СССР, Сер. лит. и яз. 1986. № 2; Он же. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.

³ Воспользуюсь случаем выразить восхищение талантом и языковым чутьем одного из первых русских лексикографов: при сравнении толкований, предлагаемых русскими словарями двух последних веков, обнаруживается, что идее выделения необходимого и достаточного набора признаков наивного понятия, при всей ненатуральности их формы, в наибольшей степени соответствуют толкования В. И. Даля.

на¹. Здесь же пойдет речь о проблемах, возникающих при попытке совместить лингвистическое и энциклопедическое толкования, не возвращаясь при этом к их неразличению, столь характерному для словарей предыдущего периода.

4.1.2. Наивное и понятийное в словарях религиозной лексики

Начиная с 2005 г. группа филологов и богословов из ПСТГУ² работает над созданием специфического словаря христианской лексики (далее ЛЭСРХЛ — «Лингво-энциклопедический словарь русской христианской лексики»). Цель составителей следующая: адекватно современным подходам описывая лексические, грамматические и отчасти стилистические свойства лексем, с одной стороны, отразить специфику соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, а с другой — продемонстрировать особенности православной трактовки христианских понятий³.

¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.; Вена, 2004; Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М., 2010.

² Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва).

³ См. об этом словаре: Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2012. № 3 (29). С. 105–113; Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «аббата» до «аналоа»: фрагмент «лингво-энциклопедического словаря христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011. № 4 (22). С. 119–148; Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «анамнесиса» до «апокрифа»: фрагмент лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2012. № 2 (28). С. 103–118; Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «апостола» до «аутодафе»: фрагмент «лингво-энциклопедического словаря христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2012. № 3 (29). С. 114–136; Литвинцева К. В. Лексикографическая специфика современного словаря христианской лексики: на материале словарной статьи «Архидиакон» // Сборник студенческих научных работ. 2010. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 133–141; Она же. Номинация, титулование и обращение в религиозном дискурсе (лексикографические наблюдения) // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012. С. 165–176; Она же. Отражение лексических свойств слова Бог в лексикографических описаниях // XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2013. С. 307–308.

Оказалось, что такой словарь для многих лемм должен совмещать лингвистическое и энциклопедическое толкования, при этом строго их разграничивая. Без лингвистических толкований невозможно говорить об описании языковой картины мира, ср.: «Утверждение, высказанное на заре семантики и многократно затем повторенное, — о том, что семантическое описание должно отражать только релевантную информацию, а энциклопедические сведения избыточны и не нужны, например, в словарном описании, с сегодняшней точки зрения можно было бы не только полностью принять, но даже усилить, сказав, что в действительности энциклопедическая информация, внесенная в лингвистическое описание, не просто дополняет избыточными деталями, а искажает реальную семантику и ту картину мира, которую предполагает язык»¹. Но, поставив цель продемонстрировать специфику трактовок понятий каждой конфессии, без сведений энциклопедического характера также не обойтись. Поэтому было принято решение, что для всех **слов** будет дано лингвистическое описание с соблюдением современных требований, а для лемм, обозначающих понятия, специфические для православной конфессии, толкование будет дополнено избыточной по отношению к лингвистическому толкованию информацией, отделенной специальной пометой (например, ///). Что касается включенных в словарь **словосочетаний**, таких как **суббота акафиста** или **богослужебные книги**, то тут, по-видимому, речь должна идти скорее об энциклопедических толкованиях, так как из-за специализированного круга пользователей лингвистический статус таких единиц не совсем ясен.

Совместно с теологами из Берлинского университета им. Гумбольдта была проведена работа над несколькими лексемами, немецкими и русскими, относящимися к специализированной христианской лексике; целью этой работы был поиск методов описания конфессиональной специфики значений, поэтому каждую лексему отдельно толковали русский и немецкий теологи. Проиллюстрировать обсуждаемую здесь проблему можно при помощи толкования немецкого термина, предложенного немецким теологом, не имеющим представления о лингвистическом подходе к толкованиям:

¹ Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000. С. 24.

(А) *Abhängigkeitsgefühl* (чувство зависимости): 1. Теолог. Религиозное понятие, возникшее на переломе XVIII–XIX вв. и обозначающее особое отношение человека к Богу. Ф. Д. Э. Шлейермахер является автором терминов «чувство безусловной зависимости» и «чувство безусловной зависимости от Бога». Чувство зависимости, понимаемое как непосредственное самосознание, связано с чувством лишь условной свободы и лишь условной причинности в земных отношениях. 2. Научн.-атеист. Определение сути религии.

В этом толковании разбивка на значения является не лингвистической, а терминологической: речь идет ровно об одном значении, а деление на пункты 1 и 2 — это два разных отношения к описываемому понятию при том же самом значении слова, описание которого затеряно среди энциклопедической информации под цифрой 1. При соблюдении лингвистических требований то же самое толкование должно было бы выглядеть примерно так:

(Б) *Abhängigkeitsgefühl* (чувство зависимости): Теолог. Особое отношение человека к Богу: непосредственное самосознание, связанное с чувством лишь условной свободы и лишь условной причинности в земных отношениях.

/// Это религиозное понятие введено Ф. Д. Э. Шлейермахером на переломе XVIII–XIX вв., также им введены термины «чувство безусловной зависимости» и «чувство безусловной зависимости от Бога». В научно-атеистической традиции принято представление, что к **чувству зависимости** сводится суть любой религии.

По сути, в первоначальном варианте толкования сделана та же ошибка, которая обыгрывается в вынесенном в эпиграф данного раздела толковании слова **инкуб** из словарика, составленного А. Приваловым — героем романа А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

(В) «Инкуб — разновидность оживших мертвецов, имеет обыкновение вступать в браки с живыми. Не бывает».

В первой фразе толкования перечислены компоненты сигнификативного значения слова (оживший мертвец с матримониальными склонностями), а вот вторая часть («Не бывает») представляет собой энциклопедическую информацию — научный комментарий самого Привалова. Если разбить это толкование на два раздела (1. Оживший мертвец... 2. Не бывает), то его структура станет примерно

такой же, как в первоначально предложенном толковании (А) для *Abhängigkeitsgefühl*.

Такого рода соотношение между наивным понятием и богословским толкованием оказалось стандартной проблемой: представления «языка» и религии о существовании / несуществовании означаемого часто не совпадают. Означаемые слов *Бог, ангел, инкуб, бес* и др. языком, по-видимому, представлены как существующие, энциклопедическое же решение будет зависеть от научной традиции. Иначе обстоит дело с другими означающими. Например, слово *молиться* не содержит информации о том, существует ли в реальности адресат действия. Вот вариант толкования:

(Г) *Х молится Y*: X словесно или мысленно обращается к Y (как правило, в отсутствии непосредственного материального (чувственного) контакта с Y); X считает, что Y обладает сверхъестественным могуществом и властью над X.

Увидев подобное толкование, немецкие теологи выразили удивление тем, что предлагается описание леммы с атеистической позиции. На самом деле если атеистическая позиция говорит «не бывает», а христианская «бывает», то русский язык в слове *молиться* вообще не рассматривает вопрос, бывает или нет, а лишь вполне определенно говорит, каково на этот счет мнение субъекта действия. Таким образом, и христианский и атеистический взгляды должны описываться не в лингвистическом, а в энциклопедическом разделе.

Таким образом, проблема различения лингвистической и энциклопедической информации стала для составителей словаря очень актуальной. По-видимому, этот момент особо важен для религиозной лексики, что подтверждается проведением такого разграничения для некоторых лемм в «Словаре православной церковной культуры»: «Словарь содержит большое количество энциклопедической информации, которая либо составляет все содержание словарной статьи (при описании персоналий, икон и т. п.), либо приводится в конце словарной статьи после графического значка в так называемой легенде (историко-литературном комментарии)»¹.

¹ Складарская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2008. С. 8.

4.1.3. Граница между лингвистической и энциклопедической информацией

Вот пример из ЛЭСРХЛ, в котором лингвистическая зона толкования отделена от энциклопедической знаком ///.

(Д) *Анеайка*: Асемантическая вставка набора слогов «а-не-на» в текст при пении. /// Используется как мелодическое украшение; встречается в кондакарном, путевом, демественном, большом распевах; имеет аналогии в византийском пении XII–XV вв. в виде «теререм» – вставок набора «те-ре-ре».

Здесь вполне понятно, где проходит граница между лингвистическим и энциклопедическим толкованием. Но есть множество единиц, для которых это совсем не так очевидно. Ср. фрагмент толкования (приводится только первое значение из трех), в котором места возможной границы между двумя частями отмечены знаком ?? с номером:

(Е) *Ангельский чин*: 1. Система иерархии ангелов (знач. 1), а также ступень этой иерархии; ??1 описана византийским богословом Дионисием Ареопагитом (V–VI вв.); ??2 первая триада: серафимы, херувимы, престолы; вторая триада: силы, господства, власти; третья триада: начала, архангелы и собственно ангелы (знач. 3).

Ясно, что компонент «система иерархии ангелов» входит в наивное понятие. Достаточно ли его? По-видимому, нет, ведь словосочетание обозначает не любую ангельскую иерархию. Означает ли это, что все последующие компоненты входят в сигнификативное толкование? Но ведь для опознания объекта достаточно любого одного из компонентов ??1 и ??2. Если сохранить оба, то нарушится принцип «экономности» при опознании означаемого. Что же тогда, можно выбрать любой из них – по вкусу?

Еще один тип лексем – такие, для которых только «родовое» указание входит в лингвистическую часть толкования, а все остальные компоненты – энциклопедические.

(Ж) *Авдианство*: Христианское еретическое учение; /// названо по имени основателя сирийца Авдия; возникло в Месопотамии; существовало в IV–V вв.; содержало утверждение, что Бог во всем подобен человеку, не исключая тела.

Итак, при попытке отделить лингвистическую часть толкования, возникает множество проблем, а какой-либо общепринятой мето-

дики, помогающей разграничивать лингвистическую и энциклопедическую части толкований, в лексикологии не разработано. Принимая решение, лексиколог опирается на интуицию, и решения для одних и тех же лексем могут оказаться разными. Это хорошо видно при сравнении двух статей разных авторов, ставящих целью разграничение лингвистического и энциклопедического значений. Так, для слова *антиминс* Г. Н. Скляревская дает следующее лингвистическое толкование:

(З) *Антиминс*: Четырехугольный плат с изображением погребения Иисуса Христа и с частицами святых мощей, находящийся на престоле и необходимый для совершения литургии.

И к нему такое энциклопедическое дополнение: Антиминс символизирует Гроб Господень и гробницы мучеников, на которых в раннехристианские времена совершалась литургия¹.

В словаре ЛЭСРХЛ эта же лемма получает толкование, разделенное на лингвистическую и энциклопедическую части знаком ///:

(И) *Антиминс*: Плат, освященный архиереем с его подписью; в углах зашиты частицы мощей святых; на нем совершается таинство Евхаристии; в исключительных случаях может заменять престол; /// чаще всего имеет изображение Креста или иконы «Положение во гроб»; хранится на престоле завернутым в илитор².

Авторы выделяют для этой лексемы довольно разные наборы компонентов значения и по-разному делят их на лингвистические и энциклопедические (см. таблицу 9).

То есть в совокупности выделено 10 компонентов, три из которых оба автора включают в лингвистическое значение — «плат» (1), «частицы мощей» (4), «для Литургии» (5). Но с остальными семью компонентами авторы обходятся по-разному: два компонента включены в лингвистическую часть первым автором и в энциклопедическую — вторым — «содержание изображения» (3), «на престоле» (6); один лингвистический компонент первого автора во втором толковании не сочтен значимым вовсе — «четырёхугольный» (2); два лингвистических компонента второго толкования не сочтены значимыми в первом — «освящение и подпись архиерея» (8), «может

¹ См.: Скляревская Г. Н. Словарь... С. 30.

² См.: Добрушина Е. Р., свящ Константин Польсков и др. От «анамнесиса» до «апокрифа»... С. 108.

заменять престол» (9); наконец, в каждом из толкований есть энциклопедический компонент, отвергнутый другими, «символизирует раннехристианские реалии» (7), «завернуто в илитор» (10).

Таблица 9. Лингвистические и энциклопедические элементы значения леммы *антиминс* в словарных описаниях у Скляревской (2008), у Добрушиной, Польскова и др. (2012а)

	Лингвистические компоненты	Энциклопедические компоненты
Скляревская:	«плат» (1), «четырёхугольный» (2), «содержание изображения» (3), «частицы мощей» (4), «для Литургии» (5), «на престоле» (6)	«символизирует раннехристианские реалии» (7)
Добрушина, Польсков:	«плат» (1), «освящение и подпись архиерея» (8), «частицы мощей» (4), «для Литургии» (5), «может заменять престол» (9)	«содержание изображения» (3), «на престоле» (6), «завернуто в илитор» (10)

Из заметно разного описания сигнификативного значения следуют разные представления авторов о сути слова, о том, что делает антиминс антиминсом, позволяет называть предмет именно этим словом. ЛЭСРХЛ принятым решением о наборе лингвистических компонентов подчеркивает, что из всех признаков *антиминса* важна только подпись архиерея (как свидетельство его благословения). Ср.: «Антиминс — “вместо-престолие”. Это, по сути, верительная грамота от епископа, которой он благословляет совершать Литургию в его отсутствие. Поэтому так важна на антиминсе подпись архиерея. А вот вшивание мощей в антиминс как раз необязательно: не мощи святого дают возможность совершать литургию, а единство литургисающего священника с Церковью; единство, которое и выражается в его канонической связи с епископом. Поэтому и разворачивает священник антиминс на престоле в тот момент ектеньи, когда возносит моление о епископе»¹.

¹ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1913. С. 899.

4.1.4. Вес лингвистического и энциклопедического и лабильность

Пытаясь подойти к решению проблемы о методике деления значимой информации на лингвистическую и энциклопедическую, следует понимать, что разные семантические типы слов в разной степени наделены сигнификативным значением и поэтому вес двух типов информации различен. В первую очередь противостоят слова с предикативным и предметным значениями, т. е. с разной степенью «лабильности» слова. «Лабильность» — термин, введенный Е. В. Рахилиной и обозначающий «степень связанности семантики языковой единицы с определенной ситуацией и ее участниками»¹. Если представить лабильность слов в виде шкалы, то на одном ее полюсе (минимальном) будут помещаться глаголы — наименее лабильные, так как их семантика в очень значительной степени определяется связью с участниками ситуации, а на другом (максимальном) — предметные существительные. Чем менее лабильно слово, тем в большей степени его лингвистическая семантика может быть восстановлена из анализа его сочетаемости и тем проще после проведения такого анализа отличить признаки, образующие сигнификативное значение, от признаков понятия, поэтому проблема разделения двух типов информации для глаголов решается проще, чем для более лабильных слов. В другой терминологии можно сформулировать это через противопоставление денотативного значения (предметного) сигнификативному (понятийному)². Слова, имеющие значительный вес денотативного компонента (в первую очередь имена собственные), обладают высокой лабильностью и практически не соотношены с наивным понятием, т. е. носители языка идентифицируют их денотаты через узнавание, но не через сопоставление с общим для всех носителей языка понятием, поэтому их значение можно описывать только энциклопедическими методами. Напротив, слова с выраженным сигнификативным компонентом, мало лабильные, непосредственно связаны с наивным понятием и могут быть истолкованы исключительно лингвистическим методом.

¹ Рахилина Е. В. Когнитивный анализ... С. 30.

² См., например: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 80–86.

Поэтому наиболее доступно выделение сигнификативной части значения для глаголов (см. выше толкование (Г) для *молиться*). Существительные, находящиеся ближе к глагольному полюсу лабильности, т. е. непосредственно связанные с определенным действием, такие как *молитва*, *грех*, *спасение*, также оказываются более простыми для анализа, чем предметные имена: они менее лабильны. Для большинства глаголов и связанных с действием существительных, относящихся к религиозной лексике, существует богословское толкование, возможно являющееся предметом размышлений, дискуссий, разных трактовок, но тем не менее этот богословский взгляд имеет легко определяемые границы и вполне отличим от лингвистического толкования.

Но есть среди отглагольных имен и более интересные: они имеют специфическое применение в узкой области знания, но для них использующие их специалисты не могут четко сформулировать энциклопедическое значение. Так, слово *скорбь* (*скорби*) регулярно используется в религиозных текстах, и возможность подстановки вместо него синонимичных *беда*, *горе*, *несчастье* очень сомнительна. В качестве уточняющих синонимов могут использоваться *печаль* (*печали*) и *трагедия*, но изолированно, как правило, используется только *скорбь*, ср.:

(1) ...мы должны помнить, что после каждой *скорби*, каждой *трагедии* приходит момент, когда Бог дает нам новую глубину души, новые силы, новое понимание жизни. [Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Радость Христова (1987) НКРЯ].

(2) Первые строки своего исповедания... преподобный Иоанн Дамаскин начинает с изъяснения *печали*, *скорби*, неизбежной на пути к Богу. [Игнатия (Петровская), монахиня. Путемerie антифонов (1960–1962) НКРЯ].

(3) Бедный Лазарь терпел большие *скорби* и за это особо прославлен Богом. [Жить по воле Божией // «Журнал Московской патриархии», 2004, №9, НКРЯ].

Чтобы разобраться в том, какова специфика понятия, обозначаемого словом *скорбь*, нужен анализ сочетаемости и соотношения с синонимами. Выводы из такого анализа, по-видимому, будут интересны и богословам, для которых понятие *скорбь* довольно расплывчато: они используют именно это слово интуитивно, но не могут выделить

особенности понятия *скорбь* по отношению к понятиям *горе*, *несчастье* или *беда*. Здесь язык знает о понятии больше, чем специалист. Таким же свойством обладают и многие другие слова — например, очень специфическое слово русской религиозной традиции *милость* («Ибо Я *милости* хочу, а не жертвы» [Ос 6. 6]), имеющее иное означающее, нежели слово *любовь*, тогда как, например, в немецком языке эти понятия не различаются. Это слова высокой степени лабильности, требующие лингвистического описания и плохо принимающие энциклопедическое.

На противоположном полюсе лабильности расположены предметные существительные, и для них очень сложно разделить два типа информации. Приведу таблицу, позволяющую сравнить толкования нескольких простых слов предметного типа у лексикографов разных периодов:

Таблица 10. Толкования лемм *слон*, *стол*, *стул*, *мышь*, *крыса* в классических словарях

Даль 1863–1866	Ушаков 1935–1940	Ефремова 2000
Слон: Известное огромностью своею животное жарких стран.	Крупнейшее млекопитающее с длинным хоботом, двумя бивнями и очень толстой кожей.	Крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями.
Стол: Утварь домашняя, для поклажи, постановки чего. В столе отличают: столешницу, верхнюю доску и подстолье, а в этом: обвязку (иногда с ящиком) и ножки, иногда с разножками.	Предмет домашней мебели, представляющий собою широкую поверхность из досок (деревянных, мраморных и др.), укрепленных на одной или нескольких ножках и служащий для того, чтобы ставить или класть что-н. на него.	Предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на одной или нескольких ножках (иногда с ящиками, тумбочками), на который кладут или ставят что-л.
Стул: Известная домашняя утварь для одиночного сидения.	Род мебели для сиденья, снабженной спинкой (для одного человека).	Предмет мебели на ножках и со спинкой, предназначенный для сидения одного человека.
Мышь: Mus, родовое название из семьи грызунов.	Небольшой грызун из семейства мышиных, с острой мордочкой, черными глазами, усиками и длинным, почти голым хвостом.	Небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным хвостом.

Даль 1863–1866	Ушаков 1935–1940	Ефремова 2000
Крыса: Докучливое в домах животное, домовая крыса, двух видов: малая или черная, Mus rattus.	Грызун, всеядное млекопитающее из той же породы, что и мышь, но гораздо больших размеров, с темно-серой шерстью и голым хвостом, водящееся преимущ. в жилых помещениях. Крысы приносят громадный вред истреблением хозяйственных припасов.	Вредный — значительно крупнее мыши — грызун семейства мышеобразных с длинным чешуйчатым хвостом.

Из-за отсутствия возможности опереться на сочетаемость авторы толкований предметных слов отбирают некоторое количество признаков понятия, при этом отбор производится в достаточной степени произвольно. Так, толкуя слово *слон*, помимо компонентов «животное» и «очень большой размер», В. И. Даль выделяет признак «жаркие страны», Д. Н. Ушаков — признаки «млекопитающее», «хобот», «бивни», «толстая кожа», Т. Ф. Ефремова — «млекопитающее», «травоядное», «хобот», «бивни». В реальности для таких слов, по-видимому, просто не существует сигнификативного значения: означающее связано с означаемым вне какого-либо «наивного понятия». Опознание денотата носителем языка производится на основе личного энциклопедического понятия. Как бы ни было составлено толкование, оно будет описанием энциклопедического, а не лингвистического понятия. Лексикограф должен хоть как-то связать слово с денотатом, поэтому для обозначений животных честным выходом было бы ограничить толкования латинским названием из биологической типологии, но такое решение принял только В. И. Даль. Лингвистически релевантными остаются семантическая корреляция «часть — целое» (именно ее отражают лексикографы, выделяя ножки стола, столешницу, хобот и бивни) и «гипоним — гипероним» (мебель, животное, грызун). Наиболее важно указание на ближайший когипоним, обозначающий понятие, тесно связанное в сознании носителя языка с толкуемым. Поэтому, описывая понятие *крыса*, лексикограф стремится указать признаки, по которым *крыса* отличается от *мыши*, и в толкованиях возникают абсолютно «энциклопедические», не имеющие отношения к языку «хвосты» — «голый» и «чешуйчатый».

Не все предметные существительные высоколабильны. Функциональность, т. е. свойство обозначать нечто, включенное в жизнь человека, влечет наличие у объектов определенных функций, приближает их к действиям и создает наивное понятие¹. Поэтому толковать слово *стол* легче, чем *слон*, поэтому же определить лингвистические, а не энциклопедические признаки для слов *алтарь* и *амвон* легче, чем для слова *бес*.

Для *стол* лингвистическими являются компоненты «мебель», «поверхность», «опора», «деятельность человека», «сидеть»: «поверхность, являющаяся опорой для деятельности сидящего человека». Элемент «сидящий человек» влечет необходимость определенной высоты и пространства «под столом», куда можно было бы убраться ноги (поэтому стол не может иметь форму тумбы), что технически решается при помощи ножек, но сами по себе ножки не важны. В вышеприведенные толкования включены энциклопедические компоненты: «горизонтальность» (между тем *парта* — вид *стола*), «ширина», «доска», «ножки». Наличие близких когипонимов сильно облегчает поиск дифференциальных признаков. Т. е. слово *стул* толковать легче, чем *стол*, потому что оно входит в ряд *мебель для сидения: стул, табурет, скамья* и др., а *стол* лишь в ряд *мебель*. Путем сравнения дифференциальные признаки выделить легче («сидеть», «спинка», «один пользователь»), именно поэтому толкования этого слова в большей степени совпадают в разных словарях. Функциональность важна и для животных, поэтому лексикографы последовательно сохраняют признаки типа «домашнее» или «вредное».

Единственное, что может сделать лексикограф по отношению к лабильным словам, — отследить структуру и количество информации для когипонимов. Например, при описании животных следует принять решение (это будет «волевое решение», так как научного не существует) о структуре типа: (1) латинское название, (2) дикое / домашнее (вид использования) животное, (3) вид питания, (4) места обитания, (5) наиболее яркие признаки или повадки и др., а можно ограничиться пунктами (1) и (2) или любым иным набором. В религиозном словаре подобного рода унифицирующее решение пришлось принимать, например, для многочисленного ряда когипонимов «названия сект» (*анабаптизм, богомилство* и др.).

¹ См.: Рахилина Е. В. Когнитивный анализ... С. 31–33.

4.1.5. Шкала лабильности

Итак, можно говорить о шкале лабильности как о шкале, ведущей от нелабильных слов, требующих выявления сигнификативного значения, которое в зависимости от типа словаря можно дополнять или не дополнять энциклопедическим, к лабильным словам, подлежащим, за отсутствием соответствующего наивного понятия, энциклопедическому описанию даже в лингвистическом словаре. На этой шкале четко видны следующие «риски».

1. Глаголы — наименее лабильный тип слов, так как их семантика в очень значительной степени определяется связью с участниками ситуации. См. выше толкование (Г) для *молиться*, в котором выделяется настолько четкое наивное значение, что его существование приходится признать вопреки энциклопедическим представлениям тех специалистов, для чьей профессиональной области глагол оказывается ключевым.

Существительные, непосредственно связанные с определенным действием, также имеют четкие границы сигнификативного значения. Примером такого существительного было слово *аненайка* — см. толкование (Д), — хоть и не отглагольное, а образованное от звукоподражательного корня, слово описывает именно действие и поэтому сходно с отглагольными.

2. Промежуточное положение на шкале лабильности занимают функциональные имена, т. е. имена объектов, постоянно играющих определенную роль в жизни человека. В частности, всегда функциональны артефакты — предметы, созданные человеком. Человек создает их с какой-то целью, и именно на этой цели основано «наивное понятие» о них. Это не всегда осознается составителями толкований. Дело в том, что у артефактов есть множество хорошо заметных признаков, и очень велик соблазн составить толкование именно из них (ножки для *стол*, изображение для *антиминс*). Но в наивное понятие входят только те признаки, которые соответствуют функции артефакта. См. выше анализ толкований (З) и (И) для *антиминс*.

3. Нефункциональные имена обладают высокой степенью лабильности и близки к именам собственным, как, например, именованья животных или сектантских учений (см. выше анализ для *слон, крыса, мышь* и толкования (Е) *Ангельский чин* и (Д) *авдианство*). Лингвисти-

ческий смысл таких единиц сводится к указанию на определенный референт из определенного множества («одно из животных», *авдианство* — одна из «христианских ересей»), но не включает набор признаков, на основе которых выбор может быть произведен. Грубо говоря, чтобы опознать объекты, называемые подобными лексемами, надо просто знать их название. Что касается набора дифференциальных признаков, то в сознаниях разных носителей языка, как и в толкованиях, составленных для разных словарей, он сильно варьируется и по объему, и по набору. Лингвистически адекватным толкованием сигнификативного значения таких слов было бы что-то типа «Одно (определенное / некоторое) животное», «Одно еретическое учение». Чтобы объяснить, какое именно «определенное», нужны нелингвистические признаки. Без этих нелингвистических признаков составить лингвистическое толкование невозможно, и все же желательно осознавать, что любой приведенный набор — это попытка признаками понятия — а не наивного понятия — разъяснить, какое «определенное».

4. Имена собственные — крайняя точка лабильной части шкалы, хотя среди имен собственных также можно выделить разные группы. В наибольшей степени лишены сигнификативной части значения, по-видимому, обозначения людей по именам, отчествам, фамилиям или кличкам.

Ниже в форме таблицы описывается соотношение семантических признаков «предикативность», «артефакт», «имя собственное» с объемом собственно сигнификативной части той информации, которую целесообразно включать в толкования лингвистических словарей.

Таблица 11. Шкала лабильности для существительных (от минимального полюса к максимальному)

Характеристика по значению	Деление словарной информации на лингв. /// энцикл.	Примеры
Предикативные	Вся основная ///	АКРИВИЯ: Применение в конкретных обстоятельствах религиозной жизни всей строгости канонических норм ///

Характеристика по значению	Деление словарной информации на лингв. /// энцикл.	Примеры
Функциональные, артефакты	Информация о функциях + обязательные признаки /// разнообразные признаки	АНТИМИНС: Плат, освященный архиереем с его подписью; при необходимости может заменять престол; принесение и возложение его на престол предшествует совершению таинства Евхаристии; /// имеет определенные изображения и, в русской, но не греческой традиции, зашитые в углах частицы мошей святых
Не предикативные, не функциональные, не собственные	Интегральный признак + конкретизация («особый, определенный») /// разнообразные признаки	АЛКОНОСТ: («Определенная») Райская птица; /// персонаж русских и византийских средневековых легенд и русской лубочной живописи; как правило, изображалась с женской головой и руками рядом с Сирином
Собственные, названия (книг и др.)	Интегральный признак («произведение»), возможно, конкретизированный («гимнографическое») /// разнообразные признаки	«АБАГАР»: Название сборника молитв и апокрифических сказаний; /// первая печатная книга на новоболгарском языке; составлена католическим епископом Филиппом Станиславовым; напечатана кириллицей в Риме в 1651 г.
Собственные, имена (людей и существ)	Интегральный признак «лицо» /// разнообразные признаки	АВГАРЬ: Имя /// царя Эдессы (Месопотамия, современный город Урфа, Турция); жил в первой половине I в.

* * *

Таким образом, проблема различения наивного и энциклопедического понятий очень по-разному решается для разных типов слов, а для некоторых — наиболее лабильных, имеющих большой вес денотативного компонента, — по-видимому, нерелевантна.

4.2. Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики¹

4.2.1. Оценка в составе сигнификативного значения

Занимаясь систематическим описанием религиозной и философской лексики, я столкнулась с тем, что многие входящие в нее единицы регулярно используются в ненаучных контекстах в переносных значениях, содержащих оценочный элемент. При этом первоначальным значением является именно научное или религиозное: в бытовую речь эти лексемы попали из отнюдь не бытовой сферы². В данной работе я попытаюсь проанализировать употребление в современном русском языке нескольких подобных слов, — в частности, тех, которые вынесены в заголовок. Такой анализ представляется мне интересным как сам по себе, так и потому, что я надеюсь приблизиться к ответам на следующие два вопроса. Проявляется ли в факте придания отрицательной оценки словам, первоначально обозначавшим нейтрально или даже позитивно оцениваемые религиозные понятия, религиозный нигилизм, переход с религиозного на атеистическое мировосприятие? Существуют ли какие-то семантические элементы, входящие в состав значения

¹ На основе материалов этого раздела опубликована статья: Добрушина Е. Р. Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 92–106.

² О русской религиозной речи как источнике некоторых лексических единиц современного языка известно мало, но интерес к этой проблематике растет. Так, недавно опубликована статья о функционировании в разговорной речи слов, происходящих из жаргона семинаристов: Добродомов И. Г. Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: *взьефантулить, сморозить, аксиос(ы)* // Slověne. International Journal of Slavic Studies. М., 2013. № 2. С. 143–171. Подготовлена статья о трансформации значений устойчивых сочетаний религиозного дискурса при превращении их в разговорные фразеологизмы: Литвинцева К. В. Особенности функционирования фразеологизмов с лексемой *Божий* в религиозных и светских текстах. 2014. В печати.

лексем философской и религиозной сфер, наличие которых влечет их освоение нейтральной речью как содержащих оценочные коннотации?

Семантический анализ, проводимый в этой работе, не претендует на точность и будет сводиться к выделению основных смысловых компонентов, очень приблизительно обозначаемых отражающими их значения естественными словами. Эти компоненты будут перечисляться через запятую без попытки связать их каким-либо более изощренным синтаксисом; компоненты, которые присутствуют часто, но не обязательно, будут помещаться в скобки.

Значение слова содержит оценку, если в его сигнификативное значение входит прагматический компонент «это плохо» или «это хорошо». Слово *белобрысый* содержит отрицательную оценку потому, что его значение можно представить как компоненты «блондин», «это плохо». Ср. со словом *блондин*, которое никакой оценки не содержит. Наибольшая трудность заключается в том, чтобы, обнаружив, что значение используется в иронических контекстах или применяется к отрицательно оцениваемым понятиям, разобраться, содержит ли значение слова компонент «это плохо» или же это внелингвистическая, социальная или личная оценка, связанная лишь с понятием. Так, очевидно, что слова *нищий*, *нищенство* описывают не слишком привлекательное явление, но отрицательного прагматического компонента не включают, в отличие от слов *попрошайка* или *попрошайничество*. См. об этом, например, у Кобозевой¹, где разграничение значений, «которые называют свойства или явления, за которыми в обществе закреплена определенная оценка», от значений, «в которых эмоционально-оценочное отношение содержится в прагматическом компоненте лексического значения (и значит, это всегда отношение говорящего, а не кого-либо еще)»², проводится на примере слов *скупой* и *скупердяй*.

¹ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. С. 88–89.

² Такое разграничение особенно важно для религиозной лексики, существенная часть которой обозначает оцениваемые в рамках определенной конфессии явления. Например, в процессе обсуждения словарной статьи для *автокефалысты* («участники церковно-политического движения, связанного с идеей автокефалии украинского Православия») мне пришлось убеждать коллег богословов в том, что слово заслуживает не пометки «пейоративное», но всего лишь

Материалом анализа будет русский язык с того момента своего развития, с которого он отражен в основном корпусе НКРЯ, т. е. со второй четверти XVIII в., хотя в первую очередь будут рассматриваться факты современного русского языка в более узком понимании этого термина — то, что происходит сейчас.

4.2.2. Партийные *акафисты*

(1) «Наша комсомольская организация...» «Я пришел к вам от имени и по поручению...» Хорошо, очень хорошо. Конечно, эти слова партийных *акафистов* должны ласкать розовое ухо верного марксиста, но решительно ничего не гарантировали. [Кураев Михаил. Разрешите проявить зрелость!.. // «Знамя», 2000, НКРЯ].

(2) Сейчас не упустить, места освобождаются. Признавай, разноси всех, кто против Корифея нового учения, поноси немичуринскую генетику! Брань произносили, как нечто положенное, таков был ритуал посвящения, так же как *акафист* Корифею. Отбирали тех, кто истовее других славил. [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ].

(3) Всё, что действительно рвало сердца человеческие, отсутствовало в книгах. Если б не началась война — писателям только оставалось *перейти на акафисты*. Война открыла им доступ к общепонятным чувствам. [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968), НКРЯ].

(4) Наряду с *акафистами* водородной бомбе и атомной гибели появились издевательские призывы к милосердию. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943–1958), НКРЯ].

(5) А слева Чхеидзе поет *акафисты* советам: «Только благодаря революционным организациям, сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада власти и анархии». [А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том I. Крушение власти и армии (1921), НКРЯ].

В прямом значении слово *акафист* относится к православной религиозной лексике, обозначает жанр молитвенного текста и

примечания к толкованию в энциклопедической, т. е. нелингвистической, зоне: «с точки зрения православия движение является неканоническим».

является когипонимом к словам *молитва*, *тропарь*, *канон*. Его значение содержит элементы: «X молитвенно обращается к Y-у» («молитвенно» — сложный элемент, включающий все компоненты слова *молиться*, описанного чуть ниже), «Y — Бог или святой», «текст», «похвала X-а Y-у», «похвала очень явственна». Переносное употребление этого слова возникает в тех случаях, когда адресатом похвалы является лицо или явление, находящееся вне религиозной сферы. В этом случае очень явственная похвала превращается в незаслуженную, или неискреннюю, или вынужденную и появляется прагматическое значение отрицательной оценки: так действовать плохо. Итак, в переносном значении слово *акафист* содержит элементы: («X молитвенно обращается к Y-у»), «Y — не Бог или святой», «текст», «похвала X-а Y-у», «похвала очень явственна», «это плохо». Элемент «это плохо» появляется из-за противоречия между первоначальным компонентом «Y — Бог или святой» и контекстом, вводящим не соответствующего этой характеристике адресата.

Оговорю: такое описание основывается на представлении о том, что слово в переносном значении меняется и означает нечто иное, нежели в прямом, а составляющие его смысловые компоненты при переходе от значения к значению становятся другими. Но возможен взгляд, по которому слово в переносных значениях остается самим собой, а из-за его взаимодействия с контекстом по-разному прочитывается значение включающего его фрагмента высказывания. Тогда следует считать, что *акафист* имеет ровно одно значение: «X молитвенно обращается к Y-у», «текст, содержащий похвалу X-а Y-у», «похвала такая, какая должна адресоваться только Y, являющемуся святым или Богом». Элемент «это плохо» следует приписывать не другому значению слова *акафист*, а словосочетанию *акафист кому-либо / чему-либо* с существительными определенного семантического типа в позиции дополнения. Оценка появляется из-за взаимодействия компонента «похвала такая, какая должна адресоваться только Y, являющемуся святым или Богом» с неподходящим Y. Именно такая трактовка представляется мне соответствующей реальной работе языковых семантических механизмов, но она сложна и неприменима в лексикографических описаниях, поэтому в краткой работе, во многом опирающейся на толкования из словарей, ее использование показалось мне излишним.

Интересно сравнить оценочный перенос слова *акафист* с употреблением слова *молиться* по отношению к человеку, ср., например, в письме к женщине:

(6) В предсмертный печальный час я *молюсь* только тебе.

[А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911), НКРЯ].

Подобные употребления абсолютно ненормативны для религиозных текстов, как и любое употребление *молиться* в сочетании с адресатом, вводимым предлогом *на*:

(7) Музыкальные критики, *молитесь на* артистов, берегите их,

они вам необходимы и для славы, и для хлеба насущного. [Сати Спивакова. Не всё (2002), НКРЯ].

И то, и другое употребление является сугубо бытовым, но не содержит никакого отрицательного оценочного значения. Почему же в случае приложения слова *акафист* к адресату из нерелигиозной сферы возникает негативная оценка, а при аналогичном неканоническом использовании *молиться* — нет?

Я считаю, что дело в следующем: *молиться* в своем основном значении не содержит прямого указания на Бога, а лишь описывает отношение субъекта действия к адресату. Выше (раздел 4.1.2) предложено такое толкование:

Х молится Y: X словесно или мысленно обращается к Y (как правило, в отсутствии непосредственного материального (чувственного) контакта с Y); X считает, что Y обладает сверхъестественным могуществом и властью над X.

То есть тот элемент, который в составе слова *акафист* выглядит как «X обращается к Y-у», «Y — Бог или святой», здесь менее конкретен: «X обращается к Y-у», «X — относится к Y так, как относятся к Богу или святым». Поэтому если адресат далек от тех, к кому естественно относиться «как относятся к Богу или святым», то высказывание, в котором слово *молиться* применяется к такому адресату, может смотреться неожиданно, но не входит в противоречие с прямым значением слова. В результате при таких использованиях слово *молиться* не только не приобретает оценки, но даже не воспринимается как использованное в переносном значении.

4.2.3. Хорошего человека *альтруистом* не назовут!

(8) Мне просто на вас смотреть как-то грустно. Идёте и идёте сквозь эту грязь... А так, посидели бы в тепле, послушали бы радио, поболтали с интересным человеком. Я не *альтруист*, просто мне тоже скучно так стоять в этой пробке... Не с радио же разговаривать. [Ольга Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», №10", 2004, НКРЯ].

(9) «Я что, похож на *альтруиста*?» [Алексей Петренко. Бизнес должен быть разносторонним // «Дело» (Самара), 2002.08.24, НКРЯ].

(10) Но лучше уж знать, кто чего стоит, нежели средствами государственного насилия заставлять всех быть с виду единообразными *альтруистами*, а в сущности — просто притворяться и лишь звоночка ждуть, чтобы броситься друг на друга. [Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993), НКРЯ].

(11) — Э-э, да, я вижу, вы и впрямь *альтруист*, — смесь жалости и снисходительности была в его улыбке. — У вас еще молочные зубки остались. Пора бы уже... Как вы дальше жить будете? [Даниил Гранин. Искатели (1954), НКРЯ].

(12) Сама Наташа жила неподалеку, но к себе домой приводить ночью пьяного молодого человека..., не имела никакой возможности, поскольку жила с родителями, которым подобный *альтруизм* вряд ли пришелся бы по душе. [Александр Житинский. Лестница (2000), НКРЯ].

Конечно, высказывание, вынесенное в заголовок этого раздела, звучит резковато. Случается, что слова *альтруист* и *альтруизм* используются с положительной оценкой. Как правило, это происходит в околоинтеллигентских и околофилософских рассуждениях, в которых эти слова стоят рядом с *эгоистом* и *эгоизмом*. Так, в 45 документах НКРЯ, содержащих слово *альтруист*, я считаю имеющими отрицательную оценку как минимум 15. В бытовой разговорной речи, часто даже в речи носителей языка, не имеющих ни желания, ни, возможно, умения оставаться в рамках его литературного разговорного варианта, т. е. в такой речи, которой, казалось бы, «ученое» словечко *альтруист* должно быть вовсе не свойственно, оно тем не

менее появляется регулярно и нередко. И как правило, в одних и тех же формулах: *я не альтруист* (ср. ниже с *это не догма*), *ты альтруист*, *что ли* и, наконец, *альтруист хренов*. Убедиться в частотности этого последнего словосочетания несложно — достаточно запустить поисковик в интернете. В половине случаев пишущие применяют его к самому себе: *А то я пораздавал, альтруист хренов, а как назад все собрать — не знаю*. Любопытно, что одна из важных функций эпитета *хренов* — это сигнал о том, что характеризваемое слово использовано в переносном значении, как будто бы в кавычках: денотату почему-либо кем-либо приписываются качества, выраженные существительным, но на самом деле он их не имеет. Поэтому, например, *мыслитель хренов* во много раз естественнее и частотнее, чем *дурак хренов*. Ср. из НКРЯ ряд существительных, сочетающихся с этим эпитетом: *писатель, праведник, интеллигентка и интеллигент, романтик, воспитатель* и даже имена собственные в метафорическом употреблении:

(13) — Тоже мне, Герцен *хренов* выискался. [Борис Грищенко.

Посторонний в Кремле (2004), НКРЯ].

В прямом значении *альтруизм* — это «система ценностей личности, при которой благополучие другого человека является более значимым, чем собственное». В переносном, отрицательном сюда добавляются компоненты «неадекватные результаты» / «глупость» / «неискренность», являющиеся довольно устойчивыми коннотациями для этого слова, по крайней мере для определенных социальных групп. Другие слова русского языка, способные обозначать сходную систему ценностей, — *доброта* и *добрый человек, хороший человек, порядочность* и *порядочный человек* — подобных регулярных коннотаций не имеют. Причина такой антипатии русского языка к *альтруизму*, на мой взгляд, абсолютно точно описана Н. А. Бердяевым, которого можно цитировать прямо из НКРЯ:

(14) *Альтруизм* выдумал буржуазно-демократический XIX век и хотел подменить им христианскую любовь. ...*Альтруизм* — слишком человеческий, в нем нет ничего божественного, никакой сверхчеловеческой ценности. ...*Альтруизм* только переносит буржуазные ценности с «я», на «ты», он всегда хочет для других буржуазного благополучия, а тем украдкой хочет и для «я» воспользоваться буржуазным благополучием. [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914)].

А вот та же мысль о замене в значении слова *альтруизм* элемента *любовь* (как *божественная заповедь*) на элемент *принцип* (как *социальная добродетель*), выраженная другим философом:

(15) Если бы дело шло об определениях только психологических, тогда можно было бы принять слова *себялюбие* и *дружелюбие*, но для обозначения принципов этических эти слова, как включающие понятие любви, не годятся, ибо дело тут не в чувствах, а в правиле действия. Можно любить себя гораздо больше, чем других, и, однако, по принципу служить чужому благу как своему собственному. Такой человек, несомненно, будет *альтруистом*, но как назвать его по другой терминологии: *себялюбом* или *дружелюбом*? И то и другое одинаково нелепо. [Вл. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899)].

Итак, значение слова *альтруист* содержит элементы: «лицо X», «система ценностей X-а, опирающаяся на его социальную (не религиозную), интеллектуальную (не эмоциональную) позицию», «благополучие лица не-X более значимо, чем благополучие лица X». В разговорной речи слово имеет коннотации: «неадекватные результаты» / «глупость» / «неискренность», и на их основе во многих контекстах появляется элемент «это плохо».

4.2.4. Шоры и догматы

Слово *догмат* является представителем большого блока однокоренных слов: *догмат, догма, догматизм, догматик, догматика, догматический* и *догматически, догматичный* и *догматично, догматичность*. Этот блок организован довольно сложно: в его основе находятся существительные *догмат* и *догма*, и семантическое соотношение этих двух слов очень непростое. Все слова этого блока вошли в русский язык до того, как он стал современным; все они присутствуют в представленных в НКРЯ текстах допушкинского периода. В рамках этой статьи я не буду решать вопрос о том, когда и как они попали в русский язык и сразу ли могли использоваться в интересующих меня оценочных употреблениях или приобрели эту способность позже.

Первое, прямое значение слова *догмат* сомнений не вызывает: это основной термин восточной христианской традиции, означающий «богооткровенные вероучительные истины, неоспоримые, не

подлежащие пересмотру и изменению»¹ или более нейтрально из словаря В. И. Даля – «одно из основных положений учения о вере, исповедании». Именно это значение рассматривается как первое во всех словарях. Различия в толкованиях, если отвлечься от проблемы пробивающейся интонации религиозного («богооткровенные»), нейтрального («обязательное для всех верующих»²) или даже антирелигиозного («принимаемое слепо на веру»³) подходов, не слишком значительны. Ясно, что основным отличительным элементом значения является компонент «теоретическое положение» и компонент, связанный с религией, назовем его «вероучительный».

Второе значение у слова *догмат* в словарях: (1) отсутствует, как у В. И. Даля, (2) описано через отсылку к слову *догма* (при этом ССИС отсылает к одному его значению, а МАС к другому), (3) выделено у Д. Н. Ушакова, содержит элементы «теоретическое положение» и «основополагающий» и охарактеризовано как переносное: «Отдельное положение какого-н. учения, научного направления, имеющее основополагающий характер».

Что же касается слова *догма*, то здесь все гораздо сложнее. Уже первое его значение в толковых словарях описывается по-разному: (1) у В. И. Даля слова *догма* и *догмат* не различаются, приведены через запятую как синонимы и рассматриваются ровно в одном значении; (2) у Ушакова «система основных положений какого-н. учения или научного направления», сокращу это до «система положений»; (3) в более поздних словарях советского периода первым значением оказывается значение, содержащее элемент «отказ от доказательств»: «положение, принимаемое за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах» [МАС 1985] или «положение, принимаемое за непреложную истину, признаваемое бесспорным и неизменным без доказательства, без учета конкретных условий при всех обстоятельствах» [ССИС 1993].

Второе значение у *догма* по Д. Н. Ушакову сходно с первым типа (3): «положение, утверждение, не допускающее возражений», а по МАС сходно со вторым значением *догмата* по Д. Н. Ушакову: «основные положения какого-л. учения».

¹ Скляревская. Указ. соч. С. 82.

² Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 210. Далее ССИС.

³ МАС. Т. 1. С. 415.

Кроме того, следует учитывать, что в английском, французском и немецком языках слово *догмат* просто отсутствует и с русского переводится как *догма*. Поэтому в переводных текстах часто сохраняется слово *догма* в таком контексте, в котором, будь текст изначально создан на русском языке, наверняка фигурировал бы *догмат*. Например, в Вестминстерском теологическом словаре, переведенном с английского, есть только *догма*, а *догмат* отсутствует [Мак-Ким 2004]¹, а в современной русской Католической энциклопедии, создаваемой русскоязычными теологами, трактуется только слово *догмат*.

Попытаюсь обобщить этот материал, перечислив все допускаемые значения через выделенные основные компоненты толкований:

Догмат: 1. «Теоретическое положение», «вероучительный» (все словари); 2. «Теоретическое положение», «основополагающий» [Ушаков, МАС]; 3. «Отказ от доказательств» [ССИС].

Догма: 1. «Теоретическое положение», «вероучительный» [Даль, Мак-Ким]; 2. «Система положений» (Ушаков); 3. «Положение», «основополагающий» [МАС]; 4. «Отказ от доказательств» [ССИС, МАС, Ушаков].

Проверим, действительно ли в НКРЯ можно найти примеры, иллюстрирующие все эти значения.

Догмат 1: «теоретическое положение», «вероучительный».

(16) Национальным символом Ирландии считается трилистник, или «шамрок», при помощи которого, как гласит легенда, Патрику удалось объяснить ирландским королям, в чём состоит *догмат* Троицы. [Об Изумрудном острове, кельтах, Св. Патрике, погоде и современном образовании // «Туризм и образование», 2001.03.15, НКРЯ].

(17) Святитель Иоанн Златоуст писал: «Еретические учения, несогласные с принятыми нами, должно проклинать и нечестивые *догматы* обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении». [Олег Стеняев. «Сыны Громы» против самарян // «Наш современник», 2004, НКРЯ].

Таких примеров очень много. А вот примеров на второе и третье из выделенных значений совсем мало, при этом граница между *дог-*

¹ Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М., 2004. С. 113.

мат 2 и *догмат 3* почти не различима. Найти пример, в котором значение *догмат 2* было бы использовано совсем без идеи отрицания, опровержения, неверного, принимаемого за верное, мне не удалось. Вот примеры, являющиеся, на мой взгляд, наиболее подходящими для иллюстрации этих значений:

Догмат 2: «теоретическое положение», «основополагающий».

(18) [О Раскольникове] Мысль о счастье, как оправдании, уже возведена в теорию, тоже маниакальную, но уже преступную и кощунственную, и притом в самом *догмате* своём, а тащить её осуждён очаровательный мальчик, нежный, сильный и даже умный. [И. Анненский. Вторая книга отражений (1909), НКРЯ].

(19) Миф о глубокой прозорливости *догматов* Маркса, переставших работать уже на исходе XIX века, упорно протаскивается в век XXI. [Сергей Голубицкий. Преодоление виртуальности // «Бизнес-журнал», 2004, НКРЯ].

Догмат 3: «отказ от доказательств».

(20) Теперь можно всех несогласных с Медицинскими *догматами* объявлять еретиками, лишать работы, изгонять из общества; всех, кто отказывается обращаться за помощью к жрецам-врачам, объявлять сумасшедшими и лечить насильно; но, главное, государство заставляет миллионы людей покупать медицинскую страховку, которая является не чем иным, как скрытым налогообложением в пользу новой Церкви, и приносит ей неслыханные барыши. [Ефимов Игорь. Суд да дело // «Звезда», 2001, НКРЯ].

Изучив базу примеров, прихожу к выводу, что со словом *догмат* дело обстоит так: оно имеет жестко закрепленное за ним прямое значение, содержащее элементы «религия», «основополагающее положение», «принятие через веру». Вне религиозного контекста употребления этого слова воспринимаются как метафорический перенос: «основополагающее положение» в нерелигиозной области описывается как сходное с религиозными по компоненту «принятие через веру». Религия — единственная область, где «принятие через веру» нормально, допустимо, потому что только в религии существуют богооткровенные истины, данные подвижникам через мистические прозрения. В любой другой области «основополагающие положения» должны опираться на рациональные основания, поэтому и возникает отрицательная оценка. Разделение этого переносного

значения на два считаю неподтвержденным текстами: думаю, что контексты типа *Догмат 2* («положение», «основополагающий») отличаются от контекстов *Догмат 3* («отказ от доказательств») только большей выраженностью отрицательной оценки в окружающем слово контексте.

Итак, *догмат* в переносном значении: «нерелигия», «основополагающее положение», «принятие через веру», «это плохо».

Таким образом, слово *догмат* само по себе никакой оценки не содержит, а принимает ее при использовании в контексте, исключающем обязательный компонент первоначального значения «религия». Поэтому его применение с отрицательной оценкой в контексте, не указывающем прямо на нерелигиозную область, является сомнительным, как сомнительны, на мой взгляд, с точки зрения «культуры речи» использования этого слова в следующих примерах:

(21) Чем шире и разнообразнее будет обсуждение жесткой реальности и возможных альтернатив будущего пути нашего народа и нашей Родины, чем меньше будет шор и *догматов*, тем мы скорее нащупаем брод в реке событий... [Сергей Ткачев. «Устойчивое развитие»: Спасение человечества или «троянский конь»? // «Наш современник», 2003, НКРЯ].

(22) — Эта книга не *догмат*. [Александр Бек. Талант (Жизнь Бережкова) (1940–1956), НКРЯ].

Думаю, что более удачным в обоих случаях было бы слово *догма*, оценочный компонент в котором имеет совсем другой статус, не требующий специального контекста. Проверим, как представлены в НКРЯ примеры, иллюстрирующие выделяемые словарями значения слова *догма*.

Догма 1: «теоретическое положение», «вероучительный» (синоним к *догмат*).

(23) Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно как будто бы они побывали в душе Пушкина, точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших *догмах* христианских, за которые и сам святитель церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовив себя к тому глубочайшей святостью своей жизни. [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847), НКРЯ].

(24) Афанасий Великий, раскрывая истинную *догму* о Троице, опирался на того же Оригена, пользовавшегося в то время в церкви тем высоким авторитетом, который он вполне заслуживал. [Вл. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве (1878), НКРЯ].

Догма 2: «система положений».

(25) Нет сомнения, что историко-догматическая сторона в преподавании уголовного процесса везде должна занимать подобающее ей по праву место, но думается, что настало время наряду с историей и *догмой* осветить и те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона — этого *non scripta, sed nata lex*. [А. Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) (1895), НКРЯ].

Догма 3: «положение», «основополагающий».

(26) Тут молодой врач с искренним удовольствием увидел, что его жена не только *gnadige Frau*, но и многосведущая масонка, благодаря покойному пастору, бывшему сильным деятелем ложи строгого наблюдения, который старался передать молодой жене главные *догмы* масонства и вместе с тем познакомил ее с разными немецкими и русскими масонами. [А. Ф. Писемский. Масоны (1880), НКРЯ].

Догма 4: «отказ от доказательств».

(27) На самом верху, казалось Лиссу, царил третий характер, — там умещалось восемь-девять человек и бывали допускаемы ещё пятнадцать-двадцать, там существовал мир, лишённый *догм*, там свободно судили обо всем. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960), НКРЯ].

(28) В то же время приписывание какой-то научной теории статуса безусловно истинной изымает её из научного употребления, где она всегда может быть поставлена под сомнение и стать объектом критики и опровержения, превращая её тем самым в ненаучную *догму*. [Виталий Куренной. Наука в современном мире // «Отечественные записки», 2003, НКРЯ].

(29) Дело другого рода, если вкус к этой диалектической гимнастике распространяется в обществе. Там боец с некоторым авторитетом легко делается кумиром. Его мнения возводятся в *догму*, и, смотришь, они уже проскользнули в литературу. [И. М. Сеченов. Рефлексы головного мозга (1863), НКРЯ].

(30) В театре, как нарочно, давали «Льва Гурыча» и какой-то балет; в том доме, где я во время масленицы — этих русских сатурналий — имел право, сообразно предписаниям родительским, быть два раза в неделю, — я уже успел быть два раза, и уйти туда в третий было бы решительным возмущением против домашних *догм*. [Григорьев А. А. «Роберт-дьявол» (1846), НКРЯ].

Примеры типа «*Догма 4: “отказ от доказательств”*» абсолютно превалируют в НКРЯ над примерами первых трех типов. Утонув в оборотах «это не догма», «ломать догмы», «стесненный догмами», «оспаривать догмы», «не превращать в догму», «возводить в догму» и др., я сначала отчаялась было отыскать примеры на неоценочное употребление, но вовремя вспомнила, что можно ограничить период поиска. Употреблений слова *догма* в текстах, созданных до 1900 г., оказалось гораздо меньше, чем в более поздних: 13 документов против 256. Между тем, аналогичное соотношение наблюдается для *догмат*: 106 к 206¹. И именно в 13 документах позапрошлого века легко нашлись почти пропавшие позже неоценочные употребления. По-видимому, как это отражено и в нумерации значений толковыми словарями, к середине XX в. слово *догма* стало восприниматься в первую очередь в оценочном значении и поэтому практически перестало употребляться в первых трех значениях. Возможно, дело в том, что с легкой руки одного известнейшего догматика афоризм «*марксизм не догма, а руководство к действию*» превратил в языке Страны Советов это слово в сугубо оценочное и очень популярное. Ныне оно, в отличие от явно специализированного и малоизвестного *догмата*, активно фигурирует в разговорной речи, вплоть до текстов объявлений о знакомствах:

(31) Мне достаточно, если Вы стройная, миловидная, сексуальная, стильная, смуглая брюнетка 175/58:) Впрочем, это не *догма*. [Женщина + мужчина: Психология любви // Форум на eva.ru, 2005, НКРЯ].

¹ Приведу более подробное распределение количества документов Основного корпуса НКРЯ, содержащих обсуждаемые слова, по годам: *Догма*: до 1900 г. — 13 документов с употреблением этого слова, 1900—1919 — 10, 1920—1939 — 13, 1940—1959 — 11, 1960—1979 — 22, 1980—1999 — 57, 2000 г. и позже — 156. *Догмат*: до 1900 г. — 106 документов, 1900—1919 — 39, 1920—1939 — 31, 1940—1959 — 10, 1960—1979 — 13, 1980—1999 — 43, 2000 г. и позже — 81.

Даже в научных контекстах, в которых, казалось бы, вполне уместны значения «Догма 2: “система положений”» и «Догма 3: “положение”, “основополагающий”», обычно используются иные слова (*основные положения* и др.), а слово *догма* появляется тогда, когда речь идет о вызовах, противоречиях, ниспровержениях:

(32) При этом я отдаю себе отчет в том, что эти акценты и приоритеты не всегда совпадают с устоявшимися *догмами* и официальными установками. [Вирусные гепатиты (материалы доложены на 8-м съезде Всероссийского общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов) // «Вопросы вирусологии», 2005, НКРЯ].

(33) Интерес научного сообщества к изучению ТГЭ был вызван прежде всего предположением о том, что инфекционным агентом при этих заболеваниях является изоформа хозяйского белка без участия молекул ДНК или РНК. Это предположение противоречило основной *догме* молекулярной биологии. Тем не менее огромное количество экспериментальных данных подтверждало эту гипотезу. [Прионные болезни человека и животных // «Вопросы вирусологии», 2004, НКРЯ].

(34) Стены эволюционного здания опять затряслись. Мало того, что на нашей ветви снова стало тесно, мало того, что новый ее насельник оказался старше и ардипитека, и оррорина, так он еще бросил вызов одной из самых устоявшихся *догм* всей палеоантропологии. [Рафаил Нудельман. Эволюция науки об эволюции: у начала начал? // «Знание – сила», 2003, НКРЯ].

(35) Здесь мы имеем дело со второй канонизированной *догмой*, особенно распространенной среди непрофессионалов: все свойства клетки и даже многоклеточного организма однозначно записаны в последовательности ДНК. [Е. Д. Свердлов. Великое открытие: революция, канонизация, догмы и ересь // «Вестник РАН», 2003, НКРЯ].

Нынешний этап я бы охарактеризовала так: слово *догма* в религиозных контекстах имеет значение, синонимичное прямому значению слова *догмат*, но выбор именно синонима *догма* связан скорее с сохранением слова из оригинала при переводах с других языков. В целом использование *догмат* превалирует и, по-видимому, должно быть рекомендовано как нормативное при описании православной традиции. Употребления, включающие компоненты «положение / система положений» и «основополагающий», являются устаревшими или устаревающими.

Авансцену прочно занимает слово *догма* в значении, включающем выраженный отрицательный прагматический элемент: («основополагающее»), «положение», «не подвергаемое сомнениям», «это плохо». Это значение уже не воспринимается как переносное, каким является только по происхождению. По-видимому, оно отражает картину мира, в которой любые теоретические положения, и тем более основополагающие, всегда должны подвергаться сомнениям и регулярно проверяться.

Что касается других слов с теми же корнями (*догматизм, догматик, догматика, догматический* и *догматически, догматичный* и *догматично, догматичность*), то часто определить, связаны они с *догмат* или с *догма*, очень непросто. Все они способны употребляться с отрицательной оценкой, думаю, что организованной так же, как у слова *догма*. При этом слова *догматизм, догматический* и *догматически* без оценки практически не употребляются.

* * *

Для рассмотренных слов были предложены следующие схематические описания семантики:

Акафист, прямое значение: «X молитвенно обращается к Y-у», «Y – Бог или святой», «текст», «похвала X-а Y-у», «похвала очень явственна».

Акафист, переносное значение: («X молитвенно обращается к Y-у»), «Y – не Бог или святой», «текст», «похвала X-а Y-у», «похвала очень явственна», «это плохо».

Альтруист, прямое значение: «лицо X», «система ценностей X-а, опирающаяся на его социальную позицию», «благополучие лица не-X более значимо, чем благополучие лица X». Коннотации: «неадекватные результаты» / «глупость» / «неискренность», «это плохо».

Догмат, прямое значение: «религия», «основополагающее положение», «принятие через веру».

Догмат, переносное значение: «нерелигия», «основополагающее положение», «принятие через веру», «это плохо».

Догма, переносное значение, превратившееся в основное: («основополагающее»), «положение», «не подвергаемое сомнениям», «это плохо».

Анализ слов *акафист* и *догмат* показывает, что при переносе слова, в значение которого входят элементы «религия», «Бог», на обозначение не связанных с религиозной сферой денотатов появляется отрицательный компонент значения. Происходит это, по-видимому, потому, что в языковой картине мира определенные отношения и действия допустимы, только когда связаны с Богом. Анализ особенностей употребления слова *альтруист* приводит к предположению о том, что идеи доброты, самоотверженности, жертвенности плохо сочетаются в русском языковом сознании с социальным, а не религиозным аспектом.

4.3. Абсолютность добра и относительность блага или наоборот?

4.3.1. Статус корня в современном языке

Данный раздел посвящен обсуждению семантики несоставных слов современного русского языка с корнем *благ-* (*благ-*): *благой* и *благо*.

Церковнославянское происхождение многих слов с корнем *благ-* ощущается носителями языка довольно живо, но тем не менее, будучи использованы в русских текстах, эти слова являются частью семантической системы именно современного русского языка. В церковнославянском и сочетаемость анализируемых слов, и соотношение их значений со значениями синонимов и когипонимов иные, нежели в современном русском. Это видно даже по единственному рассматриваемому в данной работе церковнославянскому примеру *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс 36. 27) (см. ниже раздел 4.3.7). Поэтому, чтобы что-то сказать о значении этого корня в церковнославянском языке и взаимодействии этого значения с употреблениями слова в русском языке, требуется отдельное исследование, в данной же статье материал будет рассмотрен преимущественно с позиций синхронной русистики.

Корень *благ-*, без сомнений, корень южнославянского происхождения, а полногласный восточнославянский вариант корня исчез как из литературного русского языка, так и из большинства диалектов очень давно. По-видимому, в ранний период существования древнерусского языка восточнославянский корень *болог-* уже был редкостью. Так, О. И. Смирнова, детально изучавшая употребления слов с этим корнем в древнерусской письменности, отмечает, что *благ-* в южнославянской огласовке становится в древнерусском языке единственной формой и употребляется в письменности в памятниках разных жанров¹. В современной речи полногласный корень проявляется нечасто, например в топониме *Бологое*.

¹ См.: Смирнова О. И. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 57–58.

За века, прошедшие с момента освоения южнославянского корня текстами разных сфер, этот корень стал восприниматься вполне обрусевшим. Чаще всего *благ-* является первой частью сложных слов (*благоволить, благодать, благодетель, благодарить, благоустроенный, благоразумный, благополучие* и др.). Правда, непроизводное прилагательное *благой*, словообразовательный центр этого огромного гнезда, в словарях литературного русского языка советского периода отмечено пометой «устаревшее». Подобным образом оценивают его некоторые исследователи, например, Л. П. Дронова считает слово *благой* устаревшим, а *благо* не то чтобы устаревшим, но редким¹. Однако после изучения статистики использования *благой* в текстах с такой оценкой согласиться трудно. Быть может, это прилагательное часто смотрится как стилистически выделенное и склонно к несвободной сочетаемости (*благие намерения* и др.), но оно живое и употребляется достаточно часто, причем не только в религиозной сфере речи. В НКРЯ в период с 1950 г. по настоящее время в научных и научно-публицистических текстах (нехудожественных и нерелигиозных) данное слово встречается в более чем 1800 текстах: это чуть меньше, чем слово *злой* (1900 текстов) и всего лишь в два раза меньше, чем *добрый* (3600 текстов), хотя, конечно, много реже, чем слово *хороший* (13 800 текстов). Таким образом, слова *благой* и *благо* являются полноправными членами словаря современной русской лексики, а их специфичность, следствием которой является некоторая стилистическая выделенность, связана со своеобразной семантикой этих слов.

4.3.2. Проблема энантиосемии корня

Известнейшим свойством корня *благ-*, рассматриваемого в контексте сравнительного анализа славянских языков и их диалектов, является его энантиосемия². В разных славянских языках и диалектах этот корень функционирует с двумя близкими к противоположным значениями: «*благой* — реже “хороший, до-

¹ См.: Дронова Л. П. Прилагательное *благой* в историко-культурном контексте // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 175.

² См. Там же.

брый”, чаще “глупый”, “взбалмошный”, “капризный”, “злой” и “плохой”, *благо* “хорошо” и “плохо”, *благо* (сущ.) “добро” и “все плохое, злое”»¹.

Не обсуждая здесь различные гипотезы о происхождении энантиосемии этого корня с точки зрения исторической и сравнительной славянской лексикологии, охарактеризую ситуацию в современном русском языке. В данный момент этот корень в первую очередь представлен многочисленными единицами, в которых он явно содержит позитивную оценку и связан с идеями «благое, доброе, хорошее» (*благой, благодать, благодать, благодетель, блаженствовать* и др.); в то же время в языке, особенно в разговорной речи, употребительны три слова, в которых корень содержит отрицательное оценочное значение: весьма частотное слово *блажь*, породивший это существительное глагол *блажить*, использующийся несколько более редко, и совсем редкое прилагательное *блажной*. Наконец, действительно можно говорить об энантиосемии прилагательного (и соответствующего ему субстантивата) *блаженный*. Слово это, с одной стороны, может использоваться с положительной оценкой, причем как в нерелигиозном (*блаженное неведение, блаженная улыбка*), так и религиозном значении (*блаженная кончина, блаженный Августин*). С другой стороны, в нерелигиозных контекстах оно фигурирует и с отрицательной оценкой, в значении «придурковатый», ср.:

(1) Полно было и других мелких жуликов, авантюристов, а подчас и попросту *блаженных*, у которых с головой не все в порядке. [Записки украинского наемника (2004) // «Солдат удачи», 2004.07.07, НКРЯ].

4.3.3. Значения слов с *благ-* (*блаж-*), включающих отрицательную оценку

Для слова *блажь* наиболее близкими синонимами являются *прихоть, придурь, самодурство*, и его можно толковать как «неадекватное, неразумное, нецелесообразное намерение, поступок или поведение, являющееся следствием не контролируемого разумом желания». Ср.:

¹ Там же. С. 175.

(2) В американских университетах, оказывается, нет возрастного лимита, и если вас на старости лет одолеет *блажь* “взять курс” в университете – you are welcome! [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // “Нов. мир, №8”, 1976, НКРЯ].

(3) Вот это было вполне в ее характере – внезапное исчезновение, бегство с другим, необъяснимая *блажь*. [Дмитрий Быков. Орфография (2002), НКРЯ].

Глагол *блажить*, существующий в современном разговорном варианте литературного языка, хотя, может быть, на периферии, как устаревающий или близкий к диалектным словоупотреблениям, имеет два основных значения: в первую очередь, это соответствующее слову *блажь* значение «вести себя неадекватно, неразумно, нецелесообразно»:

(4) «Сказал бы я, во-первых: не *блажи*, именем, брат, не управляй оплошно, а, главное, поди-тка послужи» [И. Грибоедов. Горе от ума (1821)].

(5) Евгения Юрьевна была личностью неординарной во всех отношениях: уж если умна – то очень, а уж если *блажила*... [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002), НКРЯ].

(6) Маня Гейдеко *блажила*. Она устраивала праздник в честь выхода на пенсию с песнями, танцами, маскарадом и фейерверком. [Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002), НКРЯ].

Затем это еще более близкое к диалектному употреблению в значении «говорить глупости / говорить в состоянии истерики / говорить ненормальным, неадекватным ситуации голосом или тоном / издавать неуместные, нелепые в данной ситуации звуки», которое можно рассматривать как метонимический перенос первого значения:

(7) Но Валя шмыгнула носом и заголосила тоненьким, протяжным голоском: – Ой, мамочки, ой, горе-несчастье, ой, какая беда. ... Я пнула ее в бок. – Не *блажи*, отвечай нормально. [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003), НКРЯ].

(8) Один Бирюк пошел по лестнице, *блажа* так, что, наверное, было слышно сразу на нескольких этажах: “Гоп-стоп, мы падашли из-за угла... [Ольга Некрасова. Платит последний (2000), НКРЯ].

Отмечу, что церковнославянское значение этого глагола «прославлять кого-либо как благословенного Богом» в русском литературном языке отсутствует, хотя употребления в подобном значении в русских текстах изредка встречаются:

(9) Навезет, бывало, он Дуне всяких гостинцев ...и все это Дуня, бывало, от всех потихоньку, раздаст по обителям и “сиротам”, да, кроме того, самым бедным из них выпросит денег у отца на раздачу. ...Дуня всем раздавала, от Дуни все подарки шли; за то и *блажили* ее ровно ангела небесного. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881), НКРЯ].

Слово *блажной* используется очень редко, в речи разговорного характера, чаще в несовременной или нелитературной:

(10) – Оба совсем *блажные-с*, оба дошли до самого малого ребячества-с, – продолжал Смердяков. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880), НКРЯ].

(11) *Беременная на краю мертвого поля казалась, однако, тронувшейся умом или блажной*. [Маркиш Давид. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // “Октябрь”, 2001, НКРЯ],

либо, много реже, в тех же значениях, что *блажь* и *блажить*:

(12) Брось эту *блажную* мысль. [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828), НКРЯ].

(13) ...со слезливым, *блажным* смехом спросила она. [Валентин Распутин. Живи и помни (1974), НКРЯ].

(14) ...*блажным* телевизионным тоном провозгласил: – Я давал вам каждому по триста долларов? [Андрей Измайлов. Трюкач (2001), НКРЯ].

Думаю, что все перечисленные значения в современном языке воспринимаются как связанные с употреблением слова *блаженный* в значении «придурковатый», происходящим от значения, близкого к «юродивый». Происхождение же этого значения, по всей видимости, связано с позитивным значением слова *блаженный*, сходным с «благословенный»¹. Переход от значения «благословенный» к значению «юродивый, безумный» можно

¹ Слово *блаженный* по отношению к юродивым специфично для славяно-русской традиции: греческого аналога для него не существует. А. И. Грищенко пишет: «История закрепления слова *блаженный* в качестве специфического атрибута за именованными юродивых в русском языке до сих пор детально не исследована, не очень ясны и причины того, почему именно это слово оказалось связанным с феноменом юродства» (см.: Грищенко А.И. Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: опыт статистического исследования // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. № 4(34). С. 29).

объяснить как метонимический, если рассмотреть православное понимание юродства и безумия как дара Божьего, опирающееся на слова апостола Павла: «Мы безумны Христа ради» (1 Кор 4. 10). Ср., например: «По вышеуказанным словам апостола Павла, все христиане в глазах мира сего являются безумными Христа ради, ведь все, что мир считает важным, ценным и великим (богатство, удовольствия, страсти и наслаждения), христианин почитает за “ничто”, а все, что миру представляется безумным (воздержание, подвиг, самопожертвование и т. д.), — для христиан является наивысшими ценностями, с помощью которых они организуют свою жизнь для достижения цели своего бытия — приближения к Богу и соединения с Ним»¹.

Таким образом, имеющиеся в современном литературном языке отрицательные оценочные употребления этого корня могут быть метонимически выведены из позитивного оценочного значения.

4.3.4. Прямое значение слов *благой*, *благо*, *благодать* и *благодатный*

Итак, после того как было показано, каким образом содержащие отрицательную оценку дериваты корня *блаж-* связаны со словом *блаженный* в значении «одаренный благом», можно утверждать, что в основе значения всех слов русского литературного языка с рассматриваемым корнем находится непроемное прилагательное *благой*, в церковнославянской огласовке *благий*.

Первоначально слово это означает одну из основных характеристик Бога: то, каким Бог является человеку и миру — любящим, всемилостивым, дарующим все то хорошее, чем человек и мир обладают. См. развернутую цитату, из которой это значение становится достаточно ясным:

(15) Субъективным побуждением для Бога сотворить мир из ничего была Его любовь к тем тварям, которые имели быть возваны к бытию из ничтожества. «Бог благ, — пишет св. Афанасий Александрийский, — посему из ничего все сотворил собственным Своим

¹ *Артемий, епископ Рашско-Призренский*. Что значит в православном подвижестве понятие «Юродивый Христа ради»? // Дух христианина. 2007. № 3 (45). С. 12. (URL: [http://christian-spirit.ru/v45/45.\(12\).htm](http://christian-spirit.ru/v45/45.(12).htm))

словом». Эта любовь Бога, это Его желание дать тварям наслаждение бытия, должны быть рассматриваемы не иначе как в связи с снисхождением. «Достоучдна причина, — пишет тот же св. отец, — по которой Божие Слово низошло к сотворенному. Естество сотворенных вещей, как происшедшее из ничего, само в себе взятое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Бог же всяческих по естеству *благ*. Посему Он не завидует никому в бытии, но хочет, чтобы все наслаждались бытием». [М. Тареев. Цель и смысл жизни (1901)].

Слово *благо* в первоначальном прямом значении — это то, что дано Богом, что исходит от Него в мир. *Благо* в начальном значении связано с Промыслом Божиим и непонятно человеку, непостижимо, как пути Промысла Божия, ср.:

(16) Но, говоря о нашем определении, о жизни будущей и проч., предполагаем уже бытие Всевечного Творческого разума, все для чего-нибудь, и все *благо* творящего. Что? Как? Но здесь первый мудрец признается в своем невежестве. [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793), НКРЯ].

Благо в первоначальном значении может противоречить внешнему благополучию, тому, что человек воспринимает как *хорошее* для себя:

(17) Сие обстоятельство паче всего меня огорчало, и я истинно не знаю, что б со мною было и до чего б я дошёл, если б при всех сих крайне смутных обстоятельствах не подкрепляло меня моё твёрдое упование на моего Бога, и сделанное единожды навсегда препоручение себя в Его Святую волю не ободряло весь мой дух и не успокаивало сердце. Я надеялся, что Святой его и пекущийся о *благ* моём Промысл верно не оставит меня и при сём случае и произведёт то, что за лучшее и полезнейшее для меня признает. И, ах! я не постыдился и в сей раз в сём уповании моём на моего Творца и Бога! Он и действительно не оставил меня и произвёл то, что я всего меньше мог тогда ожидать и думать! [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800), НКРЯ].

Благом в этом значении могут оказаться страдания, посланные человеку:

(18) Галлер сочинил к памятнику следующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный глас! Он *проницает* в могилу. Пробудись, сын мой, и сложи с себя тленность! Спеши во сретение

твоему искупителю, от которого бежит смерть и время! В вечное **благо** превращается все страдание». [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793), НКРЯ].

Из описанных значений следует и семантика суффиксальных дериватов: все они в первоначальном значении применимы только к Богу. Так, *благость* — это свойство Бога обладать признаком *благой*, проявлять его вовне в действии. Ср.:

(19) Я имею доверенность к мудрости властителей и спокоен; имею доверенность ко *благости* Всевышнего и спокоен. [Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору (1795), НКРЯ].

(20) Он кончил молитву, положил нам на головы свои руки и с полными слёз глазами закончил свою молитву по-русски. — Наш отец! — сказал он, — благодарю тебя, что ты вновь дал мне радость быть изгнанным за исполнение святой воли твоей. Укрепи сердца терпящих за послушание твоей воле и просвети разумом и милосердием очи людей, нас гонящих. Не оставь также этих детей твоих надолго в пустыне: дай им войти в разумение и вкусь то блаженство, какое я теперь по твоей *благости* ощущаю в моём духе. [Н. С. Лесков. Томленья духа (1890), НКРЯ].

Первоначальное значение прилагательного *благостный* (и производного от него наречия *благостно*) — «такой, в котором проявление *благость*», т. е. эти слова характеризуют действия, пути Бога. Ср.:

(21) Бог все к хорошему в здешнем свете строит, ни коему человеку не понять *благостных* путей Его. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881), НКРЯ].

(22) О, как чудно и *благостно* Господь содержит жизнь душ наших, какими чудными законами оградил ее, какую подает всегда благодать просвещающую, милующую, очищающую все скверны души, от грехов наших происходящие, освящающую, укрепляющую, умиротворяющую! [Кронштадтский (И. Сергиев) Иоанн. Живое слово мудрости духовной (1860–1880), НКРЯ].

4.3.5. Полисемическая цепочка для слова *благой*

Прежде чем перейти к рассмотрению многозначности анализируемых слов, оговорю, что в данной работе при перечислении порядка следования значений никогда не имеется в виду реальная хронология

их появления. Здесь и далее рассматривается эпидигматическая цепочка — последовательность развития значения при лексикологическом описании имеющейся в языке синхронной системы.

В прямом значении применимые преимущественно к Богу, в метонимических значениях слова используются по отношению к человеку и к миру. Если *благой* (*благий*) изначально, условно говоря, на первой ступени (1) является эпитетом при слове Бог и синонимах (примеры 15, 23), то на второй ступени (2) оно применяется к деяниям Бога (примеры 24–25), на третьей (3) — к таким деяниям и результатам деяний человека, которые соответствуют замыслу Божьему (примеры 26–29), а на четвертой (4) — к самому человеку или к его уму, душе, сердцу, когда его деяния благи (примеры 30–33). Что касается последнего типа употребления, то, если в текстах XVIII–XIX вв. подобные сочетания встречаются, в современном узусе сохранилось только устойчивое словосочетание *благая воля*. Таким образом, поскольку *благой* в применении к людям встречается крайне редко, то значение это можно считать ненормативным (ср. с примером 30). Примеры:

1 (23) Тебя ли, безмерно *благого* и непрестанно нам всячески благодеющего, огорчаем всякими грехами-злобами, завистью, лукавством, лицеприятием... и всякими страстями. [Кронштадтский Иоанн. Дневники (1908), НКРЯ].

2 (24) — Не сетуй, огорченная Анфиза, и верь, что *благий* промысл Вышнего устрояет все к концу вожделенному. [В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам (1825), НКРЯ].

(25) Нужно с благодарностью переносить невольные страдания как *благое* врачевство, сознавая их очистительное значение и имея скорбную печаль о своих согрешениях. [Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие (1915), НКРЯ].

В таких контекстах значение *благой* очень близко к первоначальному значению *благостный*, ср. с примерами 21, 22.

3 (26) Приносящие *благий* плод очищаются Богом, с тою целью, чтоб они сделались еще плодоноснее. [(Брянчанинов) Игнатий. Отечник (1863), НКРЯ].

(27) Бог призрел на *благий* подвиг его и вознаградил дарованием такой чистоты, что с того времени он не ощущал в себе никакого действия плотских вожделений. [(Брянчанинов) Игнатий. Отечник (1863), НКРЯ].

(28) Господи, Творче и Промыслитель всех, повергаю, недостойный раб Твой, моление мое пред Тобою за рабов – Александра, Елену и чад их... о исполнении *благих* и жизненных желаний их по всем прошениям, которые они изложили письменно пред лицом Твоим. [Кронштадтский Иоанн. Дневники (1908), НКРЯ].

(29) Воспряньте, бодрствуйте, молитесь, кайтесь, исправляйтесь, творите дела *благие*, восходите на небо. [Кронштадтский Иоанн. Дневники (1908), НКРЯ].

4 (30) Знай, честолюбивый юноша! почтеннее, стократ сластнее остаться в хижине *благим*, добродетельным *человеком*, чем видеть воздвигнутые себе алтари, в коих будут поклоняться тебе, яко богу злобному, ненавистному. [В. Т. Нарезный. Славенские вечера (1809), НКРЯ].

(31) ...и было тут к их старшему Якову Яковлевичу от кого-то слово, что дабы ото всего этого избавиться, надо нас, староверов, прогнать, но как он был человек *благой души*, то он этого слова не послушал... [Н.С. Лесков. Запечатленный ангел (1873), НКРЯ].

(32) Опустошение многих жилищ каждое *благое сердце* приводит в содрогание, и кровь, багрящая землю и пролитая его мучительною рукою, дымится и вопиет на небеса об отмщении. (Екатерина II). Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту (1773), НКРЯ].

(33) Но она была хороша для всех, ибо каждому могла подать сокроуища своего *благого сердца*. [Н.С. Лесков. Дама и фефёла (1894), НКРЯ].

Итак, метонимическая эпидигматическая цепочка для слова *благой* содержит четыре ступени: (1) «свойство Бога» → (2) «характеристика деяний *благого* Бога» → (3) «характеристика деяний человека, когда они соответствуют *благим* деяниям Бога» → (4) «характеристика человека, совершающего *благие* деяния».

Ср. пример, в котором последовательно представлены значения первой, второй и четвертой ступеней:

(34) Пусть мир разрушится на своём основании: я с улыбкою паду под смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщих ужасов, скажет небу: «Ты *благо* и премудро, *благо* творение руки твоей, *благо* сердце человеческое, изящнейшее произведение любви Божественной!» [Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору (1795), НКРЯ].

4.3.6. Ближайшее развитие значения слова *благо*

Сравнительному описанию слов *добро* и *благо* посвящена пронизательная и почти исчерпывающая статья И. Б. Левонтиной в «Новом объяснительном словаре синонимов»¹, поэтому дальнейшее описание слова будет проводиться в постоянном соотношении с данными и выводами этой блестящей работы, некоторая неточность которой, на мой взгляд, связана с тем, что в ней совсем не учтено значение рассматриваемых слов в религиозных контекстах и отраженное в их «светской» семантике религиозное мировосприятие.

Будучи существительным, образованным нулевой суффиксацией от прилагательного *благой*, слово *благо* на первой ступени эпидигматической цепочки обозначает все то, что дано *благим* Богом миру, вложено им в мир (примеры 16, 18). Поэтому почти в том же значении, точнее, на следующем чуть заметном шагу метонимии слово может обозначать не все *благо* сразу, а определенную его часть, иметь адресатом уже не весь мир в целом, а конкретные лица или явления (пример 17). Адресат чаще всего выражен прилагательным (*всеобщее благо*, *наше общее благо*, *мое благо*) или управляемой падежной формой (*благо человека*), а изредка спрятан в контексте. Возможно, термин «адресат» недостаточно точно соответствует описываемым отношениям, но позволю себе, вслед за И. Б. Левонтиной, использовать его здесь и в дальнейшем, ср.: «**Добро** признается таковым по с у т и своей, а не относительно того или иного человека: невозможно *добро для него, его добро*. ...**Благо** же, напротив, всегда кому-то адресовано: ср. *его благо*, *общее благо*»². Любопытно, что, поскольку в самом начальном, прямом значении адресат обозначаться не должен, потому что таковым является весь тварный мир, родительный падеж при *благо* обозначает субъекта, ср. сочетание *благо творящего* из примера 16.

Итак, *благо* обозначает «все истинно (т. е. с точки зрения Божественной истины) лучшее и важнейшее для данного

¹ Левонтина И. Б. Добро // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 280–283. URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_noss2_title

² Там же. С. 281.

субъекта», причем слово «истинно» в этом толковании очень важно — оно является отсылкой к понятиям *Бог, путь к спасению, путь к обождению*. В работе И. Б. Левонтиной не учитываются религиозные контексты, поэтому данное значение слова *благо* оказывается вовсе не описанным. Правда, среди приведенных И. Б. Левонтиной примеров есть два именно на это значение (примеры 35–36), но они выбиваются из предлагаемого И. Б. Левонтиной описания семантики слова и поэтому сочтены архаичными. Между тем в религиозных и философских контекстах слово *благо* до сих пор используется в первоначальном значении, ср. с примерами 37–38.

(35) Негодование, сожаление, / Ко **благу** чистая любовь
(А. С. Пушкин, Евгений Онегин). (Пример из [Левонтина 2004]).

(36) ... для души, / Высокой и ко **благу** страстной (Ф. И. Тютчев.
На юбилей Н. М. Карамзина) (Пример из [Левонтина 2004]).

(37) ...мы должны уподобиться жизнью нашей Христу: любовью, состраданием, жертвенностью, тем, что мы себя можем забыть до конца ради **блага**, спасения, ради утешения нашего ближнего... [Антоний (Блум), митрополит Сурожский. О следовании святым (1982), НКРЯ].

(38) Только Бог абсолютно свободен, Его свобода — это совершенная свобода в **благ**е и любви. [Уминский Алексей, священник. Православное воспитание и современный мир // “Альфа и Омега”, 2000, НКРЯ].

На второй ступени слово используется почти так же, как на первой, но без прямой отсылки к религиозной картине мира. Так же как при религиозном мировосприятии, подразумевается, что по отношению к конкретным людям и явлениям существует нечто наилучшее. Но если в религиозной картине мира источник и суть этого глобально лучшего ясны, проговорены, обоснованы системой догматов, то здесь источник завуалирован, заменен абстрактным, недоговоренным. Слово используется как обозначающее все то, что в рамках какой-то актуальной идеологии является самым ценным, т. е. приравнено к Богу и Спасению в контексте религиозной картины мира.

Поскольку во втором значении слово *благо* отсылает к глобальной, философской картине мира, это значение оказалось весьма востребовано социумом для идеологических текстов (*благо Родины, Отчизны,*

человека, человечества и др.). В подобных использованиях идеология говорящего через пресуппозитивную часть значения объявляется идеологией и собеседника тоже. Дело в том, что сочетание *благо человечества* в качестве пресуппозиции содержит примерно такое утверждение: возможно достижение определенного состояния *человечества*, всеми (в том числе говорящим и собеседником) признаваемого как наиболее значимый и желательный результат его существования. По-видимому, впервые такое использование обнаруживается у деятелей классицизма, например в прогосударственных текстах Фонвизина. Очень востребовано слово в этом значении было в советские времена. Ср.:

(39) Для истинного **блага** отечества нашего мир необходимо нужен. [Фонвизин Д. И. Письма к А. М. Обрескову (1772–1774), НКРЯ].

(40) Запорожстроевец! Ты видишь плоды своего самоотверженного труда на **благо** и во славу любимой Родины. [Леонид Брежнев. Возрождение (1980), НКРЯ].

О таких употреблении И. Б. Левонтина пишет: «**Благо** же относительно, оно исчисляется применительно к обстоятельствам. Не случайно поэтому в языке политики, которая оперирует относительными ценностями, активно используется именно синоним **благо**»¹. Думаю, что удобство понятия *благо* для политиков состоит не в его относительности, а, напротив, в содержащейся в нем отсылке к идее чего-то более высокого и значимого, чем сиюминутные интересы конкретного человека.

Итак, *благо* в двух своих основных значениях означает «хорошее для кого-либо (по умолчанию — для всего мира) при оценке с точки зрения истинных, высших целей существования».

4.3.7. Соотношение семантических и сочетаемостных свойств слова *благо*

Перечислю свойства понятия *благо*, вытекающие из первоначального значения слова и влияющие на сочетаемость этого слова и на направления дальнейшего развития его полисемии.

¹ Левонтина И. Б. Добро // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 281.

Таблица 12. Влияние семантики слова *благо* на его сочетаемость

Семантическое свойство	Вытекающая характерная сочетаемость
А. <i>Благо</i> связано с высшими интересами всего мира (человечества), поэтому:	
1. <i>Благо</i> определяется с позиции высшей истины.	<i>Истинное благо</i> (более 100 контекстов в НКРЯ). <i>Высшее благо</i> (более 100 контекстов в НКРЯ).
2. <i>Благо</i> в силу своей глобальности не может быть делом рук людей.	Ненормативны сочетания <i>*творить благо</i> , <i>*делать благо</i> , по крайней мере, с человеком в качестве субъекта.
3. Поступки людей могут служить поддержанием <i>блага</i> или препятствовать его осуществлению; <i>благо</i> может являться целью действий.	<i>Заботиться о благе</i> , <i>препятствовать благу</i> , <i>стремиться к благу</i> , <i>желать блага</i> и др., <i>делать что-либо во благо</i> , <i>для блага</i> , <i>ради блага</i> , <i>в интересах блага</i> .
Б. Путь к <i>благу</i> может быть индивидуальным, поэтому:	
4. <i>Благо</i> может иметь адресата.	<i>Его благо</i> ; <i>благо человека</i> .
В. Когда речь идет о <i>благе</i> , важна позиция, с которой дается оценка, поэтому:	
5. <i>Благо</i> конкретного человека часто не совпадает с тем, что он считает хорошим (потому что людям характерна оценка с сиюминутной позиции).	Контексты, содержащие противопоставления частной и более глобальной точек зрения, пример 42.
6. <i>Благом</i> в определенной ситуации может оказаться нечто, что обычно таковым не является (потому что оценка с позиции более глубокого взгляда может отличаться от стандартной или поверхностной оценки).	Контексты, содержащие противопоставления стандартной и более глобальной точек зрения, примеры 43–44.
7. Оценка чего-либо как <i>блага</i> требует специального анализа (потому что оценка с позиции высшей истины неочевидна).	(1) Функция сказуемого в контекстах типа: <i>Нечто было благом</i> . <i>Счесть за благо</i> . <i>Казалось благом</i> . (2) Сочетания с прилагательными, обозначающими проведенный анализ: <i>Несомненное благо</i> (9 контекстов в НКРЯ).

Комментарии и примеры к таблице.

К свойству 1: Сочетание *истинное благо* при использовании слова в начальном значении, по сути, является тавтологичным,

ведь элемент «истинно» содержится внутри значения слова: *благо* не бывает неистинным. Но такого рода тавтологичность устойчивых сочетаний характерна для случаев, когда автор текста хочет отделить первоначальное значение слова от последующих.

К свойству 2: Как уже упоминалось выше, И. Б. Левонтина считает, что некоторые свойства слова *благо*, в частности затрудненная сочетаемость с глаголами *делать*, *творить*, характерны именно для современного языка, но отсутствуют в языке XIX в. В качестве устаревшего и не соответствующего современным правилам сочетаемости И. Б. Левонтина приводит пример из Пушкина:

(41) — Удались от зла и *сотвори благо*, — говорил поп попаде, — нечего нам здесь оставаться. (А. С. Пушкин. Дубровский) [Пример из Левонтиной (2004)].

Это не русское, а церковнославянское употребление. В церковнославянском языке слово *благо* означает несколько иное, нежели в русском, и имеет другую сочетаемость, поэтому использование слов *благо* и *добро* в церковнославянском и русском (синодальном 1816–1862) переводах Библии не совпадают, ср. для (Пс 36. 27): *Уклонися от зла и сотвори благо* и *Уклоняйся от зла и делай добро*.

Таким образом, собственно русских — не представляющих собой цитату из церковнославянского — контекстов, допускающих сочетание слова *благо* с глаголом *творить* или синонимичными, в текстах XVIII–XXI вв. не обнаруживается. Несколько же примеров, зафиксированных в НКРЯ, либо являются цитатами из библейского текста, либо представляют собой отклонение от нормы, — иногда случайное, иногда соответствующее замыслу автора.

К свойству 3: Это свойство характерно только для второго, нерелигиозного значения, так как в религиозном значении *благо* является вневременным понятием.

К свойству 5:

(42) Бабуля в интересах моего *блага* нещадно стегала меня прутьями и заставляла полоть огород. [Т. Введенская. Утро после «happy end» (2008)].

К свойству 6:

(43) В данных обстоятельствах развод был *благом*. (Пример из Левонтиной (2004)).

(44) Что и говорить, «строгач» *был благом* по сравнению с исключением, но сопровождался он увольнением с работы. [Галина Шергова. Об известных всем (2002–2004), НКРЯ].

К свойству 7:

(45) Гринев произнес это таким тоном, что Гена *счел за благо* не только заткнуться, но и поспешно ретироваться. [Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005), НКРЯ].

(46) Повышение температуры для многих людей, например для россиян, живущих в самой холодной стране, может *казаться* долгожданным *благом*. [Борис Ключников. Тесные врата устойчивого развития // “Наш современник”, 2004, НКРЯ].

(47) Ни мы, ни все человечество уже не имеем возможности во имя покоя «отменить» научно-техническую революцию. Тем более что это скорее *несомненное благо*, которое дает неизмеримо больше того, что отнимает. [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999), НКРЯ].

Итак, основные сочетаемостные особенности слова *благо*, а именно: ненормативность помещения человека в роль субъекта; наличие адресата; естественность позиции «цель действий человека»; ориентация на более высокую из возможных точек зрения на «хорошее» — вытекают из начального значения слова «истинно наилучшее как божественный дар».

4.3.8. Дальнейшее метафорическое развитие значения слова *благо*

Дальнейшее полисемическое развитие слова *благо* как абстрактного существительного связано с имеющейся в нем семей «сравнение позиций оценки: оценка дается с более высокой, более значимой позиции». На первой ступени *благо* — это Бог (взгляд с позиции веры по отношению к земному взгляду); на второй — нечто важнейшее с точки зрения общей идеологии (взгляд с позиции государства, социума, человечества по отношению к взгляду отдельного человека); на третьей ступени речь о чем-то более значимом, чем сиюминутная выгода (взгляд с позиции всей жизни человека по отношению к сиюминутному): пример 42; наконец, на четвертой ступени, для которой характерна позиция сказуемого, сравниваются выгода, бросающаяся

в глаза, и выгода, обнаруживаемая при более глубоком анализе (примеры 43–47).

Если при переходе от первой ступени ко второй слово почти теряет идею божественного, сохраняемую только в виде понятий «главное, высокое, глобальное, истинное», то при переходе от второй ступени к третьей оно вовсе теряет идею высокого, сближается с приземленными понятиями *польза* или даже *выгода*. Такая потеря существенной части значения может быть рассмотрена как метафорический перенос: *благо* в прямом смысле слова — это всегда *божественное благо*, а в последующих значениях речь идет о принципиально ином денотате, лишь на основе сходства определенных свойств именуемом тем же словом. То есть денотат слова *благо* из сочетания *божественное благо* в такой же степени далек от денотатов слова, выступающего в сочетаниях *заботиться о благе нации*, *пороть детей ради их же блага*, *счел за благо ретироваться*, как, скажем, денотат слова *ангел* в прямом значении далек от денотата этого же слова, обозначающего человека. Основное содержание слова *благо* теряется, сохраняются же высокая степень позитивной оценки и идея выбора более высокой точки зрения на «хорошее».

Итак, во всей эпидигматической цепочке слова *благо* в абстрактном значении связующим звеном является идея позитивной оценки с более значимой позиции, чем обычная, а различия в значениях связаны с девальвацией ценностей: от религиозных ценностей к социальным, а затем к личной выгоде.

При употреблении слова *благо* в качестве конкретного существительного, преимущественно во множественном числе, от его первоначального значения сохраняется идея «то, что дано человеку в рамках чего-то глобального». *Блага* — это те материальные составляющие мира, которые полезны и приятны для человека. Первоначально они связаны с *благом* в единственном числе, так как даны Богом, являются Его дарами (пример 48), но затем слово начинает использоваться и по отношению к иным глобальным источникам полезного и приятного: *блага природы*, *блага жизни*, *блага цивилизации* и даже *всех благ*. Наконец, слово превращается в частицу, сохраняющую от первоначального значения только элемент «положительная оценка» и не отличающуюся от частицы *хорошо*: ср.: *благо я это предусмотрел* и *хорошо я это предусмотрел*.

Интересно, что слово *благой* менялось только метонимически, сохранив поэтому значение, близкое к религиозному, и употребляется

очень узко, тогда как слово *благо* пошло по метафорическому пути и используется весьма широко, но в значении, далеком от первоначального.

4.3.9. Семантическое соотношение слова *благо* со словами *польза* и *добро*

Слово *благо* часто используется в одном ряду со словом *польза*, связанное с ним союзами *и* или *или*. В НКРЯ найдено около 15 таких контекстов (*для блага и для пользы кого-либо, служение общему благу или общей пользе* и т. п.). Достаточно часто слово *благо* легко заменяется на *польза*, ср.: *пороть детей ради их же блага — ради их же пользы*. С другой стороны, ясно, что *благо* и *польза* — это совсем разные понятия, и выразительнее всего сформулировала это Н. Д. Арутюнова: «Сколько бы ни утверждал Бентам, а впоследствии сторонники так называемого разумного эгоизма, что польза и благо — это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним»¹.

В работе Н. Д. Арутюновой дан обзор взглядов на понятие *польза* в мировой философско-лингвистической мысли, но речь идет о внеязыковом или межъязыковом концепте, а не о конкретном слове. На основе этого обзора и беглого анализа примеров можно выдвинуть гипотезу, что русское слово *польза* предполагает позитивную оценку последствий чего-либо с утилитарной, но не гедонистической точки зрения, где «утилитарный» — это связанный с материальными интересами, а «гедонистический» — связанный с удовольствием. Думаю, что в значении русского слова *польза* содержится отталкивание и от нравственно-духовной или сакральной оценки, и от оценки в связи с «приятностью». Тогда становится понятно, что *польза* **противостоит благу** тем, что *благо* претендует на более высокий взгляд на *хорошее*, нежели чисто утилитарный. Сближаются слова *польза* и *благо* потому, что оба содержат элемент противопоставления менее значимой позиции оценки — гедонистической для *польза* и недостаточно глобальной для *благо*.

Польза — это то, что связано с желательным с точки зрения не сиюминутного удовольствия, а более длительных утилитарных, т. е.

¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Ч. III: Оценка в механизмах жизни и языка. М., 1999. С. 251.

ориентированных на физическое и материальное благополучие, последствий. Из-за того что сиюминутные цели можно рассматривать как очевидные, а долгосрочные — как более разумные, значение слова *польза* сближается со значением *благо* из бытовых контекстов.

Напротив, слово *добро* никогда в реальных текстах не стоит в одном ряду с *благо*. Очень редко встречаются контексты, в которых эти слова взаимозаменяемы: у них очень разная сочетаемость. Между тем в лингвистических и философских работах *добро* и *благо* часто описываются как семантические корреляты, как пара, связанная гипонимическими или синонимическими отношениями. Ср., например, высказывание, в котором *добро* использовано в двух значениях: сначала как гипероним, а затем как когипоним к *благу*: «Добро в русской ментальности выражено степенями (благо, добро и проч.), но зло однозначно, термин “зло” не варьируется»¹.

В работах И. Б. Левонтиной² *добро* и *благо* анализируются как синонимы: «**Добро и благо** — все т о х о р о ш е е, доброе, положительное в человеческой душе и жизни, что противоположно абсолютному отрицательному началу — злу»³. *Благо* И. Б. Левонтина трактует как такое хорошее, которое «определяется относительно конкретной ситуации, конкретного человека», указывает скорее «на утилитарную характеристику итогового положения дел» и неспособно обозначать ценности самого высокого уровня. Слово же, *добро* она описывает, напротив, как обозначающее нечто абсолютное, определяемое относительно всей ценностной шкалы человека, всех его представлений о мире; *добро* «в большей степени предполагает этическую оценку действия или его результата» и может быть обозначением «нравственной ценности самого высокого уровня»⁴. Подводя итог анализу И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелев пишет: «Единое представление о чем-то хорошем отражено в слове *добро* в этическом, а в слове *благо* — в утилитарном аспекте»⁵.

¹ Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 35.

² Левонтина И. Б. «Звездное небо над головой» // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995; *Она же*. Добро...

³ Левонтина И. Б. Добро... С. 281.

⁴ Там же.

⁵ Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 446.

Как было показано выше, такая трактовка слова *благо* исходит из анализа бытовых и политических контекстов, описывает в качестве основного такое значение слова, которое по отношению к использованию в религиозных контекстах может быть истолковано как метафорическое звено эпидигматической цепочки.

Думаю, что наиболее важным различием в семантике слов *благо* и *добро* является следующее противопоставление: «оценка итогового положения дел» / «этическая оценка нравственного состояния человека, послужившего источником действия или результата действия». А общим для обоих слов является компонент «наиболее высокая, абсолютная, то есть исходящая из представлений о Божественном замысле, оценка». Этим компонентом оба слова противопоставлены бытовому, человеческому, материальному, утилитарному «хорошему», обозначаемому словами *хорошее*, *желательное*, *приятное* и словом *польза*.

Слово *добро* означает наивысшую оценку намерений человека, предшествующих действию или результату действия (этическо-нравственная оценка), *благо* же — это наивысшая оценка конечного итога определенной последовательности действий и результатов действий (сакральная оценка). На мой взгляд, в противопоставлении слов *добро* и *благо* выражено свойственное православному мировосприятию представление о том, что человек способен — и должен — действовать, исходя из «по-настоящему» (т. е. с точки зрения Божественной истины) хороших побуждений, но лишь Бог может сделать так, чтобы действия и их результаты в конечном счете привели к «по-настоящему» (т. е. с точки зрения Божественной истины) хорошему итогу. Ср.:

(48) Совершенство в идее доступно и самому человеку. Но человек бессилён дать своему совершенству действительность, сделать свое *добро настоящим благом*. Здесь глубочайшее основание зависимости его от того, в ком абсолютное совершенство дано как вечная действительность и кто есть нераздельное и неизменное тождество *Добра, Блага* и Блаженства. [Вл. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899), НКРЯ].

* * *

Благом, или *истинным*, *наивысшим благом* в русском языке называется то, что является конечным задуманным Богом итогом земного бытия; для человека это спасение и обожение. Также *благом* для конкретного человека (или людей) называются все те события и явления человеческой жизни, которые ведут к *Божественному благоу*, соответствуют Промыслу, домостроительству Божьему. Вне религиозного или философского контекста словом *благо*, как правило используемым в рамках предложных сочетаний со значением цели (*во благо*, *на благо* и т. д.), называется наиболее желательное по отношению к конечным целям развития человека или социума, причем такие цели описываются в пресуппозиции слова как общепринятые и общепонятные. Наконец, словом *благо* в позиции сказуемого обозначаются те события и явления, которые наиболее хороши при анализе ситуации с более глубокой точки зрения, чем очевидная.

Добром называется такое движение души человека, которое соответствует божественным заповедям о любви к ближнему и о милости как единственной форме следования закону Божьему (*Милости хочу, а не жертвы*, Мф 12. 7), а также все то, что порождено подобными движениями души.

Понятия *добро* и *благо* ориентированы на высочайшие, божественные ценности, что особенно ясно видно, если сравнить их с утилитарным понятием *польза*. Слова *добро* и *благо* в основных значениях соответствуют абсолютным, а никак не относительным понятиям. Различие же между ними в том, что *добро* свойственно человеку, тогда как *благо* — Богу. *Господь благ*, а человек *добр*, и в православных текстах эти прилагательные никогда не меняются местами. *Добро* — это наивысшая оценка состояния души, это наилучший начальный импульс человеческого действия. *Благо* — это наивысшая конечная оценка пройденного пути, к достижению которой приводит лишь Божий Промысел. Творя *добро*, человек конечно же стремится к *благу*. Но не в человеческих силах задать конечный итог той цепочки событий, которая начата добрым поступком, поэтому *добро*, сделанное кому-то, необязательно обернется *благом* для этого кого-то. Зато *добро* всегда и безусловно является *благом* для самого творящего его человека.

Указатель лексем и морфем

Абагар 4.1

Авгарь 4.1

авдианство 4.1

акафист 4.2.1

акривия 4.1

алконост 4.1

альтруист 4.2.2

ангел 4.1

ангельский чин 4.1

аненайка 4.1

антиминс 4.1

бес 4.1

благо, благой, блаженный и др. 4.3

Бог 4.1

вы-, глагольная приставка 1.1.3, 1.1.3.1, 1.2.4.2–5

вываривать 1.1.3.1

выгнать 1.2.4.2–5

выготовить 1.1.3.1

выйти 1.1.3.1

вылечить 1.2.4.2–5

вымыть 1.1.4, 1.2.4

вытанцовывать 1.1.3.1

вытрезвиться 1.1.7

вышить 1.1.3.1

да 3.1, 3.2

до-, глагольная приставка 1.3.5

добро 4.3.9, 4.3.10

догмат, догма, догматизм и др. 4.2.3

доказать 1.3.5

ждать 1.1.5

заступаться, заступиться, заступник, заступничество 1.6

из-, глагольная приставка 1.2

извертеться 1.2

излечить 1.2

изъездить 1.2

изъесть 1.2

инкуб 4.1

исписать(ся) 1.2

испачкать 1.2

испортить 1.2.3.4

испугать 1.2.4.6

исстрадаться 1.2

истанцевать 1.2

казаться 1.3

каменеть 1.1.6

крестить 1.4

крыса 4.1

милость 4.1

молиться 4.1, 4.2.1

мышь 4.1

наказать 1.3

напугать и напугаться 1.2.4.6

настоящий 1.5.6

нет 3.2

о-/об-, глагольная приставка 1.1.3, 1.1.3.4, 1.5

обварить 1.1.3.4

обдернуться 1.1.3.4

обождать 1.1.5

обползать 1.1.3.4
 обстучать и обстукивать 1.5.6
 обшить 1.1.3.4
 оговориться 1.1.3.4
 ожидать 1.1.5
 окаменеть 1.1.6, 1.5.7
 окрестить(ся) 1.4
 омыwać 1.1.3.4, 1.5
 оправдать 1.6.1
 ослышаться 1.1.3.4
 от-, глагольная приставка 1.3.6
 отказать 1.3.6.1
 отказаться 1.3.6.2

пара 2.2
 по-, глагольная приставка 1.1.3, 1.1.3.3, 1.3.4, 1.4
 побежать 1.1.3.3
 поварить 1.1.3.3
 поддакивать 3.1.1
 подождать 1.1.5
 поисповедаться 1.4
 пойти 1.1.3.3
 показать 1.3.4.1
 показаться 1.3.4.2
 покрестить 1.4
 покреститься 1.4
 польза 4.3.9, 4.3.10
 помыть 1.1.4
 попеть 1.1.3.3
 поползти 1.1.3.3
 почитать 1.1.3.3

скорбь 4.1
 слон 4.1
 стол 4.1
 стул 4.1
 у-, глагольная приставка 1.1.3, 1.1.3.2
 уварить 1.1.3.2

увеличить(ся) 1.1.7
 уменьшить(ся) 1.1.7
 уработаться 1.1.3.2
 утанцовывать 1.1.3.2
 ушить 1.1.3.2

хренов 4.2.2

человек 2.2

шить 1.1.3.1
 штука 2.2

Список литературы

Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007.

Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.

Антоний, митрополит (Сурожский). Может ли молиться и верить современный человек. М., 2009. С. 30–40.

Апресян Ю. Д. О структуре значений языковых единиц. Wrocław, 1983.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 2.

Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола выйти // Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян Ю. Д. Ждать 1.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 335–342.

Апресян Ю. Д. Казаться 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 456–462.

Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. №1. С. 3–30.

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.

Перспект активного словаря русского языка / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М., 2010.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Ч. III: Оценка в механизмах жизни и языка. М., 1999.

Багрянцева В. А., Болычева Е. М., Галактионова И. В. Русский язык. М., 2006.

Байдимирова А. (Baydimirova A.). Русские аспектуальные приставки *О, ОБ и ОБО*: исследование алломорфии (Russian aspectual prefixes *О, ОБ and ОБО*: A case study of allomorphy) Master's thesis. Тромсе, 2010 (URL: <http://studiorum.ruscorpora.ru>).

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. №3.

Баранова В. В. В чем считать? Конструкция счета NUM штук Ngen в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. СПб., 24–26.03.2011.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1948–1965.

Биккулова О. С. Деепричастие: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм – URL: <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Богданов С. И., Воейкова М. Д., Евтюхин В. Б. и др. Современный русский язык. Морфология. Препринт. СПб., 2007.

Богуславский И. М. О семантическом описании русских деепричастий: Неопределенность или многозначность? // Известия ОЛЯ. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. № 3.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1913.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.

Глушкова И. В. Формирование пространственно-направительной модели приставки *до-* в истории русского языка // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 181–190.

Горелик Е. В. Описание глагольной приставки *у-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2001. Т. 5. № 1. С. 37–68.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Гришина Е. А. Повторы *да* и *нет* в русском устном диалоге // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва, 20–23 марта 2010 г.

Гришина Е. А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 5 (2). С. 169–207.

Грищенко А. И. Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: опыт статистического исследования // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. № 4(34). С. 21–39.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать *НЕТ* (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 400–410.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М., 2009. № 8 (15). С. 97–101.

Добродомов И. Г. Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: взьефантулить, сморозить, аксиос(ы) // Slověne. International Journal of Slavic Studies. М., 2013. № 2. С. 143–171.

Добрушина Е. Р. Верификативные высказывания в современной русской диалогической речи: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1993.

Добрушина Е. Р. О видах поддакивания // Вестник Московского Университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 2. С. 56–67.

Добрушина Е. Р. Когда *да* и *нет* значат одно и то же // Диалог 96. Dialog'96. Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. Пушкино, 1996.

Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 121–140.

Добрушина Е. Р. Существует ли симметрия значений слов *да* и *нет*? // Диалог 2001. Dialog'2001. Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. Таруса, 2001.

Добрушина Е. Р. Что значит *нет*? // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 2003. С. 146–193.

Добрушина Е. Р. О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях) // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Смоленск, 2006. С. 65–72.

Добрушина Е. Р. Лексикографическое толкование и шкала лабильности (проблемы толкований в словаре религиозной лексики) // Сборник материалов Богословской конференции ПСТГУ. М., 2007.

Добрушина Е. Р. Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 92–106.

Добрушина Е. Р. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: Материалы международной конференции 18–20 июня 2009 года. М.; Ярославль, 2009. С. 147–151.

Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *о-/об(о)-*) // Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2009. С. 264–270.

Добрушина Е. Р. *Видев* и *увидя*: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 15–33.

Добрушина Е. Р. Абсолютность *добра* и относительность *блага* или наоборот? // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2009. Вып. 1 (15). С. 25–40.

Добрушина Е. Р. Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность» / Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. М., 20–23 марта 2010 г.

Добрушина Е. Р. К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 31–44.

Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 105–113.

Добрушина Е. Р. Присчетные слова // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сборник материалов конференции 9–12 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 70–75.

Добрушина Е. Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с *ихний* // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.

Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001. С. 11–254.

Добрушина Е. Р., Пайар Д. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *каз-*) // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hrsg Sw. Mengel. Munster-London-Hamburg, 2002. С. 263–280.

Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «аббата» до «аналоя»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2011. Вып. 4 (22). С. 119–148.

Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «анамнесиса» до «апокрифа»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2012. Вып. 2 (28). С. 103–118.

Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «апостола» до «аутодафе»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер.: Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 114–136.

Дронова Л. П. Прилагательное *благой* в историко-культурном контексте // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в значении приставки *у-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. М., 2001. Т. 5. № 1. С. 69–85.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954–1965.

Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002.

Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 2003. С. 8–26.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Ковальская В. М. Морфология и синтаксис русских деепричастий: стандартные и нестандартные употребления: Дипломная работа (Филологический факультет МГУ). На правах рукописи. М., 2010. (URL: <http://studiorum.ruscorpora.ru>).

Ковальская В. М., Кузнецов И. О. Нестандартные деепричастия в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 3.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.

Косторомина Н. В., Николаева К. А., Ставская Г. М., Ширяев Е. Н. Русский язык / Под ред. Л. Ю. Максимова. М., 1989.

Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.

Кошелев А. Д. К проблеме лексической многозначности. Описание общего значения глагола *брать/взять*. Язык. Личность. Текст: К 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 315–365.

Кронгауз М. А. Опыт словарного описания приставки *от-* / Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 62–86.

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.

Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380–383.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М., 2010.

Левонтина И. Б. «Звездное небо над головой» // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Левонтина И. Б. Добро // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 280–283 (URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_noss2_title).

Лекант П. А. Современный русский литературный язык. М., 2004.

Летучий А. Б., Холодилова М. А. Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. СПб., 24.03.2011.

Литвинцева К. В. Лексикографическая специфика современного словаря христианской лексики: на материале словарной статьи «Архидиакон» // Сборник студенческих научных работ. 2010. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 133–141.

Литвинцева К. В. Номинация, титулование и обращение в религиозном дискурсе (лексикографические наблюдения) // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012. С. 165–176.

Литвинцева К. В. Отражение лексических свойств слова Бог в лексикографических описаниях // XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2013. Т. 1. С. 307–308.

Литвинцева К. В. Особенности функционирования фразеологизмов с лексемой *Божий* в религиозных и светских текстах. 2014. В печати.

Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 3. № 1. С. 20–45.

Ляшевская О. В. Семантика русского числа. М., 2004.

Мак-Кин Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М., 2004.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Меллина Е. А. Приставка *на-*: семантическое взаимодействие с четырьмя глагольными основами: *шить*, *бить*, *брать*, *гнуть* // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001. С. 255–270.

Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. La syntaxe de surface d'expressions numériques du russe. Vienne: Wiener Slavistischer Almanach, 1985.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М.; Вена, 1995.

Милославский И. Г. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой М., 1981.

Муусинова Т. В. Семантическое описание русской глагольной приставки *раз-* // Труды международной конференции Диалог'2003. М., 2003. С. 455–457.

Мустайоки А., Пуссенен О. Об экспансии глагольной приставки *по-* в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 247–275.

Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. М., 1990.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004 (URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_noss2_title).

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988.

Ольхова Л. Н. Как сказать «нет»: выражение отрицания в русском языке. СПб., 2001.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Пайар Д. Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 87–112.

Пауккери П. (*Pirkko Paukkeri*) Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами *да*, *ну* и *так*. Хельсинки, 2006 (URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/paukkeri/recipient.pdf>).

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Печеный А. П. L. A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013 // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 138–146.

Плунгян В. А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. М., 2001. С. 95–124.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М.: Русские словари, 2000.

Рахилина Е. В., Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 13–40.

Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2006.

Ремчукова Е. Н. Вариативность аспектуальной префиксации в современной русской речи: закономерность и право выбора // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2004 (URL: <http://www.philol.msu.ru>).

Рудницкая Е. Л. Внутренняя структура числовой конструкции с классификатором в корейском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 60–77.

Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1982.

Свецинская И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 149–164.

Селиверстова О. Н., Пайар Д. Исследования по семантике предлога: Сб. М., 2000.

Сичинава Д. В. Числительное: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм URL: <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2008.

Смирнова О. И. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 57–58.

Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

Степанова Е. Б. Частица *не* в общем вопросе: значение и сфера действия // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 54–62.

Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. III: Филология. 2010. № 1. С. 7–31.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 92–157.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и физиология русского глагола / Филол. ф-т МГУ им. Ломоносова. На правах рукописи. 2009.

Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. № 1. С. 42–53.

Флайер М. Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 29–47.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Янда Л. А. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 49–61.

Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.

Янко Т. Е. Русские существительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 168–181.

Aikhenvald A. Y. Classifiers: a typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.

Bogusławski A. Prefiksacja czasownika we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław, 1963.

Camus R. Contribution à l'étude du mos du discours Da en russe contemporain. Thèse pour le doctorat. Université Paris 7. 1994.

Camus R. Quelques considérations sur le préverbe *po-* en russe contemporain // Revue d'Etudes Slaves. 1998. 70/1. P. 101–112.

Dobrovolskij D., Levontina I. YES and NO: Universal Ideas in Language Specific Configurations // Meaning-Text-Theory. 4th International Conference. Montreal, 2009.

Dobrovolskij D., Levontina I. Russian NET vs. German NEIN 'NO': a semantic approach // Russian Linguistics. 2012. № 36. P. 213–219.

Gallant J. Russian verbal prefixation and semantic features: An analysis of the prefix *vz-*. Munchen, 1979.

Guiraud-Weber M. О грамматическом значении префикса *no-* / Slavica Varia Halensia, B. 7: Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hg. Swetlana Mengel. München; London; Hamburg, 2002. P. 293–303.

Paillard D. Les mots du discours comme mots de la langue: pour une typologie formelle // Le Gré des Langues. Paris, 2000.

Paillard D. A propos des verbes polysémiques. I dentité sémantique et principes de variation // *Syntaxe & sémantique*. 2000. № 2. P. 99–120.

Sakhno S. A propos du preverbe russe RAZ- / *Essais sur le discours de l'Europe Ecletée*. Grenoble, 1998. (Revue du center d'études slaves contemporaines, Université Stendhal, N 14).

Schooneveld C. H., van. The so-called 'preverbes vides' and neutralization // *Dutch contributions to the Fourth international congress of slavistics*. The Hague, 1958.

Schooneveld C. H. van. Semantik transmutations: prolegomena to a calculus of meaning. V. 1. The cardinal semantic structure of prepositions, cfses, and peretactic conjunctions in contemporary standart Russian. Bloomington, 1978.

Sussex R. The Numeral Classifiers of Russian // *Russian Linguistics*. Dordrecht, 1976. № 3. P. 45–55.

Janda Laura A., Endersen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Tore Nasset, Sokolova S. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana), 2013.

Vey M. Les preverbes «vides» en tcheque moderne // *Revue des etudes slaves*. 1952. № 29. P. 82–107.

Viimaranta J. The metaphors and metonymies of domination: explaining the different meanings of the Russian prefix pod- // *Russian linguistics*. 2012. № 36 (2). C. 157–174.

Viimaranta J. The meaning and use of podportit' on the basis of the Russian National Corpus // *Russian Linguistics*. 2014. № 38 (1). C. 63–87.

Научное издание

Добрушина Екатерина Роландовна

**Корпусные исследования по морфемной,
грамматической и лексической семантике
русского языка**

Корректоры *О. В. Хвостова, О. Т. Орос*
Верстка *А. Н. Пашкова*

Подписано в печать 03.10.2014. Формат 60х90/16.
Объем 17 п. л. Тираж 500 экз.

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23, корп. 5а
E-mail: izdat@pstgu.ru
www.pstgu.ru